

В. Н. ВИНОГРАДОВ

Д
ВУГЛАВЫЙ
РОССИЙСКИЙ ОРЕЛ
НА БАЛКАНАХ
1683—1914

В. Н. Виноградов
Двуглавый российский орел
на Балканах. 1683–1914

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11080317
Двуглавый российский орел на Балканах. 1683-1914./ В.Н. Виноградов: Индрик; Москва; 2010
ISBN 978-5-91674-100-1

Аннотация

В 1683 году войска Турецкой империи осаждали Вену, а в 1914 году Турция встретила Первую мировую войну, будучи в Европе территориально прижатой к проливам Босфор и Дарданеллы. В 1684 году громадное большинство христианского населения Балкан пребывало в состоянии раба (скота по-арабски), а в 1914 году оно проживало в независимых государствах. Освобождение заняло более двухсот лет. И каждый шаг на этом долгом и мучительном пути делался с опорой на Россию в ее противоборстве не только с Османской империей, но и с Великобританией, Австрией и временами с Францией. Десять Русско-турецких войн, одна из которых, Крымская, вылилась в европейскую с участием в ней на турецкой стороне Великобритании, Франции и Сардинии, являлись своего рода вехами на пути Балкан к свободе. Великая миссия России, коей посвящена эта книга, была завершена.

Содержание

Глава I	4
Глава II	24
Глава III	49
Конец ознакомительного фрагмента.	79

В. Н. Виноградов

Двуглавый российский орел на Балканах. 1683-1914

Глава I

Крестовый поход Священной лиги четырех держав. Трагедия на реке Прут

1683 год – дата, знаменательная в истории Османской империи, Европы и всего тогдашнего мира: на эту дату приходится последнее восточное нашествие в османском варианте на континент. Турецкие завоеватели осадили Вену, добрались до сердца Европы и собирались утвердиться здесь прочно и надолго. В соседней Венгрии они хозяйничали уже полтора века, со времени правления султана Сулеймана Великолепного, учредив в стране Будайский эялет. Но терпение христианского мира иссякло, в 1684 году появилась Священная лига в составе Римской империи германской нации, Польского королевства и Венеции. Начался последний крестовый поход против представлявшейся безудержной османской экспансии. Собрались лучшие воинские силы того времени во главе с великим полководцем Евгением Савойским и лихим польским королем Яном Собеским. Венецианский флот господствовал в Средиземном море.

Русь не могла остаться в стороне от начавшегося противоборства. Она уже скрещивала оружие с Османской империей, а еще чаще с войском Крымского ханства, вассального владения Турецкой державы. Настал великий перелом, Европа из стороны обороняющейся превратилась в наступающую. Случались, особенно в веке восемнадцатом, и осечки на этом пути, приходилось и отступать, и выжидать, но если турки и достигали успеха, то лишь местного и временного. В XIX столетии от единого христианского лагеря остались одни воспоминания, в связи с усилением могущества России бывшие союзники превратились в соперников, покровителей и защитников султанской державы. Великую миссию освобождения балканских христиан от османского ига России пришлось выполнять в одиночестве и в борении не только с Высокой Портой, но и ее западными патронами. Если взять за точку отсчета 1683 год, то понадобилось 235 лет, чтобы прежняя многонациональная и поликонфессиональная империя превратилась в Турецкую республику. Но начало этого процесса пришлось на 80-ые годы семнадцатого века. 1683 год представляется нам обоснованной и достойной датой для начала труда о балканской политике России, в котором автор использует материалы своих прежних исследований. Итак, двуглавый орел на Балканах, 1683–1914.

* * *

Еще в 1475 году произошло событие, имевшее последствия поистине неисчислимы, предопределившее неизбежность русско-турецких войн: в Крыму высадились османские войска, ханство превратилось в вассала Турецкой державы, а Черное море – в ее внутреннее озеро. Произошло это накануне падения татаро-монгольского ига (1480 год), во время колоссального усиления Великого княжества Московского при Иване III Васильевиче, присоединившем к своим владениям псковские, ростовские, новгородские, тверские, вятские земли, распространившем свою власть на удельные княжества. Не упускал он возможности и сеять раздоры между татарами. В 1502 году его союзник, крымский хан Менгли Гирей разгромил

Большую орду, наследницу Золотой, в результате чего необходимость лавирования между ордами отпала и соседство с Крымом обернулось своими неприятными сторонами, которых было множество. Разбойничьи набеги на порубежные русские земли крымчане превратили в государственную политику, грабя жителей, сжигая села и города, увозя в полон население для продажи на невольничьих рынках Востока, только в первой половине XVII века – 200 тысяч душ. Княжеская, а потом и царская власть пошла на разорительные траты, соорудив Засечную черту, систему укреплений из лесных завалов и крепостей на стратегически важных направлениях по всему южному пограничью. Гиреев задабривали «поминками» (подарками), и немалыми, по сути – данью. «Поминки» принимались – набеги продолжались. К югу от черты лежало Дикое поле – широкая полоса плодородного чернозема, не знавшая сохи пахаря и заросшая высокой травой. И никакие набеги не могли пресечь «вторжение» крестьян на эти земли и их усилий превратить Дикое поле в обрабатываемое и цивилизованное. Это не рассматривалось как попользование на нечто чужое. В историческом сознании не только в России, но и в Польше Причерноморье воспринималось как древнерусское владение. Опубликованный в конце XVI века трактат Ю. Верещинского был посвящен заселению земель в русских краях. По договору гетмана И. А. Выгодского (1658 год) они входили в состав Речи Посполитой как великое княжество Русское¹.

Движение на юг являлось закономерностью отечественной истории, и инициатива принадлежала пахарю. Южное направление внешней политики зародилось не только в царском дворце, но и в крестьянской избе. Отнюдь не случайным представляется эпизод, произошедший в 1637 году и поставивший на ноги дипломатию Турции, Польши и России. Донские казаки лихим налетом захватили крепость Азов в устье Дона, ибо, как справедливо заметил войсковой круг, «и с того де града Азова чинитца многие пакости Российскому государству». В ожидании неизбежного ответного удара со стороны османов донцы сели в осаду и послали гонца к царю Михаилу Федоровичу с радостной вестью о присовокуплении города к его державе.

В Боярской думе и Посольском приказе воцарилась не радость, а тревога: еще не зажили раны Смутного времени, очередная война с Польшей закончилась неудачей, Смоленск вернуть не удалось, а тут атаманы вовлекают в ссору с Османской империей. На созванном Земском соборе голоса разделились, возобладало мнение благоразумных и осторожных: конфликт следует погасить². Пять лет длились переговоры с Высокой Портой, столько времени потребовалось, чтобы распутать завязанный предприимчивыми казаками в одночасье узел. Думе удалось, задоблив донцов ружьями, порохом и сукном на кафтаны, уговорить их покинуть полуразрушенный Азов. До вооруженного столкновения с турками тогда дело не дошло. Одолевали заботы и хлопоты в другом направлении. За вхождением Левобережной Украины в состав России (1654 год) последовала тринадцатилетняя война с Польшей (1654–1667 годы), в которой в 1656–1658 годах пришлось сражаться и со Швецией. Война выдалась затяжная, изматывающая, сопровождавшаяся татарскими набегами. Гетман Юрий Хмельницкий, сын Богдана, переметнулся на польскую сторону. И все же по Андрусовскому договору Москве удалось добиться возвращения Смоленска, Дорогобужа, Невеля, Чернигова, Стародуба. Польша признала вхождение Левобережной Украины в состав России³, но ее обладание Киевом ограничивалось двумя годами, а Запорожье подлежало совместному управлению двух государств. Обе стороны давали себе отчет в том, что в плане стратегическом они заинтересованы в отпоре османской экспансии. Идя по этому пути,

¹ Аршакова А.М. Турецкий вопрос в польской публицистике конца XVI века. М., 2000. С. 8; История внешней политики России XV–XVIII в. М., 2000. С. 317

² Разин Е. А. История военного искусства. М., 1962. Т. 3. С. 230–235

³ Савин Г. А. Порты, Крым и страны Восточной Европы // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. С. 70–71

Москва в 1681 году, после новой войны с турками, добилась согласия Порты на присоединение Левобережной Украины и Киева к России. Но обусловленный Андрусовским договором срок владения Киевом истек, передача его Польше не состоялась, и в отношениях Москвы и Варшавы появилось яблоко раздора. А в России после смерти Алексея Михайловича и его сына Федора десятилетний царь Петр делил престол со слабым телом и хилым умом братом Иваном, бразды правления взяла в свои руки сестра Софья, клан Нарышкиных ссорился с кланом Милославских, стрельцы своевольничали и бунтовали.

В это время на Западе готовилось великое – последний крестовый поход христианской Европы, назревала война с Османской империей, раздвинувшей свои границы до Венгрии. Россия была кровно заинтересована в отпоре Турецкой державе, но не готова к участию в коалиции по причине напряженных отношений с Польшей.

Инициатива в развязывании конфликта принадлежала турецкой стороне. Ситуация представлялась великому везиру Кара Мустафе, человеку решительному, честолюбивому и тщеславному, вполне благоприятной для нанесения удара: Венеция еще не оправилась от поражения в ходе долголетней войны (1645–1669 годы) с османами, в которой утратила остров Крит; Венгрии как единого целого не существовало, ее делили Турция, Римский император и мятежный магнат Имре Теколи. Могущественный король Франции Людовик XIV являлся смертельным врагом австрийского кайзера Леопольда и потенциальным союзником Высокой Порты. Войска во главе со знаменитыми полководцами А. Тюренном, С. Вобаном и А. Конде сражались в разных комбинациях с армиями Англии, Голландии, Швеции, Испании, Бранденбурга, Австрии и отдельных немецких княжеств. Людовику в это время удалось присоединить Лилль, 9 бельгийских городов, Мец, Туль, Верден, столицу Эльзаса Страсбург, он выгнал из Нанси герцога Лотарингии, входившей тогда в Германскую империю, и был заинтересован в том, чтобы отвлечь силы императора Леопольда на восток. Тайком он науськивал Порту на Австрию и писал своему послу Стамбул: «Решение султана выступить против Венгрии может прекрасно способствовать сохранению мира во всей Германии, или, по крайней мере, воспрепятствует тому, чтобы император бросил все войска на Рейн»⁴.

Не от хорошей жизни османы ринулись вперед. Империя находилась в жесточайшем системном кризисе, разваливалась тимарная система землевладения – основа основ хозяйственной жизни государства и экономический фундамент вооруженных сил султаната. Вся земля принадлежала падишаху и делилась на участки, тимары и зеаметы, которые предоставлялись сипахи, кавалеристам, за службу в войске и на ее срок. Крестьян с земли не сгоняли, их обязанности по отношению к тимариоту в классический период истории (до конца XVI века) были строго регламентированы: трудовая повинность – три дня в год. При приезде «хозяина» община содержала его самого и его боевого коня три дня, на слуг эта повинность не распространялась. В его пользу шла также часть взимаемых с крестьян налогов. Система функционировала гладко, пока империя распространялась: завоевывались все новые и новые земли, нарезались тысячи и тысячи тимаров. В XVII столетии завоевания стали сокращаться, а потом и прекращаться, и сельское хозяйство, базировавшееся на сохе, косе и мотыге, забуксовало. Поскольку все сущее устанавливалось Аллахом и смене не подлежало, идея эволюции, в том числе развития и усовершенствования средств производства, застревала в закоулках мысли, понятия прогресса и обновления отсутствовали. Ревнителю старины давали отпор любой попытке выйти за рамки привычных представлений, рассматривая это как посягательство на предначертания свыше. Усомнившихся в истинах Корана ожидала смерть.

⁴ Гусарова Т. П. Австрийские Габсбурги во главе войны с османами 1683–1699 г. // Османская империя и страны... С. 243

Экономический прогресс обошел Османскую империю стороной. Открытие Ост-Индии и Америки переместило основные пути транзитной торговли из Средиземного моря в Атлантический и Тихий океаны. Таможенные поступления снизились вдвое. Поток золота и серебра, хлынувший из Латинской Америки, привел к революции цен. Началась порча монеты. Поступления в казну упали, то же самое, в миниатюре, происходило в хозяйстве каждого тимариота, получавшего фиксированную и пересматривавшуюся раз в 20–30 лет ренту. И конные сипахи утрачивали интерес к походам – ни побед, ни завоеваний, ни добычи, и стремились превратить тимар в частную собственность, в чифтлик, отлынивали от военной службы, превращались в домоседов. В XVI веке Порта могла выставить на поле боя 230 тысяч первоклассных кавалеристов, в XVIII веке – всего 50 тысяч⁵, которые по-прежнему предпочитали сражаться холодным оружием и неохотно переходили на чадящий самопал. Их эффективность в боях с вымуштрованной, обученной строю немецкой и венгерской пехотой резко упала. Изживал себя страшный налог на мальчиков из христианских семей, девширме, которых воспитывали в духе мусульманского фанатизма и превращали в янычар, составлявших ударную силу пехоты. К середине XVII столетия к девширме стали прибегать все реже. Могучее янычарское войско переродилось. Был предан забвению обет безбрачия. В корпус хлынули турки в погоне за полагавшимися привилегиями, включая освобождение от налогов. Жалование выдавалось нерегулярно, янычары стали обзаводиться лавочками и мастерскими, многие из них увиливали даже от явки на смотры, не говоря уже об участии в походах. При Селиме III в списках числилось 400 тысяч янычар, а служили едва 50 тысяч⁶.

Но Высокая Порта не видела иного способа восстановить боеспособность войска, кроме как расширив его состав, пополнив запас тимарных земель, так что страсть к завоеваниям имела под собой материальную почву. В качестве добычи особо лакомыми представлялись австрийские владения – хорошо обработанные, тщательно ухоженные земли: приходи и устанавливай свои порядки! Раем для гяуров называл хронист Х. Хезарфен окрестности Вены. Попытки насадить тимарную систему в малонаселенной Подолии с целинными землями с треском провалились, поскольку слишком много труда и денег они требовали. Предаваясь завоевательным расчетам, сочинители как-то забывали, что даже на прежнем пространстве империи не хватало сил для установления прямого султанского правления и распространения тимарной системы по всему периметру соприкосновения с внешним миром. В Европе той или иной степенью автономии и самостоятельности обладали Дубровник (Рагуза), Дунайские княжества, Молдавия и Валахия, Трансильвания. Черногорцы упорно отстаивали свою фактическую независимость, жители горных районов Греции вообще редко соприкасались с турецкими властями. Существование православного миллета (общины) признавалось официально, и главой ее являлся Константинопольский патриарх, имевший чин трехбунчужного паши (полного генерала по-европейски) и звание везира. Но духовно христиане никогда не смирялись с мусульманским владычеством. Весь прежний строй жизни, верований и идеалов по заветам Евангелия и нормам обычного права оставался в силе. Великая заслуга православной церкви заключалась в том, что она способствовала сохранению языка, культуры, этнического лица сербов, болгар, греков, молдаван и валахов. Они слышали в храмах проповеди и молились на родном языке. В монастырях составлялись летописи, напоминавшие о былом величии, о Византийской империи, о двух болгарских царствах, о державе Неманичей у сербов, о правлении Штефана Великого в Молдавии и Михая Витязя в Валахии. А теперь же они – райа (стадо по-арабски) у агареян. И когда пришло время восстаний, пастыри с крестом в руке шли в рядах борцов. И не случайно очаги волнений возникали прежде всего в контактных с внешним миром зонах – у сербов,

⁵ Sugar P. *Southeastern Europe under Ottoman Rule*. Seattle; L., 1977. P. 193, 241

⁶ Inalcik H. *The Ottoman Empire, The Classical Period 1300–1600*. L., 1973. P. 98

многочисленные сородичи которых проживали в австрийских владениях, у греков, чьи колонии раскинулись по всей Европе от Лондона до Нежина, у молдаван и валахов, мечтавших скрыться под крылом двуглавого российского орла.

Внимательно следя за непрекращающимися междоусобицами в христианском лагере, в Стамбуле пришли к выводу, что объединенного отпора опасаться нечего. И в этом заключался грубейший просчет. Утверждения знамени пророка в Вене, хозяйничанья османов в сердце Европы не желал допускать никто. Даже Людовик XIV опасался выступить в амплуа их пособника и отклонил предложение Порты о союзе. Кайзер Леопольд предпринял в 1682 году осторожный мирный зондаж в Стамбуле. Турки в качестве платы за сохранение мира потребовали передать им ряд пограничных крепостей, в том числе твердыню Дьер на пути к Вене.

31 марта 1683 года император Леопольд и польский король Ян III Собеский заключили оборонительный и наступательный союз против Высокой Порты, согласно которому они выставляли армии в 60 и 40 тысяч человек. Действовать стороны предполагали на разных участках, совместные операции предусматривались лишь в случае угрозы Вене или Варшаве. И, что важно отметить, договор содержал статью, запрещающую заключение сепаратного мира.

Кипучую деятельность по сплочению сил христианского мира развил папа Иннокентий XI, в молодости сражавшийся с османами с мечом в руке. Его можно назвать крестным отцом Священной лиги. Папские легаты способствовали сближению между Леопольдом и Яном Собеским, рассеивали недоверие между Австрией и Венецией, примиряли Речь Посполитую с Московским государством. Иннокентий щедро финансировал союзников: Леопольд получил по подписанию договора 400 тысяч талеров, Собеский – на 100 тысяч больше⁷. Папа разрешил продажу трети церковного имущества в габсбургских землях и получал кредиты от итальянских, немецких и нидерландских банкиров под церковные доходы.

В самый день заключения австро-польского союза Высокая Порта объявила ему войну с соблюдением всего полагавшегося церемониала: чтением фетвы шейх-уль-ислама, вручением Кара-Мустафе зеленого знамени пророка. Вену весть застала врасплох, шли споры насчет жалования солдатам и хлебных рационов, а также, что еще важнее, фигуры главного командующего. У Леопольда хватило благоразумия не искать лавров полководца, в военном деле он слыл полным профаном. Выбор пал на Карла Лотарингского, изгнанного Людовиком XIV из своих владений, – выдающегося стратега и военачальника, обладавшего обманчивой внешностью: невысокий, тщедушный, длинный нос нависал у него над подбородком, ходил обычно с скромном коричневом костюме.

Двухсоттысячная армия Кара-Мустафы представлялась грозной силой, он спешил (воевали тогда только по октябрь, и отправлялись на зимние квартиры) и двинулся прямо на Вену, не обременяя себя осадой попутных крепостей. Стамбульские стратеги недооценили преобразований европейцев в военном деле. На смену тяжелому, редко стрелявшему мушкету пришло кремневое ружье со штыком. Прежнее деление пехоты на стрелков и копейщиков изжило себя. Широкое распространение получили ручные гранаты, в полках появились рослые солдаты-гренадеры. Облегчались и усовершенствовались пушки. Высокой степени развития достигло фортификационное искусство, вокруг крепостных стен сооружались редуты и бастионы. Бешеному натиску кавалерии сипахи стали противопоставлять эшелонированную в четыре ряда пехоту, поддерживаемую с флангов перекрестным артиллерийским огнем. Против янычар использовалась тяжелая кавалерия кирасиров.

⁷ Gaber S. Et Charles Varreta la marche des turks. Nancy, 1986. P. 77

Османское войско впечатляло своей численностью, но на нем лежала печать тления державы. Исследователи полагают, что боеспособного состава насчитывалось 90 тысяч человек. В арьергарде шли вспомогательные отряды молдаван и валахов, несшие хоругви с изображением Богородицы, не расположенные защищать знамя с полумесяцем. Фланги охранялись крымской конницей, опустошавшей окрестности на много верст вокруг и лишавшей тем самым войско необходимого ему продовольствия и фуража.

Император Леопольд с семьей загодя покинул столицу, провожаемый недобрыми взглядами, а то и язвительными замечаниями подданных. Августейшие беглецы погостили в Линце, а затем перебрались в Пассау. Оставшимся в Вене гарнизоном командовал опытный и отважный граф Р. Штаремберг. Сердца жителей дрогнули, когда они с высоты крепостных стен увидели десятки тысяч костров и палаток.

Осада началась в июле, один приступ следовал за другим, Кара-Мустафа хотел одержать победу до того, как к Вене подтянутся союзные силы. 3 августа удалось пробить брешь в стене, Штаремберг стал готовиться к уличным боям. Но и турки устали от траншейных работ, постоянных схваток, болезни уносили больше людей, чем сражения, убыль в личном составе достигла 50 тысяч человек, но в строю еще оставались 150 тысяч. А к союзникам подтягивались полки саксонцев, баварцев, баденцев, швабов, франконцев, всего удалось собрать 70 тысяч солдат и офицеров. 12 сентября Карл Лотарингский и Ян Собеский дали бой. Карл пробился к лагерю осаждавших, разметав охранявших подступы к нему татар, молдаван и валахов, особого упорства не проявивших. Решающую роль сыграла атака польской кавалерии во главе с удалым королем, врезавшаяся в ряды янычар и опрокинувшая их строй. Кара-Мустафа отступал до Белграда, где его ждали палачи. Казнили его, как полагалось казнить особу столь высокого ранга, – задушив шелковым шнурком.

В Европе воцарилось воодушевление: неужели рассеялся кошмар нашествий, висевший над христианами 300 лет? А фронт союзников стал давать трещины, всплыли старые ссоры и раздоры. Поляки, баварцы и саксонцы удалились в свои края. Испанские Габсбурги оказывали сильное давление на Леопольда, требуя замирения с турками – авось те после разгрома успокоятся, надо сосредоточить силы на Рейне для противодействия притязаниям Людовика XIV. Антиосманское крыло в австрийской правящей элите имело сильного покровителя в лице папы Иннокентия XI. После долгих колебаний император принял судьбоносное решение – продолжать борьбу. К союзу удалось привлечь Венецию.

5 марта 1684 года в Линце был подписан договор между Австрией, Польшей и Венецианской республикой, четвертым участником выступал римский папа. Родилась Священная лига. Ее члены обязались воевать против Высокой Порты до подписания с ней почетного мира и не идти на сепаратные сделки. Австрийцы должны были вести операции в Венгрии, поляки – в Подолии, венецианцы – в Адриатическом и Эгейском морях и в Далмации. Иннокентий XI участвовал в войне своими галерами, а главное – деньгами и авторитетом. Россия примкнула к лиге через два года, уладив дела с Польшей.

Целью операций в Венгрии являлось взятие Буды, оплота турок в Центральной Европе, стратегической позиции, на которую опиралась цепь крепостей. С ее взятием выходила из строя вся система османской обороны, а австрийцы становились хозяевами судоходства по Дунаю. Леопольд устанавливал контроль над всей Венгрией и выполнял обещание своего предка Фердинанда, данное за полтора столетия до описываемых событий, – изгнать турок из страны и объединить ее.

Бои затянулись, взять с ходу Буду не удалось. Потеряв 24 тысячи человек убитыми, ранеными и умершими от болезней, австрийцы и баварцы сняли осаду крепости. Не принес успеха и 1685 год, хотя имперские войска получили пополнения из немецких княжеств и их численность достигла 120 тысяч. Контингент польских войск, действовавших на Украине и в Молдавии, напротив, уменьшился до 20–25 тысяч по причине финансовой слабости

Речи Посполитой и раздорам между короной и магнатами, а также особой позиции литовской знати, выступавшей за мир и союз с Москвой. Венгрия подверглась страшному опустошению, армии обеих сторон как бы состязались в жестокости и лихоимстве. Особенно свирепствовал имперский генерал Э. Караффа, называвший себя «бичом мадьяр». Его солдаты «предавали всех мечу, не разбирая возраста и пола, не обращая внимания на стоны и слезы, не щадя несчастных, умолявших их на коленях о пощаде»⁸.

Решающие успехи принес 1686 год, удача избрала Карла Лотарингского своим фаворитом. Имперский рейхстаг выделил Леопольду «турецкую помощь» в 2 миллиона 750 тысяч флоринов. К лиге примкнула Россия. Военная слабость и внутренние раздоры в Речи Посполитой привели к тому, что союзники все менее считались с королем Яном Собеским. В Варшаве росло стремление урегулировать отношения с восточным соседом и с его помощью оторвать Крымское ханство от Высокой Порты и прекратить татарские набеги. Пришлось пойти навстречу требованиям Москвы. В апреле был подписан договор о «вечном мире» между Россией и Польшей, по которому Варшава согласилась наконец признать не временный, а безусловный переход Киева с округой в состав Российского государства. Москва закрепляла за собой Смоленск, Левобережную Украину, Киев с землями между реками Ирпенем и Стугной с городками Васильков, Стайки, Триполье, Запорожье. Россия выплачивала Речи Посполитой 146 тысяч рублей. Православные епископы в Польше и Литве подчинялись киевскому митрополиту, предусматривалась свобода православия в Речи Посполитой. Что касается католиков в России, их права обрисовывались скромнее, говорилось о свободе отправления культа в домашней обстановке. Стороны заключили наступательный союз против Крымского ханства и Османской империи на время войны и оборонительный навечно. Попытки Яна Собеского побудить царевну Софью и князя Василия Васильевича Голицына предпринять в том же 1686 году поход против Крыма успехом не увенчались: они ссылались на необходимость тщательной подготовки операции и обещали лишь препятствовать татарским набегам на польско-литовские земли. Полномасштабное выступление против Крыма намечалось на 1687 год, что и было зафиксировано в договоре⁹.

В июне 1686 года Карл Лотарингский двинулся к Буде во главе армии в 40 тысяч штыков, состоявшей из имперских контингентов, бранденбургских, швабских и франконских полков. Отдельной колонной и по другой дороге шел баварский корпус (22 тысячи бойцов) Макса-Эммануила, не желавшего подчиняться Карлу. Прибывали волонтеры – итальянцы, испанцы, португальцы, французы, голландцы, англичане. Английский король Яков II приказал своему сыну прервать учебу в Сорбонне и надеть мундир.

18 июня союзные войска окружили Буду. Кольцо осады постепенно сжималось. Удалось захватить господствующую над городом высоту Геллерт. Крепостные стены были разрушены артиллерийским огнем до такой степени, что турки не решались устанавливать на них пушки. Великий везир Сулейман, двигавшийся с войском на выручку городу, по пути потерпел поражение, пробиваться к Буде не решился и в бессилии наблюдал за общим штурмом 2 сентября.

Хотя от гарнизона осталось всего 5 тысяч человек, он сопротивлялся упорно; резня на улицах произошла страшная, комендант Абдурахман с горсткой уцелевших сражался до конца и пал с саблей в руке.

Назвать происшедшее освобождением не поворачивается язык. Озверевшая солдатня предала Буду мечам и пожарам, особенно свирепствовали ворвавшиеся в нее первыми баварцы. Грабили и убивали всех подряд – мусульман, христиан, иудеев. Многие евреи

⁸ Ibid. P. 90

⁹ Артамонов В. А. Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699) // Османская империя и страны... С. 300

хотели скрыться на кораблях, стоявших на Дунае, но их схватили и предали смерти, а их имущество присвоили. Часть своих единоверцев спас банкир С. Оппенгеймер за большой выкуп.

Впечатление от победы было потрясающим, наконец-то европейцы избавились от турецкой угрозы, висевшей дамокловым мечом сотни лет, некоторые оптимисты размечтались об изгнании османов в Азию. Карл Лотарингский взял Шипош, Печ, Капошвар, Сегед. В 1687 году успехи продолжились. В августе полководец разгромил армию великого везира в битве у местечка Надьхаршань, в которой особо отличился Евгений Савойский. Во главе полка цесарской конницы он ворвался в ряды стойко оборонявшейся неприятельской пехоты и обратил ее в бегство. После этой победы оставшиеся в Венгрии крепости почти все сдались без сопротивления. Магьярское дворянство спешило загладить грех неповиновения. Леопольд вырывал оппозицию с корнем. Венгрию он рассматривал как неприятельскую страну, и свои грабили и опустошали ее так же беспощадно, как чужие. На объявленную еще в 1684 года амнистию власти не обращали внимания: «Эпоха реконквисты имела свои теневые стороны, – признавал В. Тапье, – офицеры и солдаты армии обращались с освобожденным населением с неслыханной жестокостью, занимались вымогательством, грабежом в такой степени, что, как это ни парадоксально, не раз заставляли жалеть (об уходе) турок»¹⁰. На этом мрачном фоне Леопольд утвердил свою власть в стране. Государственное собрание в Пожони (ныне Братислава) безропотно подчинилось его воле: был отменен обычай избрания венгерских королей, престол был утвержден за родом Габсбургов по мужской линии, сословия отказались от древнего (с 1222 года) права оказывать сопротивление монарху, который освободил себя от обязанности регулярно созывать собрание.

В 1687 году Россия, связанная с лигой договором с одной только Польшей, внесла свой вклад в общее христианское дело. Еще в конце прошедшего года по городам огласили указ великих государей Ивана и Петра, от имени которых правила царевна Софья, о сборе ратных людей для похода на Крым. Призванные под знамена не спешили, многие оказались в нетчках (беглецах). Воеводой большого полка (главнокомандующим) назначили князя Василия Васильевича Голицына, царевнина фаворита, крупного государственного деятеля и дипломата, но полководца никудышного.

Великолепный роман Алексея Толстого «Петр Первый» рисует картину беспробудной отсталости Руси времен Алексея Михайловича и его сына Федора. Это далеко не так. Именно тогда произошло объединение с Украиной и велось освоение Сибири. Преобразования коснулись и вооруженных сил. Собравшееся в поход войско на 2/3 состояло из полков иноземного строя, солдатских, рейтарских и гусарских. Но и прорех в организации обнаружилось предостаточно. По разрядной росписи войско насчитывало 113 тысяч пеших и конных плюс 50 тысяч донских казаков и запорожцев¹¹. На самом деле в пунктах сбора на реке Самаре собралось 100 тысяч. С советом гетмана И. Самойловича – выступить ранней весной, когда в степи зеленеет травка, подножный корм для конского состава, – не посчитались, через реку Конские Воды рать переправилась и вступила на землю Крымского ханства лишь в середине июня 1687 года. Солнце палило, кругом – безводная степь да силуэты конных крымцев на горизонте. Вскоре степь заволокло дымом – татары подожгли сухую траву. Выгорела полоса растительности в 200 верст шириной, образовав своего рода оборонительный рубеж на подступах к Перекопу. Конница, обозные и артиллерийские лошади лишились корма. Военный совет высказался за прекращение похода, и большой воевода В. В. Голицын приказал отступать. Итог – десятки тысяч ратников умерли не от ядер, пуль и стрел, а от жажды, истощения и болезней.

¹⁰ Tapre V. S. *Monarchie et les peuples du Danube*. P., 1969. P. 165

¹¹ Разин Е. А. Указ. соч. С. 253–256

В 1689 году князь вторично пытался пробиться в Крым. Выступили рано, в марте. Весна, как на зло, выдалась дождливая. Люди с трудом шли по грязи, колеса артиллерийских лафетов и обозных телег увязали в ней по ступицу. Узкий (7 верст) Перекопский перешеек татары превратили в мощный оборонительный рубеж: глубокий ров, за ним – земляной вал с семью опорными башнями обороны, за которыми – цитадель с десятками пушек. Наступила жара, люди маялись от недостатка хлеба и пресной воды. Князь Голицын запросил воевод: что делать? Те отвечали: «Служить и кровь свою пролить готовы, только от безводья и бесхлебья занедужились, промышлять под Перекопом нельзя, и отступить бы прочь»¹². На штурм перешейка Голицын не решился и распорядился отходить. Татары восемь дней преследовали войско. Царевна Софья попыталась было наградить своего любимца. Юный царь Петр отказался подписать соответствующий указ. Он обрел самостоятельность.

Несмотря на неудачу, походы на Крым внесли весомый вклад в общие усилия членов Священной лиги. Они отвлекли сотысячное крымское войско от операций на Балканах и тем способствовали успеху армий Австрии, Польши и Венеции. Однако в глазах кайзера Леопольда, короля Яна Собеского и венецианского дожа москвиты выглядели неудачниками.

Успехи союзников на Балканах продолжались. В 1687 году кайзер Леопольд обратился с воззванием к жителям полуострова, призывая их выступить против угнетателей. Обращение встретило отклик в Боснии, Сербии и Болгарии. Сербь, по словам патриарха Арсения Черноевича, «выставили 19 тысяч конного и пешего войска» и развернули партизанскую войну в тылу османской армии¹³. Сопrotивление турок слабело, осенью 1688 года сравнительно легко был взят Белград, важнейший стратегический пункт, место сосредоточения войск султаната для удара в сердце Европы. В городе удалось захватить много складов со снаряжением и продовольствием. Путь в глубь Балкан был открыт. Армией лиги в Сербии командовал Макс Эммануил Баварский. Людвиг Баденский прорвался из Венгрии в Боснию. Венецианцы заняли Афины, что произвело большое впечатление во всей Европе, хотя прославленный город превратился к тому времени в захудалое местечко. На севере Болгарии вспыхнуло восстание (Второе Тырновское). В Вене предавались размышлениям о занятии Герцеговины и Далмации. Но тут в события вмешался неумный Людовик XIV, развязавший третью в его царствование завоевательную войну, на сей раз за пфальцское наследство. Его поползновение на европейскую гегемонию привело к созданию Аугсбургской лиги (Голландия, германский император, Швеция, Испания, Бавария, Саксония, с 1689 года – Англия). Война растянулась на девять лет, на границу с Францией пришлось перебросить многие полки с Балкан, на Рейн отправились опытные полководцы Карл Лотарингский и Макс Баварский. Но самым тяжелым ударом для Священной лиги явилась смерть Иннокентия XI, ее вдохновителя и казначея. Преемник, Александр VII, выдающимися качествами не обладал. Денежный поток из Рима нельзя сказать чтоб иссяк, но обмелел, что отразилось пагубным образом на численности и состоянии боевого духа христианского воинства.

Турки оправались. Новый великий везир Мустафа из знаменитого албанского рода Кепрюлю в 1690 году вытеснил неприятеля с Балкан. Начался террор, особенно жестокий в Старой Сербии, в Косове. «Все эти земли опустели, – печалился летописец, – церкви божий сожжены, монастыри ограблены и разорены совершенно, люди перебиты, женщины и юноши взяты в плен, настало худшее разорение и пленение...» Самой тяжелой потерей явилась сдача Белграда, в души робких вселился страх: а не придется ли снова думать о защите Вены?

¹² Там же. С. 262

¹³ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII веке. М., 1986. С. 22

Произошел великий исход сербского населения, охваченного ужасом перед неминуемой мезтью турок. 40 тысяч семей, с детьми, домашним скарбом и скотом, всего более 100 тысяч душ, покинули родные места и двинулись в неведомые края¹⁴. Шли пастыри, несли кресты и иконы. Возглавлял переселение Печский патриарх Арсений Черноевич. А на покинутые земли, в Старую Сербию, ныне именуемые обычно Косовом, мигрировали албанцы. Далеко в глубь истории уходят корни конфликтов, сотрясающих ныне Сербию!

Император Леопольд благосклонно принял переселенцев, обещал предоставить им землю, уважать православную веру, разрешил им жить по прежним законам и обычаям. Венский двор достигал сразу двух целей: заселял и возрождал хозяйственную жизнь в опустошенных и обезлюдивших южных комитатах Венгрии; приобретал первоклассную воинскую силу. Новоприбывшие становились граничарами, военными поселенцами, охранявшими порубежье с Турцией. Они освобождались от всех налогов и несли лишь охранную службу. Жалованье полагалось только офицерам.

Остановить османский натиск удалось в сражении при Саланкеменце в августе 1691 года, одном из самых кровопролитных в жестоком XVII веке. Турки потеряли в нем 19 тысяч человек, в том числе великого везира Мустафу-пашу, у христиан число павших и раненых достигало 7 тысяч, а Людвиг Баденский увенчал себя лаврами полководца.

Наступило затишье до 1695 года, стороны истощили свои силы. Первыми пришли в себя османы и в битве при Лугоже разгромили имперские войска. Леопольду пришлось обратиться за помощью к курфюрсту Саксонскому Фридриху Августу. Тот дал согласие, однако потребовал для себя пост главнокомандующего, хотя даром полководца не обладал. Но Вене повезло: курфюрст был избран на польский престол под именем Августа II, с легкостью перейдя для этого из лютеранства в католичество. Генералиссимусом союзных армий стал Евгений Савойский, участник обороны Вены, чье полководческое дарование сомнений не вызывало. Полуфранцуз-полуитальянец с примесью немецкой крови (он даже подписывался «Эугенио фон Савоя»), пятый сын Олимпии Манчини, племянницы кардинала Д. Мазарини, он от родителей не унаследовал ничего, даже прославленной красоты матери – небольшого роста, невзрачный, хотя и державшийся с большим достоинством, смолоду бедный, как церковная мышь. Увлеченный борьбой с османским нашествием, он бежал из Парижа и сделал блестящую карьеру под знаменами императора.

К тому времени война за пфальцское наследство затухала, одолеть пол-Европы маршалы Людовика XIV оказались не в состоянии.

Участники Священной лиги получили возможность сосредоточить на Балканах большие силы. Имперский сейм ввел налог на войну по всей Германии; Саксония, Швабия, Бранденбург, Бавария выделили контингенты. Духовенство пожертвовало часть своих доходов. Венеция строила суда и спешно подбирала экипажи.

Армия двинулась вниз по течению Дуная. 11 сентября 1697 года у местечка Зента, у моста через Тису, произошло генеральное сражение. Принц Евгений воспользовался тем, что силы противника оказались разделенными рекой, обрушил артиллерийский огонь на пехоту, оставшуюся за Тисой, а сам атаковал тех, кто успел переправиться. 20 тысяч турок пали в битве, в числе их и великий везир. Султан Ахмед в бессилии наблюдал с другого берега реки за гибелью армии и ударился в бегство, оставив в добычу победителям даже личные вещи. На следующий день Евгений Савойский проснулся признанным великим полководцем. Король Людовик XIV, получив вести о Зенте, перестал затягивать мирные пере-

¹⁴ Достян И. С. Балканские народы во время войны Священной лиги с Османской империей... // Османская империя и страны... С. 367; Богословский ММ. Петр I. М., 1941. Т. 2. С. 507–508

говоры, и по Рисвикскому миру (сентябрь-ноябрь 1697 года) уступил большую часть прежде завоеванных земель, включая Лотарингию¹⁵.

Ободряющие вести приходили и из Москвы. Азовские походы Петра I окружены легендой: начало великих дел. Мы здесь и в дальнейшем намерены строго придерживаться истины – ни восторгов, ни уничижительных оценок. Итоги первой кампании (1695 год) – взяты две «каланчи», башни по берегам реки, между которыми протянута цепь, препятствующая выходу судов в море. Трофеи – одно знамя, одна пушка, один пленный. Всю зиму на верфях в Воронеже стучали топоры, визжали пилы, корабль за кораблем спускался на воду и отплывал вниз по Дону. Азов в 1696 году был занят. В Москве предавались торжеству. Но ведь Азов – всего лишь провинциальная крепость на далекой периферии Османской империи. Сколько их надо взять, чтобы пробиться к открытому морю, – Кинбурн, Очаков, Бендеры, Хотин, Измаил, Брэила (Браилов), Джурджу (Журжево), Силистрия.

Умом государственного деятеля Петр сознавал: необходима акция европейского значения, следует влить свежие силы в Священную лигу, доказать свою необходимость для победы, чтобы добиться цели. Прозорливость молодого царя, его способность масштабно мыслить и ставить стратегические задачи на много лет вперед проявились в том, что он уже тогда включал в состав антиосманских сил балканские, и прежде всего южнославянские народы. Весь юг и даже центр России в плане экономическом заинтересован в прорыве к Черному морю и далее, через проливы Босфор и Дарданеллы, к открытому океану. Этим путем на западные рынки должно хлынуть зерно со сказочно плодородных черноземных полей. Прорыв мыслился в сочетании с богоугодным делом освобождения христиан Юго-Восточной Европы. Царь писал патриарху Адриану о своих трудах (10/21 сентября 1697 года): «Чиним не от нужды, но доброго ради приобретения морского пути, дабы искусяся совершенно, возвратяся против врагов имени Иисус Христа победителями, а христиан тамо будущщъ освободителями благодатию Его быть»¹⁶.

Нашупывались пути проникновения на Балканы, к тамошним христианам направлялись эмиссары. В головах у дьяков, сочинявших «наказные статьи», еще царил туман. Так, капитану Г. Островскому (октябрь 1697 года) велено было ехать «в земли и места, ближе и податнее до Славенской или до Словацкой и до Шклявонской земли». Островский до таинственной Шклявонии добраться не стал, а осел в Венеции и там собирал сведения о Балканах.

Гораздо больший интерес представляют путевые дневники стольника П. А. Толстого, в будущем графа, видного государственного деятеля и дипломата. Он осел в Дубровнике (Рагузе). Его послания можно рассматривать и как впечатления путешественника, и как размышления разведчика о стратегическом значении Дубровника¹⁷.

Великое посольство 1697–1698 годов – выдающееся событие в летописи сношений отечества с Западом, по словам британского историка Г. Маколея, – эпоха в истории всего человечества¹⁸. Но нельзя забывать, что непосредственной целью посольства являлось упрочение антитурецкого союза, «подтверждение дружбы и любви, ослабление врагов Креста Господня, султана турецкого, хана Крымского и всех бусурманских орд»¹⁹. Послы информировали союзников об операциях российских войск в низовьях Днепра, взятии Таванской и еще трех небольших крепостей. Весть о великой победе при Зенте Петр встретил неодно-

¹⁵ Подр. см.: Priesdorf K. Prinz Eugen. Hamburg, 1940

¹⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887 С. 193–194

¹⁷ Там же. С. 199–201; Политические и культурные отношения... С. 11, 12, 16, 17

¹⁸ Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 131

¹⁹ О посольстве см.: Соловьев СМ. История России с древнейших времен. Кн. 18. М., 1963. С. 542; Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в нач. XVIII в. М., 1971. С. 28; Письма и бумаги... Т. 1. С. 205, 209, 211, 213

значно. Он отправил Леопольду полагавшееся поздравление, но заподозрил, что австрийцы воспользуются триумфом для заключения мира на благоприятных для себя условиях, при том что Россия оставалась еще очень далека от желательных результатов, а султан «мыслит иметь миру», дабы «себе отдохновенье учинить и связь христианских государей прервать»²⁰.

Увы, он был прав. Россия была соединена долгие годы со Священной лигой одним договором с Польшей, игравшей в союзе вторую скрипку. В 1697 году спохватились, и в феврале поспешно заключили союзный договор с Австрией и Венецией. Но он не содержал ключевого для Москвы пункта – обязательства заключать мир лишь с ее согласия; предусматривались только консультации с нею по ходу переговоров. В акте говорилось витиевато, но в то же время определено: о турецких предложениях мира иным союзникам (России) полагалось «ведомо чинити, и купно всем тем разговором объяти и вместити и им обо всем, что ни есть делалось бы, от времени до времени ведомость чинити. . .»²¹. Обязательства согласовывать с Москвой условия мира союзники на себя не брали. После битвы при Зенте охотников продолжать войну с турками, помимо Москвы, не обнаруживалось, просьбы с российской стороны «позадержаться» с миром, чтобы «могли все довольство воспринять», не встречали отклика. Открылась неприятная истина – Россию использовали, но с ее интересами не считались. Царь тщетно выразил надежду на то, что его просьбы «презренными» не останутся. В другой раз он заметил: «основание мира положено по воле цесарского величества», а следовало уточнить условия с общего совета всех союзников. Канцлер королевства Богемского, чешский аристократ граф Ф. Кинский разъяснил Петру, что цесарь влез «в великие долги», а «поляки и венеты ненадежны»²². Впрочем, посольство в объяснениях и оправданиях не нуждалось: Европа готовилась к очередному переделу сфер влияния, вошедшему в историю под именем войны за испанское наследство (1701–1714 годы). Французский король Людовик XIV, используя родственные связи своей давно умершей жены, собирался посадить на освободившийся престол Испании своего внука. Австрия, Англия, Нидерланды готовились выступить против, и не существовало силы, способной склеить заново Священную лигу.

С просьбой о личном свидании с кайзером Леопольдом Петру пришлось обращаться трижды, прежде чем он получил согласие. Австрийцы оговорили условия: четверть часа на беседу, но никаких дел, ими занимаются министры, лишь обмен любезностями. В зал монархи зашли с разных сторон, двинулись навстречу друг другу, остановились у окна и проявили живейший интерес к взаимному здоровью. Император не произвел на Петра впечатления: невысокий, хилый, дряхлый, с неприятно отвисшей нижней губой и преисполненный сознания собственного величия.

На конгрессе в Карловице (Сремски-Карловцы, 1698–1699 годы) российские союзники добились для себя серьезных итогов. Цесарь присоединил к своим владениям Центральную Венгрию и Трансильванию, Речь Посполитая – Подолию с крепостью Каменец, Венеция – Морею (южную часть Балканского полуострова), причем каждая страна заключила с Высокой Портой отдельный договор. Россия осталась если не в стороне, то на обочине конгресса. Партнеры охотно предоставили бы ей возможность продолжать войну с Турцией в одиночку. Понадобилось большое упорство со стороны думного дьяка П. Б. Возницына, чтобы добиться перемирия на два года на основе принципа ути посидетис (чем владеешь). А мечталось о многом. В качестве желательных условий «пристойного и во всех наших ползах и прибытках мира» значились: присоединение Керчи, прекращение татарских набегов, свобода торговли сухим путем и морем «до Константинополя и далее до Синопа и далее до Трапезона». Не были забыты и христианские народы: «Греком, Сербом, Болгаром, Слова-

²⁰ Там же. С. 210

²¹ Памятники сношений древней России с державами иностранными. Т. 8. СПб., 1867. С. 417

²² Письма и бумаги... С. 257, 259, 261, 262, 260

ком и иным всем, тоежь веру употребляющим, да будет всякая свобода и волности без всякого отягчения и лишних податей...»²³. Изменился весь баланс сил: христианская Европа из стороны обороняющейся превратилась в наступающую, мусульманская Турция перешла к обороне (хотя временами и в дальнейшем противоборстве добивалась успеха). С иллюзиями пришлось расстаться. Упомянутые выше материалы свидетельствуют об осознании стратегических задач российской политики на южном направлении на столетие вперед. Вице-адмирал Корнелий Крюйс обратил внимание посольства на желательность того, «дабы все корабли московские свободно и без помешательства... во все турецкие пристанища (порты) заходить могли»²⁴. Поскольку «пристанища» находились и на Средиземном море, Крюйс ставил вопрос о проходе судов через Босфор и Дарданеллы. Усилиями Возницына Турция признала вхождение Азова в состав России, но перемирие заключалось лишь на два года. Перед московской дипломатией встала задача добиться прочного мира, а внимание ее было отвлечено на север, где вырисовывалась перспектива укрепления позиций на Балтике.

Могущество Швеции тревожило соседей. Замячила возможность сотрудничества с Данией, Польшей, Саксонией, Пруссией, с тем чтобы совместными усилиями если не изгнать, то хотя бы потеснить шведов в Прибалтике, да и в Германии. Из Москвы приходили вести о стрелецких волнениях, и Петр спешил домой. Как он ни торопился, но все же задержался на несколько дней в Раве-Русской и Томашеве (Томашуве-Мазовецком) для свидания с курфюрстом Саксонским и королем Польши Августом II. Молодые люди приглянулись друг другу, пиروвали от зари и до зари, проводили смотры войск, Петр мастерски бил в драгунский барабан. Атмосфера загула создавала у окружающих обманчивое впечатление, они не сознавали, что в Раве-Русской в августе 1698 года были заложены основы союза трех стран, России, Польши и Саксонии, против Швеции. Петр был в восторге от нового друга. Август, прозванный Сильным, легко гнул подковы, на ниве галантных походов превзошел Дон Жуана, побочным детям его не было числа, его сын Мориц Саксонский стал маршалом Франции. Но сам Август был посредственным правителем, бездарным полководцем и вероломным союзником. Тщательно изучавший его деяния, а заодно и делишки Н. Н. Молчанов именовал его коронованным проходимцем. Знал бы царь о советах Августу его доверенного лица И. Р. Паткуля: надо «крепко связать руки этому могущественному союзнику (Петру), чтобы он не съел перед нашими глазами обжаренного нами куса» (Лифляндию)²⁵. На август и ноябрь 1699 года пришлось заключение союзных договоров с Данией и Польшей, засим последовал указ о формировании 30 новых полков.

Но руки у царя были связаны: прежде чем заняться северными делами, следовало заменить зыбкое двухгодичное перемирие с Турцией солидной договоренностью. Нечего было и думать о войне на Балтике без обеспечения на юге от возможных ударов Порты. В Стамбул на переговоры снарядили опытного дипломата Емельяна Украинцева, в помощь ему дали дьяка И. Чередеева. Прибыли на место они 3 (14) сентября 1699 г. на корабле «Крепость». Девять месяцев длилось их «сидение» в османской столице. О программе максимум, включая обретение Керчи, россияне не заикнулись, и без того «мест протыкания», как тогда говорили, было предостаточно.

С потерей Азова турки смирились. Удалось избавиться от унижительной дани крымскому хану. Правда, ведший переговоры с османской стороны грек А. Маврокордат, занимавший пост драгомана Порты, советовал «подарки» время от времени все же делать, пускающая в ход странная для высокого турецкого сановника фраза: «и псов кормят же, чтобы сыты были и голодом не издыхали». (Или в этом проявлялась его православная душа?) Попытка

²³ Там же. С. 295–299, 304–309

²⁴ Богословский М. М. Указ. соч. Т. 5. М., 1948. С. 108

²⁵ Молчанов Н. Н. Указ. соч. С. 302

добиться свободы судоходства по Черному морю натолкнулась на жесткий отпор: «По Черному морю иных государств кораблям ходить будет свободно тогда, когда Турское государство падет и вверх ногами обратится». Жаркий спор разгорелся вокруг днепровских городков, селений близ устья реки, занятых российскими войсками уже после взятия Азова. Обе стороны сознавали их большое стратегическое значение; отстояв их, Москва обеспечивала себе контроль над низовьями Днепра и плацдарм на подступах к Крыму. Емельян Украинцев пытался придать притязаниям оборонительную видимость: здесь сподручно задерживать татарские набеги. Турки возражали: еще сподручнее использовать городки для наступления на Крым, всего несколько переходов до Перекопа. Реис-эффенди говорил с «великим гневом»: султан никого на свете не боится, Аллах создал турок «со всеми творить войну и побеждать мечем». Произошла резкая перепалка. Территория, занятая городками, осталась за Османской империей, но они подлежали срытию, от Перекопа до Азова и от Запорожской сечи до Очакова сохранялись земли «пустые и порожние и всяких жильцов да лишены будут»²⁶. К концу «сидения» послы умаялись, их мучила жара и бесконечные проволочки турок. Много хлопот доставлял командир корабля «Крепость» П. Памбург, один из тех авантюристов, которые тогда стаями слетались в Россию. Прибытие в Стамбул он отметил пушечным салютом, перепугавшим обитательниц сераля. Затем последовали стычки с поставщиками продовольствия на судно, которых Памбург пригрозил повесить на реях. С трудом совместными усилиями послов и турецких властей удалось вывести судно в устье Босфора, и выходы буйного капитана прекратились. А царь сгорал от нетерпения и требовал от Украинцева: «Токмо конечно учини мир, зело нужен»²⁷.

3 (14) июля 1700 года мир с турками на 30 лет был подписан. 6 (17) августа гонец с вестью о нем прискакал в Москву. На следующий день наспех собранная и плохо снаряженная армия двинулась в поход на Балтику, навстречу нарвскому поражению.

Петра неудача не обескуражила. Зимой он провел в лихорадочных трудах по восстановлению воинской силы. Невиданно быстро Россия начала брать реванш – уже осенью 1701 года обозначились крупные успехи Бориса Петровича Шереметева.

Тревожно складывались отношения с Высокой Портой. В Стамбуле не простаки сидели, прозвучавшие уже заявки на Керчь и свободу судоходства по Черному морю показывали, как далеко зайдут московские притязания. Соблазн воспользоваться занятостью Петра на севере и ударить в незащищенное южное подбрюшье России был велик. В Стамбул снарядили опытного и рассудительного мужа, ближнего стольника П. А. Толстого. Главное, что ему предписывалось в «тайных статьях», – разведать, «собирается ли султан государство в покое или в войне содержать». Путь его лежал через Молдавию. Господарь спросил его, можно ли ходатайствовать о принятии княжества в российское подданство. Толстой дал разочаровывающий ответ: «Невозможно принять и иметь его за подданного... потому что он подданный салтанский»²⁸.

Поощряя умеренных в диване, раздавая меха и золото, Толстой способствовал сохранению мира на южном порубежье. Рейс эффенди он поднес 40 соболей, присовокупив к ним совет – не слушаться адептов войны, Маврокордату – соболю шубу и 700 рублей деньгами, Шейх уль ислам заломил было дикую цену – 3 тысячи дукаатов ежегодно, удалось сговориться на более скромной сумме. С помощью подобных средств, не представлявшихся тогда экстраординарными, удавалось рассеивать опасения, турки сидели смирно «скудости ради денежной и внутренних настроений».

²⁶ Богословский М. М. Указ. соч. С. 198, ПО, 113; Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003. С. 252; текст Константинопольского мирного договора см.: Письма и бумаги... Т. 1. С. 368–376

²⁷ Письма и бумаги... С. 332, 310, 353

²⁸ Письма и бумаги... Т. 2. СПб., 1889. С. 30

А на севере творились великие дела. Ситуация в Турции резко изменилась в худшую для России сторону после Полтавской победы.

Проницательный Петр Андреевич объяснял причину в письме канцлеру Г. И. Головкину: «... Не изволь изумляться, что я прежде сего, когда король швецкой был в великой силе, доносил, что не будет от Порты противности к стороне царского величества. А ныне, когда шведы разбиты, сомневаюсь. И сие мое усумнение от того исходит, понеже турки видят, что ныне царское величество есть победитель сильного короля швецкого и желает скоро совершить свой интерес в Польше, а потом уже, не имея никакого препятствия, может начать войну и с ними, и с турками»²⁹.

Вскоре Толстой на собственном печальном опыте убедился в справедливости своих опасений. Укрывшийся в Бендерах после поражения Карл XII соблазнял диван шведской помощью и поддержкой своего ставленника на польском престоле Станислава Лещинского в случае турецкого столкновения с Россией. Крымский хан жаловался на оскудение после прекращения московской дани и рвался в поход. Мнение «мужей меча» возобладало. Шейх уль ислам в ноябре 1710 года дал фетву на войну с Россией. Тайного советника Толстого на дряхлой кляче провезли по всему городу и бросили в подземелье Семибашенного замка. Петр сил не жалел, пытаясь избежать войны. Он взывал к державам о посредничестве, соглашался на переход Карла через Россию в Швецию в сопровождении охраны в 500 человек, был готов отвести войска от границы, лишь бы прийти к «приятному примирению». Уступки не помогали. В декабре крымская конница двумя лавами хлынула на Харьков и Левобережную Украину. Набег удалось отбить, но Петру пришлось расстаться с надеждой на мирный исход. В феврале 1711 года он нехотя подписал манифест о войне. Фельдмаршал Б. П. Шереметев получил приказ двинуться с армией в 40 тысяч штыков и сабель в Молдавию. Противник собрал втрое большие силы, не считая крымской конницы.

* * *

Прутский поход задает историку много загадок: почему царь вместо искусной обороны ринулся в неведомую даль? Как полководец, он отличался осторожностью и предусмотрительностью. Всем памятны строки Пушкина о Полтавской битве:

Швед, русский – колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет.
Гром пушек, топот, ржанье, стон.
И смерть, и ад со всех сторон.

Менее известно язвительное высказывание Василия Осиповича Ключевского насчет «тридцати тысяч отощавших, обносившихся, деморализованных шведов, которых затащил сюда двадцатисемилетний скандинавский бродяга», то есть Карл XII. Налет художественного преувеличения в этих словах чувствуется, но и большая доля истины в них есть. Петр целый год водил неприятеля по России, прежде чем дать генеральное сражение. Подходившие к Карлу подкрепления были разгромлены. Смерть на полтавском поле изрыгали всего 4 шведские пушки против 72 русских. Баталия уникальна в том смысле, что огонь вела лишь первая линия войск, вторая оставалась в резерве. Потери – всего (для такой битвы!) 4 тысячи человек. И исход Северной войны предопределен, Россия – великая держава! По сравнению с этим Прутский поход выглядит верхом непредусмотрительности.

²⁹ Там же. С. 164

Царя мучили предчувствия, А. Д. Меншикову он писал о «безвестном и одному Богу ведомом пути», в который он пустился. Именно тогда он учредил Правительствующий сенат и повелел: «Сенату всяк да будет послушен так, как нам самому». Он оформил церковным браком (пока еще тайным) свою многолетнюю связь с лифляндской крестьянкой Мартой Скавронской, ставшей в России Екатериной Алексеевной, заметив: «Еже я учинить принужден для безвестного сего пути, дабы ежели сироты останутся, лучше бы могли житие иметь»³⁰.

Представляется обоснованным мнение Н. Н. Молчанова: царя увлек поток просьб о помощи, доносившихся с Балкан и сопровождавшихся заверениями, что едва российское воинство вступит на погранные османами земли, как последует общий взрыв возмущения. Депутации в своих ходатайствах рисовали соблазнительную перспективу военной прогулки, «невероятно преувеличивая размеры освободительного движения и преуменьшая трудности, которые ожидают русскую армию. Рисовалась фантастическая картина, на которой предстоявшие события изображались так, что простого появления русских войск будет достаточно, чтобы турецкое господство было сметено всеобщим восстанием измученных сербов, черногорцев, болгар, молдаван и валахов»³¹.

Бояре и духовенство Дунайских княжеств давно стучались в российские двери. Валахский господарь К. Брынковяну имел в Москве своего уполномоченного Г. Кастриота, который уверял: достаточно войска численностью в 3–4 тысячи человек, чтобы добиться освобождения. «Просим, чтобы государь Российский принял нас под свою державу в подданство». На Валахию зарится Вена, но, клялся Кастриот, «все мы готовы соединиться и будем прославлять имя всемирного самодержца, Российского государя, а не цесарское»³². Думный дьяк П. Б. Возницын, пользовавшийся доверием Петра, полагал: «Если б дойти до Дуная, не токмо тысячи, тьмы нашего народа, нашей веры, и все миру не желают». В вышедшей в 1703 г. в Бухаресте книге «Догматическое учение восточной церкви» Петр именовался «императором всея Великие и Малые и Белые Руси и многия других земель на Востоке и Западе отчич и дедич». Иерусалимский патриарх Хрисанф взывал к царю (1707 год): «... Весь православный народ, под владением туранским обретающийся, пребывает в великой бедности, скорби и нужде и нигде не обретет утешения и отрады, кроме как по Бозе уповаует без замедления видеть освободителя своего, нового Моисея, ваше непобедимое и державное величество»³³.

3 (14) марта 1711 года Петр обратился с примечательным манифестом к балканским христианам, отражавшим уровень знаний российской элиты о положении южных славян, молдаван, валахов, греков, их роли в завязавшемся противоборстве с Османской империей. Начиналось обращение с идеологического обоснования свержения «ига тиранского турецкого салтана, понеже турки варвары, христианской церкви и православной веры гонители, многих государств несправедливо завоеватели и многих церквей и монастырей разорители», которые как «волцы овец расхищали и стадо христианское разоряли, и толикие христианские провинции в подданство несправедливо привели, яко донныне тиранством и мучением оные разоряют и в поганскую магометанскую веру насильно приводят».

Далее следовала основная часть: весной он намерен «противу неприятеля-бусурмана с воинством наступати, но и сильным оружием в средину владательства его входити и утешенных православных христиан, аще Бог допустит, от поганского его ига освободити».

³⁰ Павленко Н. Н. Петр Великий. М., 1990. С. 41; Молчанов Н. Н. Указ. соч. С. 283

³¹ Там же. С. 281

³² Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб., 1858. С. 472–474

³³ Лещиловская И. И. Петр I и Балканы // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 49, 50; Camariano N. A. Mavrocordat, le grand drogman. Thessaloniki, 1970. P. 85

Завершался манифест призывом ко всем «добрым, чистым и кавалерским сердцам», «презрев страх и трудности, за церкву и православную веру не токмо воевати, но и последнюю каплю крови пролити.» И тогда, с Божьей помощью, «Магомета наследницы будут прогнаны в старое их отечество, в пески и степи аравийские»³⁴, хотя тюркские племена появились совсем из иных степей и песков, среднеазиатских. Нельзя не сказать все же, что поставленная задача – изгнание турок из Европы – ни в малой степени не соответствовала силам и возможностям России, поглощенной войной со Швецией. Манифест уместно сопоставить с двумя другими появившимися тогда документами, и тогда проступят контуры политической линии России на много десятилетий вперед. 15 (26) апреля, находясь в Луцке, Петр подписал «Диплом и пункты» молдавскому князю Димитрию Кантемиру, выразившему желание «со всею землею и народом» встать под протекцию Москвы.

Царь выразил на то свое согласие: принц «с сего времени под защищением нашего царского величества, яко верным подданным надлежит, и вечно». Пункты, по имеющимся данным, составил сам Кантемир, и они отвечали чаяниям молдавской элиты: вся правительственная власть оставалась у князя, и по «прежнему обыкновению да имеет, без всякого возобновления законов их». Престол становился наследственным в роде Кантемиров³⁵. Так проявилась черта, ставшая традиционной для России, – уважение к законам, нравам, обычаям, образу жизни, культуре присоединяемых народов. В другом обращении, от 8 (19) мая, Петр свидетельствовал: «В сей войне никакого властолюбия и распространения областей своих и какого-либо обогащения не желаем, ибо и своих древних и от неприятелей своих завоеванных земель, городов и сокровищ по Божьей милости предостаточно имеем». Здесь явно проглядывала мысль о территориальной насыщенности России. Далее следовал важнейший постулат о возрождении, под российским покровительством, попранной османскими завоевателями государственности балканских христиан: «Позволим под нашею протекциею избрать себе начальников от народа своего и возвратим и подтвердим их права и привилегии древние, не желая себе от них никакой прибыли, но содержа их яко под протекциею нашею»³⁶.

Очевидно, «Диплом и пункты», пожалованные Димитрию Кантемиру, Петр считал моделью будущих отношений со всем христианским миром Балкан.

А оттуда поступали ободряющие вести. Господарь Валахии Константин Брынковяну обещал выставить 20-тысячную армию, пояись русские на Дунае. Кантемир хотел прикнуть к ним с 10-тысячным отрядом и обещал снабжать их продовольствием. В соратники записывались «австрийские сербы». От них поступали жалобы на «кривды» властей и просьбы – иметь их «за своих подданных и верных», сопровождавшиеся заверением, что сербы «всегда готовы служить против Бусурман без всякой платы жалованья, никакого ружья не требуя, за одно православие»³⁷. Однако ссориться с новым римским цесарем Иосифом I было в высшей степени неблагоприятно, с ним хотелось бы заключить союз, и Посольский приказ прошения о подданстве пропускал мимо ушей. Черногорцы всем миром заверяли: они готовы «за церковь святую восточную, нашу мать, и за святые места, за православие, а наипаче за тебя, великого государя... вси военным на неприятеля идти и души свои положить». Петр взбодрился, «в уши царя и его главнокомандующего со всех сторон жужжали о страхе османов перед русскими войсками»³⁸.

³⁴ Политические и культурные отношения... С. 29–30

³⁵ Письма и бумаги... Т. 11. Вып. 1. М., 1962. С. 172–176, 363

³⁶ Там же. С. 226–227

³⁷ Кочубинский А. Сношения России при Петре с южными славянами и румынами. М., 1872. С. 25–27

³⁸ Орешкова С. В. Русско-турецкие отношения в начале XVIII века. М., 1971. С. 96; Кочубинский А. Указ. соч. С. 41; Молчанов Н. Н. Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 83

В действительности все пошло вкривь и вкось. 30 мая (10 июня) войска Шереметева переправились через Днестр и вступили на молдавскую землю. В Яссах их встретили колокольным звоном, господарский совет принял присягу царю. Но множились тревожные признаки. Страшная жара предвещала засуху, фельдмаршал известил Петра: хлеба достать невозможно. Не удалось предотвратить переправу главных сил великого везира Мехмеда Балтаджи-паши через Дунай, как то предусматривалось планом кампании. Турки заподозрили князя К. Брынковяну в измене, тот оробел и не решился двинуться навстречу русским, заявив им, что они промедлили с выступлением и освободили его от принятых обязательств.

На военном совете с участием Петра обсуждался вопрос: не повернуть ли назад? Роковое решение принял он. Войска отправились вниз по течению реки Прут, окруженные роем неуловимых крымских всадников. У местечка Станилешти войска были окружены. В «Истории свейской войны» царь определял свои силы в 38 246 человек и еще 5 тысяч молдавских добровольцев, у турок – 120 тысяч плюс 75-тысячная крымская конница³⁹. 9 (20) июля последовала атака янычар, отбитая с тяжелыми для них потерями. Но в осажденном лагере – ни хлеба, ни воды, и солнце палило беспощадно. Царь отправил к Балтадже-паше подканцлера П. П. Шафирова, опытного и выдержанного дипломата. Петр шел на серьезные уступки, что свидетельствовало о его душевном состоянии. Он полагал, что османы не оставят своими заботами шведов и включают соответствующие пункты в свои требования. Он готов был расстаться не только с Азовом и Таганрогом, но и почти со всеми завоеваниями в Прибалтике, лишь бы оставить доступ к Финскому заливу с Петербургом. В случае нужды он соглашался уступить Псков и «иные провинции». 11 (22) июля он отправил Шафирову в османский лагерь записку: «... Ставь с ними на все, что похотят, кроме шклафства» (рабства, плена); «И дай нам знать конечно сего дни, дабы свой десператный путь могли, с помощью Божьей, начать» (в случае турецкого отказа решено было прорываться)⁴⁰.

Балтаджи-паша о настроении царя не знал, Шафиров благо разумно выслушал его претензии и, отталкиваясь от них, повел торг. О шведских интересах везир не упомянул, турки не желали выступать гарантами будущего российско-шведского урегулирования, шалый Карл XII доставил им немало хлопот своими интригами, они стремились сбить его с рук. 12 (23) июля Шафиров подписал мир, немедленно утвержденный царем. По Прутскому договору Россия теряла Азов, обещала скрыть Таганрог и Каменный Затон, отказывалась от вмешательства в польские дела и гарантировала безопасный проезд Карлу в Швецию⁴¹.

Король, живший недалеко, в Бендерах, узнав о замирении, вскочил на коня и прискакал в турецкий лагерь, когда последние русские полки, под барабанный бой, выходили из окружения. Перед шатром Балтаджи-паши разыгралась драматическая сцена. Карл, топая ногами, требовал дать ему под начало 20 тысяч янычар, и он приведет царя Петра пленным. Паша невозмутимо отвечал, что Коран запрещает подчинять мусульман неверному.

При медлительности тогдашних сообщений балканцы не скоро узнали о произошедшей на реке Прут трагедии. Повстанческое движение охватило Старую Сербию, Герцеговину, Северную Албанию. 18 (29) августа консул в Венеции А. Ф. Бопус сообщал: «Из негро-монтанов (то есть черногорцев. – *Авт*) собралось до сего времени с лишним десять тысяч». От событий он отстал и полагал: «Ежели крепкие наши войски через Дунай пройдут, то учинятся по всей Румелии, Македонии и Греции бунты и вооружатся христиане на прогнание общего врага христианов»⁴².

³⁹ Письма и бумаги... Т. 11. Вып. 2. М., 1964. С. 36

⁴⁰ Там же. Т. 11. Вып. 1. С. 562–571, 617

⁴¹ Текст Прутского договора см.: Там же. С. 322–323

⁴² Письма и бумаги... Т. 11. Вып. 1. С. 423–424

Но «крепкие войски» сражались в Финляндии, Прибалтике, Польше, Германии, далеко-далеко от Дуная. Канцлер Г. И. Головкин просил балканцев не играть с огнем и воздержаться от военных действий. Черногория подверглась нашествию армии Нумана-паши и опустошению.

* * *

Жесткие для России условия Прутского мира предстояло еще отстоять в Константинополе. Далеко не всех в султанском диване удовлетворяли его положения, военная партия боролась со склонявшимися к компромиссу. Балтаджи-паша получил отставку, был предан смерти – задушен шелковым шнурком, что не предвещало ничего хорошего. В качестве заложников на берега Босфора отправились П. П. Шафиров и сын фельдмаршала Шереметева Михаил, спешно произведенный из полковников в генерал-майоры. Султан Ахмед III дважды объявлял России войну, единожды демонстративно отправился в Адрианополь, традиционное место сбора османской армии. Трех несчастных, ПА. Толстого, П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева, то бросали в казематы Семибашенного замка, то освобождали. «Ветеран», Толстой, провел в общей сложности 17 месяцев в «сырой темнице, зело мрачной и смрадной», а потом в «малой избе». Карл XII и союзная ему французская дипломатия интриговали без устали. По словам Шафирова, они «мечутся как бешеные собаки денно и ночью всюду, для того я вынужден ныне последние силы и умишко употреблять».

В конце концов сторонники компромисса в Стамбуле одержали верх, и Константинопольский договор 1714 года подтвердил основные условия Прутского мира, включая обязательство Москвы обеспечить безопасное возвращение Карла в Швецию. Последнее показывало, что турки устали от его интриг и стремились от него избавиться.

Тихо покинуть Бендеры король не пожелал, и султан Ахмед «обратил свой гнев» на него. Турки, по свидетельству Шафирова, требовали отъезда монарха «по варварскому обычаю сурово, но король по своей солдатской голове удалой» решил сопротивляться⁴³. С сотней приверженцев, со шпагой в руке, он вступил в схватку с тысячной массой противников, потерял несколько пальцев, половину уха и сдался. Тайно, под чужим именем, через Венгрию, Австрию и Германию, в сопровождении одного спутника он вернулся в Стокгольм. А 15 лет назад он оставил Швецию во главе 60-тысячного, лучшего в Европе войска.

Остается преклониться перед отечественной дипломатией, достигшей, по оценке Н. Н. Молчанова, того, что казалось невозможным, обеспечившей мир на юге.

И по-человечески, и с государственной точки зрения понятно, почему Петр старался преуменьшить размер постигших страну и его лично бед. Он пытался сгладить впечатление от прутской трагедии и у соотечественников, и за рубежом, и слегка подредактировал русский текст договора: «достигнут мир, хотя и не без печали». Отечественная историография, следуя по стопам царя, склонна рассматривать неудачу в молдавской степи как осечку: «Что касается России, то для нее война с Турцией была прежде всего досадным эпизодом Северной войны, отвлекшим ее от борьбы за Балтийское побережье»⁴⁴.

Если сводить перспективы российской внешней политики к одному балтийскому направлению, подобная оценка справедлива, но если подходить к ее развитию с позиций многовариантности, то в нее необходимо внести коррективы. Выход к Балтике давал стране многое, но не все. Будущее сельского хозяйства лежало на неосвоенном черноземном юге, и не по замерзающей Балтике следовало вывозить зерно за рубеж. Освоение же причерно-

⁴³ Молчанов Н. Н. Указ. соч. С. 362, 303

⁴⁴ Молчанов Н. Н. Указ. соч. С. 288; Орешкова С. Ф. Указ. соч. С. 136

морского плодородия с логической неизбежностью и с математической точностью должно было повлечь новые столкновения с Высокой Портой.

Если же подходить с позиций многовариантности к перспективам стратегической направленности внешнеполитического курса, то Прутский мир отбросил Россию на южном направлении к рубежам конца XVII века. Страна лишилась выхода даже к мелководному Азовскому морю, выстроенные в Воронеже с великими трудами корабли сгнили.

Понадобилось полвека и две кровопролитные войны, чтобы добиться отмены всех тягостных условий договора.

Планы освобождения Балкан пришлось отложить в долгий ящик. Но контакты с населявшими их народами продолжались, правда, на более низком уровне. В 1715 году в Петербурге побывал митрополит Данила Петрович-Негош, являвшийся не только духовным, но и светским главой Черногории, с ходатайством об установлении протектората над страной и предоставлении ей денежной субсидии. И на то, и на другое он получил согласие. Установленная тогда субсидия, по началу скромная, выплачивалась чуть ли не двести лет и являлась своего рода гарантом фактической независимости Черногории.

Тогда же началось переселенческое движение балканских христиан в Россию. Мужчины-новопоселенцы записывались в гусарские полки. В январе 1715 года Петр издал указ об отводе молдавским, валашским и сербским солдатам и офицерам земель в Киевской и Азовской губерниях и выдаче им жалования (капитанам – по 60 рублей и 60 четвертей ржи и овса в год, рядовым – соответственно того и другого по двенадцати). На тревожном порубежье сохранялось административное деление на полки, жители несли службу. В 1723 году последовал новый указ с призывом к сербам вступать в гусарские полки. Но в следующем году налицо был один полк неполного состава—175 солдат и офицеров: сербов, молдаван, болгар, венгров, македонцев. Австрийские власти неохотно отпускали своих подданных на зарубежную службу. Таково было скромное начало переселенческого движения с Балкан в Россию.

Мучительно тяжелым выдался путь армии домой, каждый день она оставляла 600–700 трупов на дороге. Уцелело 13 тысяч человек – из сорока тысяч, переправившихся через Днестр в мае. Измученный Петр отправился в Карлсбад залечивать телесные и душевные раны.

Глава II

На подступах к Балканам

После замирения с Турцией Петр погрузился в германские дела и застрял в них всерьез и надолго. Закономерным являлось его стремление «врасти» в европейскую политическую систему, встать твердой ногой на Балтике, пошатнуть здесь еще сильные позиции Швеции. Но что касается избранных средств...

Петр разворошил немецкий «запоздалый феодальный муравейник, суетливый и в большинстве бедный, донельзя переродившийся и перессорившийся». Лучше В. О. Ключевского не скажешь. Удовлетворив притязания одних, царь ссорился с другими. Помимо крупных стран – Пруссии, Саксонии, Дании, Польши – он вовлек в Северный союз Курляндию, Мекленбург и Гольштинию. Ключевскому принадлежат злые слова, в которых, однако, содержится доля горькой истины: после Полтавы Петр разменялся «на саксонские, мекленбургские и датские пустяки, продлившие девятилетнюю войну еще на двенадцать лет»⁴⁵.

Царь с азартом предавался брачной дипломатии. Сына Алексея он женил на принцессе Шарлотте Вольфенбюттенской, племянницу Екатерину Иоанновну выдал замуж за герцога мекленбургского Карла Леопольда, впутавшись, по замечанию Н. Н. Молчанова, «серьезно и несчастно в бесконечные немецкие дразги»⁴⁶. Союзники алкали вознаграждений, и русские солдаты сражались, сражались, сражались.

Обнаружилось, что «друзья» ничуть не меньше врагов боялись установления российской гегемонии на балтийском побережье. Лондонский кабинет пришел к выводу, что молодая Россия здесь куда опаснее старой Швеции. Столкнувшись с угрозой коалиции против него в составе Великобритании, Голландии и Дании, Петр вывел войска из Мекленбурга. Прежний конфидент Август II Саксонский и Польский не откликнулся на призыв прекратить гонения на православных в Речи Посполитой и предложил царю удалить оттуда российскую армию, дабы не навлекать на поляков шведское нашествие. В марте 1716 г. Петр направил Августу неслышанный в дипломатии документ, «меморию досад». Герцог Карл Леопольд оказался немецкой разновидностью самодура; встречались, оказывается, и такие. Он рассорился с дворянством, император Карл VI засадил его в темницу, Екатерина Иоанновна вернулась к матери, царице Прасковье. Сам кайзер в бессилии наблюдал, как Петр, без его ведома и согласия, хозяйничал на севере Германии, мирил и ссорил фюрстов и вместо шведского влияния устанавливал здесь собственное. Отношения с Австрией испортились несмотря на наличие с ней общих интересов, прежде всего в отношении борьбы с Турцией. Обе страны были заинтересованы в подрыве французских позиций в Польше и Швеции. В 1718 году дело дошло до разрыва дипломатических отношений между Веной и Петербургом, к счастью длившегося всего два года, – и здесь, и там пришли в себя.

Возвращаясь к резкому высказыванию В. О. Ключевского, стоит задаться вопросом: может быть, вместо того, чтобы десять лет бултыхаться в немецком омуте, стоило прибегнуть к стратегии прямого удара по Швеции через Финляндию? Ведь следующая война со Стокгольмом выдалась краткой (1741–1743 годы), сравнительно малокровной и победоносной для российского оружия. А успех двуглавого орла в Скандинавии сказался бы и на балансе сил в южной Прибалтике.

⁴⁵ История внешней политики России. XVIII век. М., 1997. С. 37; Ключевский В. О. Сочинения. Т. 5. М., 1989. С. 6; Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 256

⁴⁶ Молчанов Н. Н. Указ. соч. С. 334

Пока его царское величество занималось распутыванием бесчисленных немецких узлов, соперники спешно и успешно решали дела балканские в свою пользу.

В 1714 году Высокая Порта, решив, что Габсбургская монархия достаточно измотана участием в войне за испанское наследство (1701–1714 годы), решила перейти в наступление. Первый удар был направлен по владениям более слабой Венецианской республики. Не прошло и года, как ее власть на юге Балканского полуострова пала. Однако попытка перенести военные действия на Ионические острова успехом не увенчалась. Центральным островом Корфу османы завладеть не могли. 9 (20) августа 1716 года разразившаяся на море буря разметала турецкие суда, молва приписала это покровительству святого Спиридона христианам. Существовала, однако, и земная причина поспешного бегства турок из прибрежных вод: к острову на всех парусах спешили корабли Неаполя, Испании, мальтийских рыцарей и папского престола. И главное, вмешались австрийцы. Великий полководец Евгений Савойский советовал кайзеру Карлу VI откликнуться на мольбы венецианцев о помощи и вмешаться в войну с далеко идущими целями – освободить всю Венгрию, занять устья Савы и Дуная, установить свой контроль над всем течением великой реки. В апреле 1716 года союзный договор с Венецией был возобновлен.

Принцу Евгению и пришлось осуществлять поставленную задачу. 5 августа в битве у Фрушка-Гора он разгромил армию великого везира Али Дамада. О размерах турецкого поражения говорят трофеи – 176 знамен и 5 бунчуков. В октябре ему на капитуляцию сдалась крепость Темешвар (Тимишоара). Зимой тогда не воевали, полководец отправился в Вену и был восторженно встречен жителями. Покинул он столицу в мае 1717 года, в разгар празднеств по случаю рождения эрцгерцогини Марии Терезии. Никто тогда не предполагал, что девочку ожидает великое будущее.

Цесарское войско насчитывало 100 тысяч солдат и офицеров. Принц, по его словам, «слегка растерялся»: «на ловлю счастья и чинов» к нему слетелись 24 князя, не считая многочисленных дворян рангом ниже со всей Европы.

В середине июля принц Евгений осадил Белград. Но в городе – 30-тысячный гарнизон, в августе к Белграду подошла армия великого везира Халила-паши. Утром 16 августа Евгений Савойский стремительной атакой обратил в бегство турецкое воинство, которое побросало артиллерию, обоз и даже везирскую канцелярию. Гарнизон не успел сделать вылазку и через несколько дней сдался на капитуляцию. Императорские войска, почти не встречая сопротивления, заняли Сербию и большую часть Боснии.

Самое бы время и Петербургу вмешаться, но...

21 июля в сербском городе Пожаревац был подписан крайне выгодный для Австрии договор: к ней отошли Банат с Темешваром, Северная Сербия с Белградом, Западная Валахия (Олтения). Мир предусматривал охрану христианских святынь в Палестине. Подписанная тогда же торговая конвенция предоставляла подданным кайзера право торговли во всех османских владениях при умеренной ввозной и вывозной пошлине (3 %). Партнерами на бумаге и бедными родственниками на деле в переговорах выступали венецианцы, поскольку сражаться во имя возвращения незадачливым союзникам утраченных ранее земель кайзер не пожелал. Республика святого Марка лишилась Морей и некоторых островов Ионического архипелага.

Вена торжествовала, она фактически в одиночку нанесла поражение Османской империи и прочно утвердилась на Балканах. Савойского пышно чествовали, папа Климент XI преподнес герою усыпанную драгоценными камнями шпагу, а народ распевал песню «Принц Евгений, благородный рыцарь».

* * *

Тяжкая судьба выпала на долю Петра в последние годы жизни. Мучили его не только болезни. Сын Алексей, считал он, предал его дело, а к отступникам царь пощады не знал. В августе 1716 года тот получил отцовское распоряжение – принять участие в десантной операции в Швеции. По пути Алексей скрылся в австрийских владениях (местечко Вейсбург – крепость Эренберг) и наконец осел в Неаполе. Кайзер Карл, его свояк (оба были женаты на сестрах, принцессах Волфенбютгенских; правда, Алексей был уже вдовцом), ему покровительствовал. П. А. Толстой по поручению царя выследил беглеца и выманил его обещанием прощения (что подтверждали собственноручные письма царя). В январе 1718 года Алексей вернулся на родину⁴⁷. Последовал процесс; судить об обоснованности и правомерности предъявленных ему обвинений в государственной измене бессмысленно: царевича 6 раз водили в застенки, 6 раз подвешивали на дыбе и истязали кнутом, и «злой умысел» был доказан. 127 высших сановников послушно подписали приговор о предании Алексея смертной казни. Впрочем, в этом не было нужды: 28 июня 1718 года Алексей «преставился» якобы самостоятельно⁴⁸.

Царь, несомненно, расчищал путь к престолу маленькому Петру Петровичу, но жизнь не щадила Преобразователя: Петруша умер в 1719 году, не дожив до четырех лет. Царь, по тогдашним понятиям, достиг преклонного возраста, думы о судьбе державы после его ухода мучили Петра. А вокруг трона – пустота, никто из людей, связанных с ним кровными узами, не обладал искрой Божьей.

В 1722 году император издал длинный и нудный «Устав о наследии», который В. О. Ключевский с полным основанием именовал злополучным⁴⁹. Его содержание можно изложить кратко: монарх волен назначать себе преемника по своему усмотрению. За подобным заявлением следовало ожидать имя наследника – иначе в чем был смысл указа? Петр не назвал никого: кандидатов, заслуживавших подобной чести, не существовало. У подножия трона возник плацдарм для столкновения интересов и игры страстей. Только полной безысходностью можно объяснить появление подобного акта.

В 1724 году произошло еще одно труднообъяснимое событие: Петр с помпой провел коронацию супруги Екатерины Алексеевны.

Для участия в церемонии образовали специальный элитный эскадрон кавалергардов, прижимистый царь обложил города специальным налогом – по полтине с каждого – на проведение торжеств. Но в том же году его постиг новый удар: обнаружилась амурная связь жены с красавцем камергером Виллемом Монсом, младшим братом Анны, его любовницы в юные годы. Петр был скор на расправу, Виллем расстался с жизнью на эшафоте. Верный денщик Алексашка превратился в фельдмаршала, светлейшего князя и герцога Ижорского Александра Даниловича Меншикова, и по совместительству первого казнокрада империи, состоявшего под следствием. «Меншиков в беззаконии зачат, в гресех родила его мать, и в плутовстве скончает живот свой, и, если не исправится, быть ему без головы», – отзывался император о бывшем любимце⁵⁰.

Кольцо одиночества вокруг Петра Великого сомкнулось.

⁴⁷ Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 179

⁴⁸ Там же. С. 197

⁴⁹ Ключевский В. О. Русская история. Т. 3. М., 1983. С. 102

⁵⁰ Там же. С. 48

* * *

Преобразователь скончался под утро 28 января 1725 года в страшных мучениях, и трон стал игрищем противоборствовавших вельможных клик. Наступила пора «случайностей» на престоле (выражение В. О. Ключевского), «птенцы гнезда Петрова» шли стенка на стенку, титана у власти сменили пигмеи. Братья Долгорукие выступали за воцарение малолетнего Петра, сына царевича Алексея; Меншиков и Толстой, лютые враги убиенного, прямо причастные к его гибели, выдвинули кандидатуру императрицы Екатерины Алексеевны, ссылаясь на ее коронацию. Спор решился в их пользу, дворец окружили войска, подчинявшиеся Меншикову как главе военной коллегии.

Скоро стало ясно: бывшая портомоя (прачка) Марта Скавронская в государственных делах ничего не смыслит и управлять не может. Появился Верховный тайный совет, выполнявший «роль костыля, без которого императрица не могла ходить»⁵¹.

Екатерина государственные интересы путала с семейными и заявляла, что всем пожертвует ради любимой дочери Анны, выданной замуж за герцога Гольштинского Карла Фридриха. Сей последний жаждал вернуть в свое владение Шлезвиг, отторгнутый у него коварными датчанами, и, разумеется, с помощью русских штыков и пушек. На Балтике принялись снаряжать эскадру, на сухом пути – готовить 40-тысячный экспедиционный корпус. А за Гольштинией виднелась британская тень. В мае 1726 года на рейде Ревеля (Таллина) появилась англо-датская эскадра в 31 вымпел. Верховный тайный совет обсуждал вопрос о затоплении, в случае нужды, своих кораблей в порту, сопротивляться плавучей армаде не было возможности. В 1727 году британские паруса вновь появились на Балтике. Но после смерти Екатерины идея о походе на Данию скончалась сама собой.

Конфуз произошел и с другой акцией – с попыткой утвердиться в Курляндии, где Анна Иоанновна пребывала во вдовствующем положении после кончины супруга, герцога Фридриха Вильгельма от неумеренных возлияний. Объявился претендент на престол в Митаве в лице побочного сына польского короля Августа II, Морица Саксонского, красавца и донжуана (о его полководческих талантах никто тогда не подозревал). Он явился в Курляндию, предложил Анне Иоанновне руку, благоразумно умолчав о сердце. Вдова млела от восторга и просила российский двор дать согласие на брак. Мориц времени не терял, сумел понравиться местному дворянству и был избран на престол.

В Петербурге с опозданием спохватились, что Курляндия на глазах уплывает к Польше. Объявился и собственный кандидат в курляндские герцоги в лице ненасытного А. Д. Меншикова. В Митаве, однако, он встретил холодный прием: не немец, не лютеранин, да и герцог уже избран.

Верховный тайный совет решил прибегнуть к силе и изловить Морица. Окружили замок, где он предположительно ночевал. В одном из окон появилась закутанная в плащ фигура, которая начала спускаться по веревочной лестнице. Будучи схваченной, она оказалась особой женского пола.

Тогда было решено снарядить в Митаву целую военную экспедицию во главе с генералом П. Ласси. Мориц, однако, заблаговременно скрылся, оставив преследователям сундук с любовными письмами разных дам и девиц. Бегство пошло ему на пользу: вместо прозябания в захолустной Митаве он превратился в маршала Франции, победителя сражения при Фонтенуа (1745 год). Но и цель Петербурга была достигнута. Курляндией продолжали управлять потомки гроссмейстера Ливонского ордена Кетлера, российское влияние в ней окрепло⁵².

⁵¹ Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. М., 1997. С. 58

⁵² Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 10. М., 1993. С. 35; Анисимов Е. В. Россия без Петра. СПб., 1994. С. 114–115

Россия после смерти Петра переживала нелегкие времена. Произошел колоссальный рост ее могущества и роли в международной жизни. Но какой ценой? Ни одна держава не может воевать почти сорок лет без ущерба для себя. Е. В. Анисимов констатирует: «Петр разорил собственную страну для создания новой армии»; «истощение народного хозяйства, сотни тысяч беглых на Дон и в Польшу, опустевшие деревни, гигантские недоимки в сборах налогов, бунты и мятежи – такова картина страны в конце петровского царствования»⁵³.

Правительство поспешило снизить подушную подать с 74 до 70 копеек в год, простило недоимки, вернуло из ссылки политических заключенных. Попытка сократить военные расходы не удалась, навести порядок в ведомстве, руководимом Меншиковым, помешала императрица. Как деликатно выразился П. А. Толстой, обнаружилось «несоответствие»: ведомству удалось отчитаться о расходовании только 10 миллионов рублей из выделенных 17 миллионов, но никто не потребовал наказать царицына любимца.

В наследии Петра оказались излишества внешнеполитического плана. Завоеванные в персидском походе 1722 года провинции (Астрабад, Гилян, Мазандаран, Дербент, Баку) стали тем жерновом на шее, который государству тащить было не под силу, налоги там не собирались, жители разбегались, войска (10 пехотных и 7 кавалерийских полков) маялись в непривычно жарком климате. Возникла уникальная ситуация: Верховный тайный совет мучился над вопросом – как бы избавиться от завоеванного? Казалось бы, нет ничего легче: вернуть Ирану. Но тот воевал с Высокой Портой, и неудачно для себя, так что добыча могла оказаться у Османской империи, от чего избави боже! Поэтому передача Персии земель растянулась на десять лет. В 1735 году российская армия вернулась на рубежи реки Терек.

Заботили и европейские дела. После победы в Северной войне и заключения в 1721 году Ништадтского мира распался союз с Данией, Польшей, Саксонией, Пруссией. Российского могущества соседи боялись, способствовать его наращиванию не желали, смерть Петра встретили со вздохом облегчения, перестав ощущать его тяжелую руку. В Копенгагене, сообщал посланник, при вести о кончине императора «подлые с радостью опились было». Россия очутилась в малоприятном положении международной изоляции. Выход из нее виделся в заключении союза с ведущей европейской державой. Выбор не случайно пал на Австрию. А. И. Остерман в обоснование этой ориентации писал о совпадении «натуральных интересов» двух государств, и первым среди них называл «убавление турецких сил»⁵⁴. Мнение о неотвратимости движения на юг, к Азову, и дальше, к морю, укоренилось в политическом сознании.

Остерману, который в течение 15 лет фактически возглавлял Коллегию иностранных дел (канцлер Г. И. Головкин фигурой крупного масштаба не являлся), принадлежит важная заслуга – разработка внешнеполитического курса послепетровского времени. Он, по замечанию Г. А. Некрасова, усвоил «основные элементы внешнеполитической системы» Преобразователя⁵⁵. Андрей Иванович сочетал в себе добродетели и пороки века Просвещения, был образован, начитан, знал несколько языков. Он принадлежал к тем иностранцам, для которых Россия стала не второй, а единственной родиной, в жены взял девицу из семейства Стрешневых, пустил в стране корни. Взятки он не брал, и, невиданное дело, отказывался даже от традиционных щедрых подношений по случаю заключения международного договора, обладал умом острым и аналитическим. И в то же время он был честолюбив, тщеславен, мстителен, склонен к интриге и нажил себе множество врагов. «По трупам соперников уверенно и медленно продвигался к власти ловкий Остерман», – писал Н. И. Павленко⁵⁶.

⁵³ Анисимов Е. В. Женщины... С. 35; Ключевский В. О. Указ. соч. С. 152

⁵⁴ Анисимов Е. В. Россия без Петра... СПб., 1994. С. 107, 122; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 243, 67

⁵⁵ Некрасов Г. А. Роль России в европейской международной политике 1725–1739. М., 1976. С. 307

⁵⁶ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 312

Ответственности и связанной с ней кары он боялся в такой степени, что его привычка «заболеть», когда нужно было ставить подпись под «опасной» бумагой или принимать нежелательного посетителя, вошла в поговорку. У него случались даже «провалы в памяти», если вспоминать надлежало нечто неприятное.

Именно Остерман подал в 1725 году в Верховный тайный совет записку из рода тех, что ныне именуется ситуационным анализом, в которой ратовал за долгий и прочный союз со Священной Римской империей германской нации (Австрией). Общность интересов двух стран он находил прежде всего на турецком направлении. За плечами Габсбургской монархии – два века сопротивления османской экспансии в Европе, и в Вене были убеждены: счеты с турками еще не сведены. Даже коронационная присяга римского цесаря содержала пункт о борьбе с «неверными»⁵⁷.

Незадачливую Екатерину на троне сменил недоросль Петр II, который с упоением предавался охоте, свора его собак насчитывала 600 голов. К государственным делам он интереса не проявлял, да и годы были не те. Затем произошло сказочное вознесение на престол Анны Иоанновны, жизнь которой прежде складывалась уныло и убого в провинциальной Митаве с постоянными унижительными просьбами о деньгах.

Говорить о государственном кругозоре полуграмотной Анны Иоанновны беспредметно, не то ее интересовало; губернаторы по ее распоряжению разыскивали карлиц, стариц и шутов поболтливее: монархиня страсть как любила сплетни. Находила царица время и для знакомства с протоколами страшной Тайной канцелярии, куда людей волокли при малейшем оскорблении величества. Анна Иоанновна обладала богатырской статью, твердой рукой и метким глазом. Отсюда – страсть к охоте. Но поскольку выезжать в чистое поле или в лес было лень, она палила из окон загородных дворцов по несчастному зверью, которое тогда водилось в изобилии. Ее трофеи впечатляют: за один 1739 год – 9 оленей, 16 диких коз, 4 кабана, 1 волк, 374 зайца и 608 уток. Немалое подспорье к дворцовому столу!

Перемены на троне не влияли на основы внешнеполитического курса. Оно и к лучшему: ничтожества, его занимавшие, были способны разве что поставить подпись под нужной бумагой. Делами занимались государственные мужи из Петрова гнезда, внешняя политика не осталась без руля и ветрил. Отечественная историография, избавившись от синдрома обязательной сокручительно-разгромной критики всего, что было связано с самодержавием, обнаружила в царском окружении людей крупного масштаба, способных здраво взвесить и определить геостратегическое направление политики государства. По свидетельству немецкого историка М. Шульце-Весселя, «даже в период мнимого упадка русской внешней политики в Петербурге учились рационально формулировать и отстаивать собственные интересы, политически взаимодействуя с европейской системой государств»⁵⁸. Опасения «с той стороны» насчет российского могущества свидетельствовали о его наличии.

В июле 1726 года был подписан союзный договор с Австрией, в котором стороны гарантировали неприкосновенность своих владений. Его «секретнейший артикул» предусматривал взаимопомощь в случае турецкого нападения на одну из держав. Е. В. Анисимов именуется его «осью Петербург – Вена», придавшей устойчивость российскому внешнеполитическому курсу⁵⁹. Но сконцентрировать все внимание на его южном направлении не удалось, сумятица европейской политической жизни отвлекала внимание в разные стороны. Кайзер Карл VI, которому природа не подарила сыновей, заботился прежде всего о передаче всех своих многочисленных владений дочери Марии Терезии, издав для сего Прагматиче-

⁵⁷ Bain R.N. The Daughter of Peter the Great. St. Clair Shores, 1969. P. 110; Крылова Т. К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны. Исторические записки. Т. 10. М., 1941. С. 253

⁵⁸ Польша и Европа в XVIII веке. М., 1999. С. 8

⁵⁹ Некрасов Г. А. Указ. соч. С. 97–102; Анисимов Е. В. Женщины... С. 119

скую санкцию. Объектом поползновений с разных сторон после смерти в 1733 году Августа II стала Польша. Встрепенулся прогнанный Петром с престола Речи Посполитой Станислав Лещинский, пользовавшийся покровительством Парижа. Магнаты и шляхта отнеслись положительно к кандидатуре Лещинского, который уже четверть века сидел на французских хлебах. По причинам, до сих пор не ясным историкам, да и оценке с точки зрения здравого смысла не поддающимся, в жены 15-летнему королю Людовику избрали 22-летнюю Марию Лещинскую, по понятиям того времени уже старую деву (при наличии 80 девиц, родители которых помогали избранию дочерей!). А королеве надлежало быть потомком владетельного монарха, а не нахлебника, что придавало дополнительный стимул стремлению Парижа утвердить Станислава на Варшавском троне и усугубляло без того сложные проблемы между Россией и Речью Посполитой. Последняя предлагала себя на роль барьера на пути России в Европу, отказывалась признать императорский титул за ее монархами, уклонялась от гарантии российских приобретений в Прибалтике, а тут еще перспектива появления в Варшаве французской марионетки!⁶⁰ Кабинет министров пришел к выводу: Станислав – «русскому государству отъявленный неприятель, так тесно связан с французскими, шведскими и турецкими интересами, что, кроме злых поступков, ожидать от него ничего нельзя». Анна Иоанновна обратилась к кардиналу-примасу с предостережением: «Ни мы, ни другие соседние державы избрания оного Станислава или иного какого кандидата, который в той же зависимости и интересах быть имел... никогда допустить не можем»⁶¹. Предупреждение не действовало, тревожному сигналу не вняли. Лещинский тайно, переодетый приказчиком, пробрался на родину. 11 сентября 1733 года на рыцарское коло в Варшаву собралось 60 тысяч конников в блестящих доспехах, и сейм избрал его королем. Сплочению депутатов немало способствовало парижское золото, щедро рассыпанное перед сеймовыми послами.

Но 4 тысячи раскольников, и среди них фигуры влиятельные – епископ Познанский, князь Радзивиллы, Любомирские, Сапеги, графы Огинские, – переправились через Вислу и, под сенью 20-тысячной армии фельдмаршала П. П. Ласси, высказались в пользу кандидатуры саксонского курфюрста Августа. Лещинский «во всякой скорости», как писали русские источники, бежал в Данциг (Гданьск) под защиту крепостных стен и в ожидании французского флота. Тот прибыл, но не в нужном числе кораблей, и быстро покинул балтийские берега. Лещинскому пришлось бежать в Пруссию, переодевшись, для разнообразия, в крестьянское платье. И уже делом техники и больших финансовых вливаний явилось утверждение на престоле Августа III. Как свидетельствовал российский посланник Г. И. Кейзерлинг, в Варшаве слова и представления «суть пустые чаши, которые, если золотом не наполнены, у поляков впечатления и звука не производят»⁶².

Вена с сочувствием следила за российскими операциями в Польше, но сама была поглощена войной с Францией, столь неудачной, что кайзер Карл VI просил о российской поддержке. Армия П. П. Ласси стала готовиться к походу на Рейн. Напрасно. В результате мирных переговоров Габсбурги потеряли Неаполь и остров Сицилию, перешедшие к испанским Бурбонам.

Опасность подкрадывалась с юга. Высокая Порта нервно реагировала на российские успехи в Польше и вспомнила о подзабытом Прутском договоре, запрещавшем России вмешиваться в польские дела. Везиры изматывали резидентов Н. Н. Неплюева и сменившего его А. А. Вешнякова требованиями о выводе российских войск из Польши. И тот, и другой имели соглядатаев и в диване, и во французском посольстве, которые за мзду держали их в

⁶⁰ Некрасов Г. А. Указ. соч. С. 216

⁶¹ Анисимов Е. В. Россия без Петра... С. 396; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 10. М., 1963. С. 332

⁶² Соловьев С. И. Сочинения. Кн. 11. М., 1993. С. 366–367

курсе дел. Столкновение с Турцией удалось отсрочить до 1735 года. В мае Порты предписала Крымскому хану двинуться с 70-тысячной ордой через Кавказ в Персию, с которой у нее шла война. Конница должна была пройти и по землям российской короны. То была реакция на возвращение Персии завоеванных ранее Петром I земель и одновременно открытый вызов Петербургу.

В августе 1735 года передовой отряд генерала Леонтьева двинулся к Крыму, но до Перекопа так и не добрался. Полили дожди, в октябре выпал снег, пало 3 тысячи лошадей, и Леонтьев повернул назад. Еще теплилась надежда, что удастся ограничиться крымской экспедицией и избежать столкновения с османским войском. Однако А. А. Вешняков своими шапкозакидательскими реляциями способствовал разжиганию воинственных настроений: «...теперь турки совершенно другие, сколько прежде они были воодушевлены духом славы и свирепства, столько теперь малодушны и боязливы, все как будто предчувствуют конец своей незаконной власти, и да сподобит Всевышний ваше величество ее искоренить»; «Теперь самое полезное время не только к сломиению зверской гордости, но и к окончательному ниспровержению всего этого незаконного сонмища». Все выходило гладко на бумаге: «Так как Турция находится в крайней слабости, то от вашего величества зависит повелеть войскам идти прямо на Константинополь: как скоро они вступят в Буджак, то тамошние татары покорятся. Молдавия и Валахия поднимутся непременно. По переходе через Дунай и овладении магазинами встанет и остальное население, отягченное и разоренное до такой степени, что домов своих отступает; христиане поднимутся по всей Греции, останетса напугать Константинополь и заставить бежать султана; для этого достаточно несколько морских судов повест к каналу (к Босфору. – *Авт*) и высадить тысяч двадцать войска...».

Тем горше оказалась действительность⁶³.

Весной 1736 года приступили к осаде Азова. Обложили город и с суши, и с воды. 19 июля комендант, не ожидая приступа, сдал город на капитуляцию. После этого фельдмаршал Б. Х. Миних предпринял поход на Крым. Перекопские укрепления удалось преодолеть быстро, защищавших их татар перебили или пленили. Войско вырвалось на просторы полуострова, мирное население бежало, оставляя в аулах запасы и пожитки. Миних торжествовал и извещал Анну Иоанновну: «Мы успели свою лошадь к неприятельским яслям привязать». Но благодать продолжалась недолго. Под Бахчисараем произошло сражение, полгорода сгорело, включая ханские палаты. Больше организованного сопротивления степняки не оказывали, но роем вились кругом. Войско страдало от жары, конский состав нес потери от бескормицы (татары сожгли всю траву по дороге в Кафу (Феодосию), и Миних повернул назад, к Перекопу. Военный совет решил: ввиду распространения болезней, нехватки воды и падения лошадей отступать к Днепру, разорив предварительно перекопские укрепления «до подошвы»⁶⁴.

На полководца обрушились критики: зачем повел войска на авось, понадеявшись захватить запасы у неприятеля? Почему изматывающие марши совершались в дневной зной, а не в прохладную ночную и предрассветную пору? Зимой Миних провел, отвечая многочисленным оппонентам и оправдываясь.

Ограничиться операциями в Крыму не удалось. Весной 1737 года турки форсировали Днепр выше Переволочны, разгромили стоявший там заслон, но были отбиты с большими потерями. Основные военные действия развернулись летом. Войска под командой Миниха совершили переход через выжженную татарами степь, в пыли и пепле, к крепости Очаков. Военный совет решил брать ее с ходу, чтобы неприятель не успел подтянуть подкрепления. 1 (12) июня началась бомбардировка города, продолжавшаяся ночью. Запылали пожары. Пол-

⁶³ Там же. С. 382, 406–407

⁶⁴ Там же. С. 308–309

ководец половину своих полков подвел под самые стены, чтобы отвлечь турок от тушения огня, что и удалось. И тогда он решился на штурм. Наступающие не смогли преодолеть глубокий и широкий ров, со стен на них сыпались пули и камни, полки дрогнули и подались назад.

Далее источники расходятся в описании событий. По одним данным фельдмаршал пришел в отчаяние, шпага выпала у него из рук и он воскликнул: «Все пропало!» По другим, он, человек крутой и жестокий, велел открыть по отступавшим пушечный огонь⁶⁵. Страшный пожар делал свое дело, взорвался пороховой склад, в кромешном аду несколько тысяч пеших и конных турок бросились к морю, к кораблям, их перехватили и истребили, а казаки и гусары ворвались в город, воспользовавшись не запахнутыми в панике воротами. Сераскер выкинул белый флаг, прося пощады. Турки понесли урон в 10 тысяч человек, 5 тысяч сдались в плен. Миних послал в Петербург победную реляцию, а сам отправился вверх по реке Буг. Отошел он всего на 40 верст. Солнце жгло беспощадно, в степи пылали пожары, реки обмелели, вода в них позеленела и стала непригодной для питья. И фельдмаршал уже в августе стал распускать армию на зимние квартиры. А в октябре под Очаковым появились турки, подкрепленные татарской конницей. Гарнизон их атаки отбил, и неприятель отступил от крепости под проливными дождями.

Другой фельдмаршал, П. П. Ласси, провел кампанию в Крыму, ворвавшись туда в начале июля. Близ Карасу-Базара он встретил татар во главе с ханом и разбил их. Ласси двинулся дальше, разрушая и сжигая, по тогдашнему обычаю, все на своем пути. Действия неприятеля большого урона не наносили, но томили зной, жажда и бескормица для конского состава. В конце июля командующий повернул назад, оправдываясь тем, что желает сохранить армию.

Союзную Австрию втянули в войну за уши, император Карл VI был поглощен семейными делами: 19-летнюю красавицу дочь он выдал замуж за герцога Франца Лотарингского, следовало обеспечить ее богатым наследством в виде власти над всеми габсбургскими владениями. Посланник Л. Ланчинский жаловался по поводу медлительности цесарцев в военных действиях, а те ссылались на истощение казны после неудачной войны с Францией. Лишь в мае 1737 года императорские войска выдвинулись к границе, а уже в июле Ланчинский бил тревогу – его подопечные «мира алчно жаждут», с трудом они наскребли денег на одну кампанию, да и та обернулась неудачей.

Операции происходили на сербских землях. Кайзер Карл обратился к «турецким христианам» с воззванием, обещая им свободу вероисповедания и привилегии в своих владениях; командование издавало манифесты, в которых посулы перемежались с угрозами. Митрополит Нови-Пазара Евфимий Дамианович сообщал в Петербург, что сербам предлагали подняться «противу турка под кондициями: послушающим воздаяния милостивого восприятия, непослушающим же – разорение и смерть наряду с неприятелем»⁶⁶.

Восстание охватило Старую Сербию (Косово), Северную Албанию, населенную в основном католиками, частично Герцеговину. Повстанцам удалось взять Нови-Пазар, но на том успехи и кончились. Турки зашли в тыл цесарской армии, та отступила и из Косова, и из Боснии, и начались расправы над сербами. По слухам, кайзер Карл в горечи воскликнул: «Неужели принц Евгений унес с собой в могилу счастье моей империи?»⁶⁷.

Патриарх Арсений Иоаннович извещал царицу: сербский народ «как с оружием, так и с пищею, армии потребною, восстал. И ежели бы изменническим фельдмаршалским и

⁶⁵ Russel F. Russian Wars with Turkey. L., 1877. P. 21

⁶⁶ Анисимов Е. В. Россия без Петра. С. 420; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII веке. М., 1984. С. 105, 104

⁶⁷ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 10. С. 459

подобных ему прельщены не были, то сами б народы наши в Сербии, Албании и вольные не только из Сербии, Боснии и Албании, но из всей Македонии... собственным своим оружием турок прогнали. Яко же в нынешней войне большее число турок от оружия сербского, нежели от немецкого пропали». В итоге же сербы «злою и окаянную смертью от турков пострадали», 12 тысяч душ «мужеска и женска пола... иные вырублены, иные же в полон введены»⁶⁸. Иоанновичу вторил митрополит Евфимий Дамианович: 6 тысяч душ его паствы, «от турецкого меча кровию своею защитившееся и избавившееся, в мнимое утешение цесарских границ прибегохом, или же скитаемся в крайней бедности, и уже 9 месяц томимы гладом, и смерти зрим прежде времени»⁶⁹. Так что и эмиграция не сулила спасения.

Уже не первая трагедия, связанная с австро-турецкими войнами, приводила к горькому разочарованию в державе Габсбургов и усиливала тягу сербов к России.

По настоянию Вены в августе 1737 года в Немирове открылась конференция, громко названная конгрессом. Российские уполномоченные – а ими были персоны первого ранга П. П. Шафиров и кабинет-министр А. П. Волынский – заявили, что поскольку во всех ссорах виноваты татарские народы, между двумя империями обитающие, и прочный мир в подобной ситуации недостижим, то ради водворения спокойствия надлежит утвердить российскую власть в Крыму, на Кубани и в причерноморских землях, «до реки Дуная лежащих». С той же благородной целью следует превратить Молдавию и Валахию в вольные княжества под покровительством императрицы, а также удовлетворить притязания цесарской стороны, которые Шафиров и Волынский уточнять не стали⁷⁰. Выдвинутые требования ни в малой степени не соответствовали скромным успехам на поле боя и были турками отвергнуты (а тут еще приспели вести, что П. П. Ласси оставил Крым). Создается впечатление, что несообразные претензии были предъявлены в расчете завести совещание в тупик и побудить австрийского союзника продолжать войну. Уполномоченный цесаря граф Остейн выдвинул более умеренную программу: для России – Очаков, Кинбурн, кубанские и ногайские земли, для Австрии – замещение на условии *uti possidetis* (чем владеешь).

Натолкнувшись на сопротивление, Шафиров и Волынский согласились оставить Крым Османской империи с тем, однако, чтобы перекопская линия укреплений была скрыта. Молдавия и Валахия в новых требованиях вообще не упоминались. Граф Остейн предлагал присоединить к Австрии город Ниссу и часть Сербии. Османские представители сочли неуместным приступать к обсуждению выдвинутых предложений и 10 октября покинули Немиров⁷¹.

Кампания 1738 года сложилась для союзников совсем неудачно. Движение к Днестру остановил не враг, а заразные болезни. Морская язва косила солдат и офицеров. «Нет кормов в достаточном количестве, везде глухие и пустые горы и буераки, – жаловался Миних, – а какие деревни и были, то татары разоряют и разгоняют обывателей, и потому нельзя знать подлинно, где достать воды и фуражу и миновать трудных дефилей». Началось отступление со всеми сопутствующими бедствиями. Ядра топили в Днестре, орудийные лафеты разбивали на куски, которые оставляли на дороге. Из Очакова и Кинбурна, превратившихся в очаги заразы, вывели остатки гарнизонов, предварительно разрушив стены крепостей.

Не улыбнулась удача и фельдмаршалу Ласси. Его корпус перешел через Сиваш и добился капитуляции защитников Перекопского вала. Но двинуться в глубь полуострова Ласси не решился: татары заманят в безводные степи, где солдаты и офицеры обретут смерть от жажды, а конский состав падет от бескормицы.

⁶⁸ Политические и культурные отношения... С. 98, 99, 106

⁶⁹ Там же. С. 98–99

⁷⁰ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 420; Некрасов Г. А. Указ. соч. С. 258

⁷¹ Там же. С. 423–425

Император Карл потерял к войне всякий интерес. Он чувствовал приближение смерти, и все его помыслы были направлены на то, чтобы передать дочери Марии Терезии австрийское наследство. Началось вымогательство российской помощи, и немалой. Австрийцы запрашивали корпус в 20 тысяч человек, который, вопреки традиции, отказались содержать за свой счет. До отправки войск дело не дошло. Союзная армия проиграла все сражения, и Вена пошла на мировую.

Кампанию 1739 года российская армия проводила фактически в одиночку, цесарцы терпели сплошные неудачи, «увенчавшиеся» сдачей Белграда. Османы торжествовали и предавались бахвальству: «Враги стали добычей меча правоверных», и скорби по павшим воинам Аллаха и их женам: «Много храбрых мусульман, мужчин и женщин, покинули сию юдоль слез и отправились в мир иной» вкушать там «сладкий шербет мученичества»⁷².

Российское командование наконец-то решило нанести удар на главном, балканском направлении. Армия Миниха переправилась через Днестр и подошла к крепости Хотин. Невдалеке, у местечка Ставучаны, он встретил сераскера Вели-пашу с 90-тысячным войском. Позиции неприятеля представлялись неприступными: впереди – речка с болотистыми берегами, по правую руку – поросшая густым лесом гора, по левую – глубокие буераки, позади – крепость. Миниху оставалось атаковать по фронту. Он одержал победу и обратил турок в бегство при минимальных потерях – всего 100 человек убитыми и ранеными⁷³. Явственно проявилось превосходство обученной по-европейски армии над средневековым войском. Гарнизон Хотина сложил оружие.

На молдавской земле православное воинство встретили как освободителей. Еще раньше, в 1737 году, высшее духовенство и боярство княжества обратились к императрице Анне Иоанновне, прося избавить их от «тяжкого и тиранского ига турецкого» и привести в российское подданство, поскольку османы замучили их «суровостью варварскою, ругая чистую и непорочную нашу православную веру, и другими тягчайшими и несносными утеснениями»⁷⁴.

Делегация бояр и церковного клира встретила Миниха в тех местах, где в 1711 году произошла трагедия, и вручила командующему петицию царице: «Мы себя повергаем в высочайшую вашего императорского величества, нашей всемилостивейшей государыни, протекцию, и ее справедливые соизволения за наши законы приемлем».

Впервые после Прутского похода россияне пришли в соприкосновение с «турецкими христианами» и убедились, что имеют в их лице опору. Миних высказал Анне Иоанновне свои соображения: «Понеже здешняя молдавская земля преизрядная и не хуже Лифляндии, и люди всей земли, видя свое освобождение от варварских рук, приняли высочайшую протекцию со слезами, и поэтому весьма потребно ту землю удержать...»⁷⁵. Осуществить высказанные в петиции пожелания оказалось за пределами возможностей царской власти. В армию пришло, по словам Миниха, «нечаянное и печальное известие» о заключении австрийцами с Высокой Портой «мира стыдного и весьма предосудительного». Посланник Л. Ланчинский не смог воспротивиться «мирной негоциации» и в своих депешах изъяснялся отнюдь не дипломатическим языком: «Вскрылось зло гнило, неслыханно и таково, что добрая союзническая верность и здешнего двора честь повреждена и репутация оружия ногами попрана»⁷⁶.

⁷² Соловьев С. М. Указ. соч. С. 428; Whitman S. Austria. L., 1898. P. 295. History of the War in Bosnia in the Years 1737–1739. L., 1830. P. 19

⁷³ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 443

⁷⁴ Виноградов В. Н., Семенова Л. Е. Некоторые вопросы отношений между Россией и Дунайскими княжествами в XVIII и начале XIX века // Балканские народы и европейские правительства. М., 1982. С. 21–22

⁷⁵ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 454

⁷⁶ Там же. С. 450

Австро-турецкая сделка завершилась подписанием мира, по которому Вена рассталась со своими владениями в Сербии и Валахии.

Дезертирство союзника с поля боя и нависавшая угроза войны со Швецией побудили Петербург спешить с замирением. По причинам, которые умом не понять и аршином здравого смысла не измерить, посредником в переговорах избрали французского посла в Стамбуле Л. Вильнева, который свел итоги долгой, трудной и под конец победоносной войны почти что к нулю. Россия вернула себе Азов, но без права укреплять его; земля к югу от крепости, гласил Белградский трактат (сентябрь 1739 года), «имеет остаться пустая и между двумя империями бариерою служить будет». Особо оговаривалось, «чтобы Российская держава ни на Азовском, ни на Черном море никакой корабельный флот ниже иных кораблей иметь и построить не могла»⁷⁷. Россия застряла у азовского мелководья, не имея права спустить на воду даже шлюпку.

Минусы четырех изнурительных кампаний сбрасывать со счетов нельзя. Воинских лавров ни Миних, ни Ласси себе не завоевали, Крымский полуостров не сумели удержать, крепости Очаков и Кинбурн оставили. Подписанный мир Миних назвал срамным; по меланхоличному замечанию СМ. Соловьева, Россия заплатила жизнью 100 тысяч солдат за срытие азовских укреплений⁷⁸. Выполнение задач, стоявших перед страной, – добиться прекращения набегов крымской конницы, обеспечить выход к Черному морю и свободу судоходства по нему – было отложено в долгий ящик. Зато Вильнев с успехом похлопотал о французских интересах: по ферману 1740 года султан поручил заботу о христианских святынях в Палестине французскому духовенству. Вильневу за его «услуги» предложили вексель на 15 тысяч ефимков (иоакхимсталеров). Видимо, какие-то остатки совести у него сохранились, от денег он отказался, а его «сожительница посольства» приняла в дар перстень с бриллиантами.

Оставалось сделать хорошую мину при плохой игре. 14 февраля 1740 года состоялись торжества по случаю заключения мира. Императрица в богатой робе, в короне, украшенной драгоценными камнями, в сопровождении «его великокняжеской светлости герцога Курляндского» (фаворита Э. И. Бирона) прошествовала в храм. Войсками на плацу командовал брат ее любимца генерал Г. Бирон. От лица дворянства выступали Л. Левевольд и фон Либрас. Поскольку церемония происходила все же на русском языке, речи произнесли князь А. М. Черкасский и А. П. Волынский, преосвященный Амвросий Вологодский выступил с проповедью.

Э.И. Бирон в каком-то смысле фигура загадочная. России он не знал, языка ее не потрудился изучить. Обычно человек, попадавший «в случай», взмывал вверх по лестнице чинов и званий. У Бирона все не так. Он стал графом, но Священной Римской империи германской нации. В 1737 году хлопотами Анны Иоанновны стал герцогом Курляндским. Он имел придворное звание обер-камергера, но на российской государственной службе вообще не состоял, ни одним поместьем, ни одним дворцом в России не обзавелся. Немалые средства от милостей царицы он вкладывал за рубежом. И случайный прохожий в российской истории стал временщиком. Анна Иоанновна считала Россию чем-то вроде громадного имения, в котором приказчиков можно назначать по своему хотению. Уже лежа на предсмертном одре, она определила – быть Бирону регентом. Рыдавшему у ее постели любимцу она молвила: «Не бойсь».

Падение нравов было столь глубоким, что указ о регентстве сочинил выдающийся дипломат Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. 17 октября 1740 года царица скончалась.

Ситуация сложилась глубоко драматическая и в то же время фарсовая. Трон заняли потомки хилого телом и умом царя Ивана Алексеевича. Императором провозгласили Иоанна

⁷⁷ Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. С. 31, 34

⁷⁸ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 649

Антоновича Брауншвейгского, внучатого племянника великого Петра. У трона копошился разноплеменный муравейник слетевшихся в Россию любителей наживы. Обойденной оказалась родная дочь преобразователя, цветущего возраста и редкой красоты царевна Елизавета, при том что прецедент женского царствования уже состоялся. Положение представлялось одиозным даже многим иностранцам, достойно служившим стране, которая стала для них новой родиной. Долго так продолжаться не могло.

Э.И. Бирон сознавал, сколь шатко его положение, и начал с милостей: издал указы о строгом соблюдении законов, о суде правом, беспристрастном и бескорыстном, о снижении подушного налога на 17 копеек в год, освободил от наказания людей, не совершивших тяжких преступлений, проявил заботу о солдатах – часовым велел выдавать полушубки, дабы не мерзли они в трескучие морозы. Всем на удивление регент выступил против роскоши, велел шить кафтаны из сукна не дороже 4 рублей за аршин. Никто не оценил эти жесты, у всех на уме было – что же, иноземец и иноверец будет управлять страной 17 лет, впредь до совершеннолетия Иоанна? Гвардия роптала. Особо невоздержанных на язык хватали и били кнутом в застенках Тайной канцелярии. Но ведь всех не накажешь. Анна Леопольдовна и Антон-Ульрих Брауншвейг-Бревернский застыли в ненависти – их отстранили от власти.

8 ноября 1740 года Б. Х. Миних провел вечер у регента, а потом занялся «чрезвычайным ночным предприятием». Он вернулся во дворец в сопровождении 80 солдат и офицеров. Герцога с супругой они схватили в спальне. Очнувшись ото сна, Э.И. Бирон попытался заползти под кровать, но его вытащили из убежища, засунули ему в рот кляп и закатали в ковер. Утром чету переправили в Шлиссельбургскую крепость, а победители принялись делить места у трона. Ненасытный честолюбец Миних (фельдмаршал, подполковник Преображенского полка, директор Шляхетского корпуса, управляющий Ладожским каналом и прочая) хотел заделаться генералиссимусом. С мечтой пришлось расстаться, на то же звание претендовал герцог Антон-Ульрих. 20 ноября вышел «указ» младенца Иоанна: «Любезнейшему нашему государю родителю быть генералиссимусом...»⁷⁹. Все это походило на дурной сон. Анна Леопольдовна, провозглашенная правительницей, неряха и лентяйка, проводила целые дни в обществе фрейлины Юлии Менгден. Антон-Ульрих и А. И. Остерман интриговали против Миниха, тот, убежденный в своей незаменимости, подал заявление об отставке, явно в надежде утвердиться у власти. Но... последовал «указ» годовалого Иоанна: прошение «генерал-фельдмаршала графа фон Миниха удовлетворить за старостью и по причине одолевающих его болезней». Казалось бы, непотопляемый Остерман вновь всплыл на поверхность, но это только казалось. Взоры обращались к великой княжне Елизавете, которая жила в атмосфере унижения, тревоги и надежды. «Сестрица-государыня» Анна Иоанновна следила за каждым ее шагом, под видом смотрителя за домом к ней подселили шпиона. Наружно она держалась покорно, письма императрице подписывала «вашего и.в. покорная раба Елисавет». Исчезла шаловливая и ветреная юная красавица. При «брауншвейгцах» Миних представил к ней соглядатая в «безызвестный караул»⁸⁰. На официальных церемониях Елизавета появлялась величественной, прекрасной, печальной, контрастируя с мужиковатой Анной Иоанновной, привлекая умы и сердца.

Самолюбие царевны задевалось постоянно. Ей определили содержание, хотя и немалое, 50 тысяч рублей в год, но несоизмеримое с тем, что предоставлялось родителям императора (по 200 тысяч). Елизаветин двор привык жить разгульно, одного вина выпивалось сотни ведер в месяц. Из долгов она не вылезала и запросила 32 тысячи на их покрытие, ей не поверили, произвели дознание, долгу набралось на 43 тысячи⁸¹.

⁷⁹ Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 11. М., 1993. С. 24, 28–29

⁸⁰ Там же. С. 10

⁸¹ Там же. С. 105

Но главное, что над ней тяготело – постоянный страх за будущее, попранная гордость и вера в то, что ей, дочери великого Петра, а не выходцам из немецкого захолустья надлежит занимать престол. Елизавете охотно и не без задней мысли общалась с гвардейцами, слыла своей в их казармах, выступала крестной матерью солдатских детей. Злые языки утверждали, что она устраивает ассамблеи для преобразенцев.

А тут появился доброжелатель в лице французского посла И. Ж. Шетарди. Потерпев фиаско в попытках посадить своего ставленника на польский трон, Париж перешел к поискам ненасильственных способов воздействия на Россию. В инструкциях послу указывалось: Елизавета – единственное лицо, с помощью которого можно свергнуть «немецкое правительство» и в дальнейшем оттеснить Россию на Восток. Шетарди появился в Петербурге в сопровождении 12 секретарей, 50 слуг и обоза с шампанским, приучив к нему царский двор, ранее употреблявший венгерское вино. Елизавета намекнула ему – не худо было бы получить 100 тысяч рублей для раздачи нужным людям⁸². Дипломат не ответил отказом, хотя и не спешил развязывать кошелек. В конфиденцию вступил шведский посланник Э. М. Нолькен, обещавший нечто большее, чем деньги, – содействие своей армии в воцарении Елизаветы. Момент был выбран удачно: слабое, презираемое правительство, раздоры в верхах, ропот в гвардии, взоры устремлены к царевне. Елизавета благосклонно внимала речам дипломатов, но, когда они предъявили счет, она перепугалась: у нее просили оплатить услуги шведской армии российской территорией. Притязания Елизаветы на престол были восприняты как счастливый шанс на то, чтобы лишить Россию петровских завоеваний в Прибалтике в ходе войны, длившейся двадцать лет. Шетарди и Нолькен настаивали на получении письменного обязательства великой княжны. По словам американского исследователя Р. Н. Бейна, дипломаты хотели «вновь погрузить Россию в первобытное варварство». Они натолкнулись на сопротивление, принцесса соглашалась на значительные финансовые уступки, на предоставление Швеции ежегодной субсидии, на выгодный для Стокгольма торговый договор, но разрушать дело отца не желала. Раздосадованные шведы развязали войну с Россией (июль-август 1741 года) под предлогом, который Бейн называл «в высшей степени фривольным», хотя точнее считать его фарисейским: в числе ее целей шведы объявили стремление «избавить достославную российскую нацию... от тяжелого иноземного притеснения и бесчеловечной тирании»⁸³, как будто иностранцы сгинули бы в случае утраты Россией Прибалтики.

Правительство решило отправить против шведов гвардию и убить сразу двух зайцев – дать отпор врагу и удалить из столицы недовольную воинскую силу. Избалованные гвардейские офицеры роптали и торопили Елизавету – как бы не упустить случай. А та спешно и с трудом собирала деньги, Шетарди выдал ей всего 2 тысячи червонных. Царевна робела, она была популярна в солдатской среде, но, по словам С. М. Соловьева, не имела под рукой таких бесшабашных и отчаянно храбрых сторонников, как позднее Екатерина II в лице братьев Орловых.

23 ноября у Елизаветы состоялся неприятный разговор с правительницей по поводу ее сношений с Шетарди. Дальше медлить становилось опасно. В ночь с 25 на 26 ноября царевна, помолившись, обшарив шкатулки, в которых наскребла 300 червонных, надела поверх платья кирасу, взяла с собой крест и отправилась к преобразенцам.

Предупрежденная заранее гренадерская рота полка встретила ее в полной готовности. На призыв помочь ей одолеть супостатов солдаты ответили со всей бодростью: «Мы готовы их всех перебить!», Елизавета просила их не особо усердствовать и не омрачать дело кровью. Единственному дежурному офицеру, разбуженному шумом, предложили продолжать отдых. Из трехсот grenадер меньше пятой части принадлежали к дворянам, все прочие – просто-

⁸² Валишевский К. Дочь Петра Великого. М., 1990. С. 301; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 101, 407

⁸³ Там же. С. 110; Bain R.N. Op. cit. P. 45, 38; Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. С. 175

людины. По пути, на Невском проспекте, арестовали Миниха, Остермана и еще несколько близких правительнице людей. Недалеко от дворца Елизавета вышла из саней, но запуталась в юбках и завязла в глубоком снегу. Молодцы-гренадеры подхватили ее на руки и внесли во дворец. Охрана немедленно перешла на их сторону. Анну Леопольдовну застали в постели вместе с фрейлиной Юлией Менгден. Все семейство взяли под стражу⁸⁴.

Ни одного выстрела, ни одной жертвы – и свергнут режим. На самом деле переворот имел глубокий смысл: устранялась чуждая стране и глубоко равнодушная к ее нуждам Брауншвейгская династия, престол заняла женщина, с которой россияне связывали большие надежды. Отсюда – поддержка Елизаветы со стороны всех слоев общества.

От мести царица не удержалась. Расправа с Остерманом, Минихом и другими, не сумевшими оценить ее шансы на престол, последовала скорая и свирепая. Их приговорили к смерти и 18 января 1742 г. повели на казнь. Остерман идти не мог, его погрузили на телегу, запряженную клячей. Старика подняли на эшафот на руках, сорвали с него парик и лисью шубейку, положили его голову на плаху. Палач полез за топором, хранившимся по обычаю в мешке, сшитом из медвежьей шкуры. У эшафота стояла кучка измученных допросами «заговорщиков» (пыткам их не подвергали). И тут появился вестник и зачитал указ императрицы о замене казни пожизненной ссылкой. Все поплелись в темницу. Выделялся один фельдмаршал Б. Х. Миних: в парадной шинели, при орденах, гладко выбритый и надушенный, он вынул из кармана кошелек и раздал конвоирам золотые⁸⁵. Гренадер Елизавета наградила по-царски, все они получили потомственное дворянство, деревни с крепостными и взлет в чинах: капитан-поручика приравнивали по званию к полному генералу, прапорщиков – к полковникам, капралов – к капитанам.

На фронте в Финляндии творились чудеса. Шведы, при Карле XII слывшие лучшими солдатами в Европе, проигрывали одну битву за другой. Сдалась крепость Вильманstrand, в плену оказался командир корпуса генерал Врангель, в 1742 году та же участь постигла Фридрихсгам и Гельсингфорс. Русские вышли к берегам Ботнического залива.

Король Франции Людовик XV и посредственности, его окружавшие, «не понимали, как велики перемены, происшедшие в России, не сознавали, что она превратилась в великую державу». Такой же промах был допущен в оценке личности Елизаветы. Шведы в своих реваншистских замыслах пустились на последнюю уловку. Риксдаг выразил желание избрать крон-принцем Карла-Петера-Ульриха Гольштинского, внука Петра I. По прихоти судьбы это хилое создание приходилось внучатым племянником Карлу XII. Императрица отказалась выпустить племянника, уже привезенного в Петербург и нареченного великим князем Петром Федоровичем. По миру, заключенному в Або 19 (30) августа 1743 года, Швеция уступила города Фридрихсгам, Вильманstrand и Нейшлот с окрестностями.

Российско-шведское столкновение происходило на фоне общеевропейского пожара, войны за австрийское наследство, вызванной стремительным возвышением Пруссии. Ее молодой король Фридрих II отказался признавать принцип нераздельности владений Габсбургского дома (Прагматическую санкцию) и предложил продать ему за 2 миллиона талеров богатую и плодородную Силезию.

Такого нахальства Европа не ждала. Пруссия – небольшое государство с разбросанными по всей Германии владениями и населением всего в 2,4 миллиона человек. Королевством долго управлял скопидом, скряга и солдафон Фридрих Вильгельм I, прозванный «коронованным фельдфебелем». Со своим старшим сыном он не ладил – принц увлекся идеями Просвещения. Вместо того чтобы проводить вечера в обществе буршей за кружкой пива в клубах табачного дыма, он снимал ботфорты, обряжался в роскошный французский

⁸⁴ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 120–123

⁸⁵ Bain R.N. Op. cit. P. 110

халат, читал философов и играл на флейте. Отец как-то упустил из виду, что юный Фридрих исправно и вполне в прусском духе муштровал вверенный его командованию пехотный полк. Фридрих Вильгельм оставил наследнику набитую казну и 80-тысячное войско. Дворам стали известны его предсмертные жалобы: ветреник все растратит, все пустит по миру. На самом деле на престол в Берлине вступил будущий великий полководец.

В Вене в ответ на притязания Фридриха фыркнули. По старой традиции курфюрст Бранденбургский занимал пост обер-камергера императорского двора, молодому человеку следовало бы подносить кайзеру рукомойник, а не претензии выдвигать. Получив отказ со стороны юной Марии Терезии, Фридрих пустил в ход силу. 16 декабря 1740 года 30-тысячная прусская армия вторглась в Силезию и, действуя словно на плацу, – одна шеренга палила и отбегала назад заряжать ружья, другая палила – стала одерживать одну победу за другой. К весне следующего года вся провинция оказалась в прусских руках.

Успех Фридриха взбаламутил всю Германию, многие нацелились на австрийское наследство, не остался в стороне и король Франции Людовик XV, мечтавший продвинуть свои границы до Рейна. Развязанная Фридрихом война превратилась в европейскую и продолжалась восемь лет. Не нам и не здесь повествовать о всех ее перипетиях, но несколько слов для уяснения позиции России сказать все же нужно.

Не один Фридрих посягал на обширные владения Габсбургов. Франция домогалась Австрийских Нидерландов (Бельгии), Испания – земель в Италии, Саксония, Бавария, Пфальц, Гессен-Кассель выдвигали свои претензии. Образовалась мощная антиавстрийская коалиция, в которую, помимо вышеупомянутых, вошли еще Неаполитанское королевство, Пьемонт и Модена. К Австрии примкнули Голландия, а также Англия – главный антагонист Франции в международных делах, – уже воевавшая с ней в Индии, Америке и на морях. Следует учитывать, что британские короли являлись тогда и курфюрстами Ганноверскими, и было ясно, что самостоятельно Ганновер от галлов не отобьется. Позднее группировка пополнилась Саксонией и Пьемонтом, покинувшими враждебную Австрии коалицию.

Военные действия шли с переменным успехом, Марии Терезии пришлось в драматической обстановке утверждать свою власть в разных землях. В отчаянной ситуации она отправилась на коронацию в Венгрию. Кортёж судов плыл по Дунаю, она и свита – в одеяниях мадьярских национальных цветов, красном, белом, зеленом. На пристани в Пожоне (Пресбурге, ныне Братиславе) ее ожидала пышная встреча. 24-летняя женщина в расцвете молодости, красоты и материнства, с шестимесячным младенцем Иосифом на руках внушала симпатию. Раздавались возгласы: «Эльзен, Мария Терезия!» Коронация состоялась 25 июня 1741 года в соборе Св. Мартина, в окружении высшего духовенства и раззолоченной знати. Марию Терезию провозгласили королем (!) Венгрии в соответствии с законами страны, ибо сан королевы, как правительницы, в них отсутствовал. Она произнесла присягу на латыни, тогда официальном языке государства.

Но главное произошло позже, 11 сентября, на заседании всех сословий. Мария Терезия, вся в черном, прошла между рядами, воссела на трон и обратилась к присутствовавшим со страстной речью. «Покинутая всеми», она воззвала к испытанной верности и отваге мадьяр: в смертельной опасности «само существование ее земель, ее детей, ее короны». Слушатели взволнованы. Дворяне, все в украшенных позументами доломанах и ментиках, вскакивали с мест, стучали саблями об пол с криком: «Отдадим жизнь и кровь свою за короля (!) Марию Терезию!»

Государственное собрание преподнесло ей 100 тысяч гульденов в качестве коронационного дара, постановило сформировать 13 пехотных полков численностью в 30 тысяч штыков, дворяне создали гвардейский конный полк, хорваты и славонцы послали в битву свои

традиционные воинские формирования⁸⁶. Мария Терезия никогда не забывала оказанной ей в тяжкий час услуги и жила в мире и согласии с гордым и строптивым мадьярским дворянством.

Петербург долго оставался в стороне от развернувшихся в Центральной Европе событий. Взлета могущества еще недавно скромного соседа здесь не ожидали; того что поклонник идей Просвещения и французского образа жизни предстанет талантливым и жестоким полководцем, не предвидели. Сумятица со сменой династии и война со Швецией не способствовали активизации внешней политики. Нельзя пренебрегать и рационализмом в подходе к событиям. В отличие от участников дележа австрийского наследства Россия ни на что в нем не претендовала; прусский хищник если прежде и разбойничал, то наравне со всеми в немецком княжеском заповеднике. Пролить кровь во имя габсбургских интересов не хотелось. Нельзя пренебрегать и личными чувствами Елизаветы. На свою беду венский кабинет ориентировался в России на родственную брауншвейгскую фамилию, принц Антон Ульрих приходился Марии Терезии племянником. Правительнице Анне Леопольдовне намекнули на то, что Елизавету было бы не худо запрятать в монастырь, объявив ее незаконнорожденной (она действительно появилась на свет до вступления Петра и Екатерины в церковный брак). Императрица провела также, что Вена прислала 300 тысяч талеров на подкуп ее министров.

А. П. Бестужев, ведавший иностранными делами, считал Фридриха человеком «захватнического и возмутительного характера и нрава»⁸⁷. Но «размышления» Бестужева о желательности поддержать Габсбургов натолкнулись на холодный отказ Елизаветы. Спohватившаяся Мария Терезия поспешила прислать царице поздравление со вступлением на престол. Поздно. Бросаться в объятия тех, кто рекомендовал повязать ее черным монашеским платом, та не собиралась. Должно было пройти время для принятия взвешенного решения.

Позиция наблюдателя имела свои преимущества. Елизавету обхаживали обе стороны. Обнаружилось, что Россия уберегла и даже укрепила завоеванные Петром позиции в Европе, от нее зависело сохранение или изменение баланса сил на континенте, ее присоединение к любой группировке обеспечивало той победу. Вот констатация Ф. Д. Лаштенан: «В 1742 году судьбы европейской дипломатии решались в Петербурге. Не принимая непосредственного участия в войне, Россия тем не менее в любой момент могла поддержать одну из сторон». И далее: «Получалось, что исход этого конфликта... зависит от Петербурга»⁸⁸.

В 1743 году был раскрыт «заговор» против царицы в среде знати (дело Лопухиных). Так истолковывали сочувственные в отношении Анны Леопольдовны речи. «Кроткая Елисавет» не ведала ни жалости, ни снисхождения при малейшем намеке на оппозицию. «Заговорщиков», мужчин и женщин, подвешивали на дыбу, истязали кнутом. Красавицу Наталью Лопухину, соперничавшую с Елизаветой на балах, изуродовали. Правда, жестокий приговор (четвертовать, колесовать) царица смягчила, ограничившись вырыванием языка и ссылкой. К делу оказался причастен австрийский посол маркиз А. Бота д'Адорно. Его выслали из Петербурга за то, что он «возмущения изыскивал и людей злонамеренных поощрял в их предприятиях». От Марии Терезы настойчиво требовали, чтобы она наказала Боту за «богомерзкие речи». Та отчаянно нуждалась в русской поддержке, посланник Л. Ланчинский докладывал: «Без всяких околичностей говорят, что если в.и.в. здешнему двору помощи не подадите, то этот двор вместе с саксонским придет от Пруссии в крайнее разорение и оба

⁸⁶ Valloton H. Die Kaiserin Maria Theresia. Hamburg, 1968. S. 48–54; Tapie V. S. Monarchie et les peuples du Danube. P., 1969. P. 264

⁸⁷ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 81, 190; Тверитинова А.С. К истории русско-турецких отношений в елизаветинское время // Советское востоковедение. М.; Л., 1949. Вып. 6. С. 313; Mihneva R. La Russie et l'Empire Ottoman dans la politique europeens, 1741–1743 // Etudes balkaniques. 1982. № 3. P. 99–100

⁸⁸ Соловьев С. Указ. соч. С. 104; Mihneva R. Op. cit. P. 107; Лаштенан Ф. Д. Россия входит в Европу. М., 2000. С. 36, 44

будут раздавлены». Маркиза посадили под домашний арест, потом отравили в крепость Грац. Венгеро-богемская королева объясняла своей сестре Елизавете, что не может так просто упечь Боту на всю жизнь в темницу: «Она связана законами тех земель, которыми владеет», а следовательно, не может поступать так, как другие самодержцы». Все же Мария Терезия обещала, «из высокого почитания е.и.в.», держать несчастного Боту под замком столько, сколько царица пожелает, или, как изящно выражалась королева, она предоставила определять время заключения «прославленной в свете милости» Елизаветы. Та сменила гнев на милость и предала дело Боты «совершеннейшему забвению»⁸⁹. Путь к договоренности был открыт.

Правда, прусский король внешне проявлял к Елизавете лояльность и предупредительность, и придаться было не к чему. Откликаясь на затаенные опасения императрицы, он отговорил ее от первоначального намерения отпустить брауншвейгскую чету в Германию, их отправили в ссылку. Не без его участия выбор невесты для великого князя Петра Федоровича пал на принцессу Ангальт-Цербстскую Софию Августу Фредерику, будущую Екатерину II. В Петербург 14-летнюю девочку сопровождала мать, княгиня Иоганна Елизавета, на которую Фридрих возложил осведомительные функции с тем, чтобы они позднее перешли к дочери. Он не подозревал тогда, что станет в глазах Екатерины «иродом» и противником. А пока что молодой Фриц не волновался: «Я от России так безопасен, как младенец во чреве матери»⁹⁰. Он наставлял посланника А. Мардефельда: «Раздувайте огонь против врагов, куйте железо, пока горячо». И тот старался всюю, обвиняя австрийцев, англичан и датчан в стремлении низвергнуть Елизавету с трона. А король уже мысленно проводил чистку среди российских дипломатов, стремясь убрать враждебно к нему настроенных, в первую очередь А. П. Бестужева, и заменить его кем-нибудь попокладистее. Интрига не удалась.

Российский канцлер был опытным бойцом и широко прибегал к перлюстрации корреспонденции посольского корпуса. Сотрудник Академии наук, математик Хр. Гольдбах легко разгадывал тогдашние нехитрые цыфири (шифры), и перед императрицей выступали козни «дружественных дворов». И. Ж. Шетарди изобличили в нелестных отзывах о Елизавете, что она будто бы управляема. Француз писал и о ее амурных приключениях. Шетарди пришлось познакомиться со страшной Тайной канцелярией. Достаточно было появиться главному пыточному мастеру генералу А. Ушакову, чтобы «богомерзкий человек Шетардий» признался в том, что было и чего не было⁹¹. У него отобрали нежные елизаветины письма и портрет и под конвоем проводили до границы. А. Мардефельд покинул Петербург добровольно, не дожидаясь высылки. Принцессу Иоганну Елизавету Ангальт-Цербстскую выгонять с позором не пристало, поэтому ее снабдили на дорогу деньгами, а Петр Федорович даже послал в подарок тестю Христиану Августу бриллиантовые пуговицы на камзол и такие же пряжки на туфли.

Старший брат канцлера, посланник в Берлине М. П. Бестужев с 1743 года бил тревогу: «ежели сей заносчивый сосед (то есть Фридрих. – *Авт.*) немного усмирен не будет», его можно ожидать в Лифляндии. У Фридрихова деда войско насчитывало 20 тысяч человек, у его отца – 80 тысяч, у него самого – 140 тысяч, и двор его «играет договорами». Надо принять меры, соответствующие чести и достоинству императрицы⁹². Перелом в российской политике наступил в 1745 году, когда прусская армия, словно играя, разгромила саксонскую. Нависла угроза над позициями в Центральной Европе, дальше медлить было нельзя. Последовало заключение союзного договора с Австрией (22 мая 1746 г.). Стороны обязывались

⁸⁹ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 285–287; Лаштенан Ф. Д. Указ. соч. С. 115

⁹⁰ Valloton H. Op. cit. P. 96

⁹¹ Анисимов Е. В. Дыба и кнут. М., 1992. С. 116

⁹² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 21. М., 1963. С. 248–249

выставить по 30 тысяч войска, причем в тексте упоминалось, что акт вступит в силу и при нападении войск Высокой Порты на одну из держав: об основном стратегическом направлении внешней политики в Петербурге не забывали. (Характерно, что в 1753 году союз был подтвержден, причем в отношении Османской империи «навечно».)⁹³ Кабинеты Лондона и Гааги домогались помощи России как единственного средства, способного привести к замирению. Бестужеву удалось заключить субсидную конвенцию (1747 год), которая предусматривала выплату России солидной денежной компенсации (300 тысяч фунтов стерлингов в год). Бросить вызов коалиции Фридрих не решился. Пруссия, писал он Мардефельду, «не имеет почти никаких средств», и пора менять львиную шкуру на лисью⁹⁴. Душу он отводил в стихах, написанных по-французски, в коих русские именовались «роем варваров» и «надменных убийц».

В январе 1748 года корпус в 30 тысяч штыков и сабель под командованием П. П. Ласси отправился в поход, но до низовьев Рейна и Мозеля, до Бельгии не добрался – одна угроза его появления заставила французов пойти на переговоры. За ними последовали пруссаки и все прочие. По Ахенскому договору (октябрь того же года) Габсбурги сохранили свои владения, кроме Силезии и некоторых земель в Италии. Франц Лотарингский, супруг Марии Терезии, был признан императором⁹⁵. Париж не получил ничего, галлы злобствовали и именовали Россию «наемной державой».

Ф. Д. Лаштенан справедливо полагает, что истинной целью «русского вторжения» являлось стремление за столбить за собой одну из ключевых ролей в Европе. Подобного же мнения придерживается Р. Михнева: «Появление экспедиционного корпуса России на немецкой земле сыграло решающую роль в утверждении дела Австрии, Англии и других союзников»⁹⁶. Монархи наперебой льстили Елизавете, и, главное, Фридрих II, Людовик XV, Мария Терезия и германский сейм признали ее императорский титул.

Не следует думать, что Османская империя осталась совсем в стороне от войны на далеком севере. Со Швецией ее связывал оборонительный союз (1740 год), резидент Э. Карлсон снабжал Высокую Порту информацией о мнимых победах шведов на поле боя. Французы хлопотали об учинении набега крымских татар, чтобы спровоцировать новое российско-турецкое столкновение. Об их интригах разузнал резидент А. А. Вешняков, который обзавелся в штате реис-эффенди неким «подьячим», снабжавшим его информацией о переписке со французским двором. Козни провалились, Высокая Порта сохранила нейтралитет. Она сделала парижскому МИДу замечание: нечего баламутить всю Европу с целью помешать России прийти на помощь Марии Терезии. И главное, полагал Вешняков, «туркам было не до Европы, они трепетали за Азию», ожидая с часу на час нашествия грозного шаха Надира. В фермане, появившемся в январе 1742 года, говорилось: «Порта не должна ни прямо, ни косвенно втягиваться в дела европейские, а... поддерживать мир с Россией и Австрией»⁹⁷.

Летом того же года Надир-шах развязал войну, и Вешняков сигнализировал из Стамбула: хаос наступил неопишувемый, казна пуста, дефицит достиг 50 тыс. кошельков, или 25 миллионов курушей, пограничные провинции опустошены, «султан не намерен нарушать мир с соседями и разорять страну ради капризов безбожников»⁹⁸.

⁹³ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. II. М., 1999. С. 400

⁹⁴ Лаштенан Ф. Д. Указ. соч. С. 78

⁹⁵ История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 92

⁹⁶ Mihneva R. Op. cit.

⁹⁷ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. II. М., 1993. С. 81, 90

⁹⁸ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 104; Mihneva R. Op. cit. P. 99–106

Ахенский договор не удовлетворил никого, кроме Фридриха II, и не привел к длительному миру. Французы, провоевав 8 лет, не приобрели ничего и с трудом удержали колонию Квебек в Северной Америке. Мария Терезия не желала мириться с утратами: «Без Силезии австрийская корона мало чего стоит», – молвила она⁹⁹. Разработкой нового внешнеполитического курса монархии занялся молодой чешский аристократ, стремительно взбиравшийся по иерархической лестнице, – посланник в Риме, Турине, посол в Лондоне и Париже, обергофмейстер и, наконец, канцлер граф Венцеслав Антон Кауниц. В 1749 году он представил двору объемистый, на 126 страниц доклад-меморандум. Цель Австрии – возвращение Силезии и низведение Фридриха II на полагающееся ему место. Следует готовить силы для предстоящей борьбы¹⁰⁰.

Фридрих собирался поднять перчатку. Он считал Силезию скромным прологом к будущим завоеваниям и свидетельствовал в своем первом политическом завещании (1742 год): если дом Гогенцоллернов породит великих принцев, если дисциплина в армии будет подерживаться в нынешнем состоянии, необходимо соблюдать строгую экономию в мирное время, с тем чтобы нести расходы во время войны, и тогда «Пруссия возрастет и возвысится и станет со временем одной из могущественных держав Европы». Далее – многозначительное предупреждение: «Надо притворяться и скрывать свои мысли, извлекать пользу из событий, терпеливо ждать наступления благоприятных обстоятельств, когда же они наступят – действовать со всей энергией». В качестве объектов экспансии намечались Байрейт, Саксония, занятая шведами часть Померании и польские земли на побережье Балтики¹⁰¹.

Россия в списке не значилась – пока что не по зубам. Напротив, Фридрих жаждал сотрудничать с ней в польских делах, перед нею надлежало выступать в образе лиса. Но само появление быстро крепнувшего государства, являвшегося придатком к армии, на содержание которой уходило 80 % средств бюджета, означало появление угрозы всей системе международных отношений. Отпор прусским притязаниям, полагал Кауниц, должен объединить всю Европу. Решение споров с Францией надо отложить. Но сближение с Парижем следует осуществлять осторожно, чтобы не перепугать его вечного антагониста, Сент-Джеймский кабинет. Российская политика тоже подвержена личным и переменчивым импульсам. И с этим союзником надо держаться в высшей степени тактично.

Когда граф Венцеслав закончил свой доклад, Мария Терезия протянула ему руку для поцелуя. Присутствовавшие сочли этот жест знаком одобрения.

Кауниц зря сомневался в твердости российской позиции. Елизавета умела извлекать уроки из прошлого, канцлер А. П. Бестужев не зря слыл убежденным сторонником сотрудничества с Габсбургами. Следовать поговорке «пока гром не грянет, мужик не перекрестится», терпеливо ждать возрастания угрозы со стороны Пруссии в Петербурге не собирались. Конференция при высочайшем дворе полагала: необходимо «короля Прусского до приобретения новой знатности не допускать, но паче силы его в умеренные пределы привести и, одним словом, уже неопасным для здешней империи сделать»¹⁰².

* * *

Взорвали хрупкий баланс сил в Европе англичане, заключив в январе 1756 года с Пруссией так называемую Вестминстерскую конвенцию. На поверхностный взгляд документ

⁹⁹ Valloton H. Op. cit. S. 94

¹⁰⁰ Ibid. P. 96

¹⁰¹ Friedrich der grosse. Politischen Testamente. B., 1922. S. 201; Asprey R. Frederick the great. The Magnificent Enigma. N. Y., 1986. P. 408–409

¹⁰² История Балкан... С. 97

представлялся невинным и миролюбивым: стороны заверяли друг друга в стремлении избавить континент от бедствий, связанных с войной, и с этой целью обязывались объединить свои усилия в случае нападения кого-либо на Германию. Иначе истолковали конвенцию в Париже, где она встретила взрыв возмущения. Уже вовсю шла англо-французская война в Северной Америке, британцы собирались прибрать к рукам Канаду, на морях господствовал флот его величества, острова Альбиона были недоступны для армии, на знамени которой красовались королевские лилии. Но на сухопутье у Сент-Джеймского кабинета существовало уязвимое место. Король Георг II одновременно являлся курфюрстом Ганноверским. О сохранности немецких владений монарха следовало заботиться и подумать о защите Ганновера, который сам по себе представлял для французов легкую добычу. По сути дела, Вестминстерской конвенцией Георг нанимал своего племянника Фридриха II, сына своей сестры Софии Доротеи, охранять курфюршество, и, разумеется, не даром, а за солидную субсидию.

Придя в себя от шока, французы бросились в Вену. Два вековечных соперника, Бурбоны и Габсбурги, 1 мая 1756 г. заключили оборонительный союз с явно антипруссским оттенком. И действительно, нападение со стороны Фридриха не заставило себя ждать. 29 августа он обрушился на Саксонию и развязал тем самым войну, переросшую в Семилетнюю. Встревоженная Россия присоединилась к антипруссской коалиции (договор с Австрией от 31 декабря 1756 – 11 января 1757 года). Во всякой коалиции неизбежны противоречия между ее участниками, и успех альянса зависит от умения их преодолевать. Три двора объединяло одно – стремление обуздать выскочку, а разъединяло их многое. Зимний дворец стремился обеспечить своим войскам самостоятельный операционный театр в Восточной Пруссии и Померании. Первая намечалась в качестве трофея, но не для обладания ею, – замышлялась сложная операция: Восточную Пруссию передать Польше, а «во взаимство» приобрести Курляндию (Южную Латвию) и укрепить тем самым свои позиции в Прибалтике. Австрийцы хотели вернуть Силезию и присоединить графство Глац. Возрастающее могущество России Вену не устраивало, и с ее стороны последовала попытка использовать ее 90-тысячную армию в своих интересах. Предложенный гофкригсратом план был отвергнут как «фальшивый, что и в действо произвести нельзя».

Франция вообще вплоть до дня войны считалась основным российским оппонентом на континенте. Теперь вражда не прекратилась, но из открытой превратилась в тайную. Людовик XV злобствовал: «Целью моей политики в отношении России является устранение ее, насколько возможно, от дел в Европе. Все, что может ввергнуть этот народ в мрак невежества, служит моим целям». Или, в другом варианте: «Россией следует воспользоваться, чтобы доставить Франции почетный мир»¹⁰³.

Каждый участник антипруссской коалиции тянул воз в свою сторону. Шведы вообще держались особняком. В российско-австрийской конвенции от 1 мая 1760 года важнейший пункт – о вхождении Восточной Пруссии в Россию – фигурировал не в основных статьях, а в секретной декларации, о которой Людовику не сообщили из опасения, что он сбежит из союза. Галльское высокомерие его ослепляло, он воображал, что русская кровь будет литься во имя французских интересов. Многотысячная армия Елизаветы в Париже упорно именовалась вспомогательной силой.

В Семилетней войне Фридрих укрепил свою репутацию великого полководца, хотя победы его войск чередовались с неудачами и прямыми поражениями. Ему удалось заручиться поддержкой лишь Ганновера, Гессен-Касселя и Брауншвейг-Вольфенбюттеля. В кампанию 1756 года он без труда одолел слабую саксонскую армию, в мае следующего года разбил австрийцев в Пражском сражении, но уже в июне те взяли реванш в битве при Келине.

¹⁰³ В. В. Россия и Франция в первой половине XVIII века // Русская старина. 1898. № 1. С. 130, 150; Грюнвальд К. Франко-русские союзы. М., 1968. С. 58, 192; Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. М., 1999. С. 332

Крайне неудачно действовали французы. Правда, они одолели слабую армию Ганновера, но потерпели полный разгром при Росбахе. В 1758 году Фридрих действовал успешно, но в следующем начале сказываться истощение его сил – он потерпел сокрушительный разгром от россиян. В 1760 году они вместе с австрийцами временно заняли Берлин. 1761 год Фридрих встретил, имея под ружьем всего 100 тысяч человек, в основном иностранных наемников, против 240 тысяч у противной стороны.

Особо – о военных операциях российской армии. В мае 1757 года она четырьмя колоннами вступила в Восточную Пруссию. Двигалась медленно, будучи обременена несуразным обозом, одна обслуга главнокомандующего насчитывала 120 человек, его багаж размещался на 240 телегах. С.В. Апраксин захватил с собой серебряный сервиз, но не позаботился известить картой театра военных действий. Инструкцию ему сочинил А. П. Бестужев, сроду не нюхавший порошу.

30 августа противники сошлись на поле близ Гросс Егерсдорфа. Сражение продолжалось десять часов, в решающий момент молодой генерал П.А. Румянцев, командовавший второй линией, ударил во фланг атакующей прусской пехоты, и та отступила. Апраксин известил императрицу о победе, а дальше начались чудеса: армия оставила Восточную Пруссию, побросав пушки. Главнокомандующий ссылаясь на невозможность зимовать в опустошенной стране¹⁰⁴. На том его карьера и завершилась, окончания наряженного над ним следствия Апраксин не дождался и умер. Нерешительно действовали и его преемники – по причинам скорее не военным, а психологическим: «матушка Елизавета» тяжело болела, не дай бог, придет смерть, и тогда на престол вступает добрый немец Карл Петер Ульрих Гольштейн-Готторпский, в православии Петр Федорович, не скрывавший своих симпатий к Фридриху. И робели сердца людей.

Кампания 1758 года началась рано и успешно. Жители Кенигсберга не стали ждать подхода к городу российских войск, а выслали навстречу им депутацию с прошением о «дозволении им протекции» императрицы. «Все здешние начальные и чиновные люди, – докладывал генерал В. В. Фермор, – встретили меня в замке и отделились с глубочайшей покорностью е.и.в.». При вступлении в город с распущенными знаменами, барабанным боем и музыкой раздавался колокольный звон, а мещане, построженные в парад, отдали честь с ружьем и музыкой, трубной и на литаврах. Фермор объявил им, что Елизавета Петровна «вступает во владение Пруссией, вы будете счастливы под ее кротким правлением, и я постараюсь сохранить ныне существующий порядок вещей»¹⁰⁵.

6 марта появился указ Елизаветы войскам: «строжайше воинскую дисциплину соблюдать, и никому ни малейших обид, утеснений и озлоблений не чинить, более того, соизволяем мы и среди войны пещись, насколько можно, о благосостоянии невинных худому своему жребию земель, и потому торговлю их и коммерцию не пресекать, но защищать и вспомоществовать». Тогда пребывание войск на вражеской территории можно было уподобить эпидемии чумы. Указ свидетельствовал, что Восточную Пруссию вражеской землей не считали. Дисциплинированные немцы подчинялись беспрекословно. В 1760 году к Елизавете прибыла делегация нотаблей – выразить признательность за милостивое управление. В обращении появилась монета с профилем царицы и надписью «Елизавета, королева Пруссии»¹⁰⁶. Фридрих не простил жителям лояльного отношения к российской власти и, после возвращения провинции в лоно своего королевства, ни разу не посетил провинцию.

¹⁰⁴ Семилетняя война. М., 1948. С. 191–201; Кони Ф. Фридрих Великий. Ростов-на-Дону, 1997 С. 305; Анисимов Е. В. Елизавета Петровна... С. 341–343

¹⁰⁵ Кони Ф. Указ. соч. С. 33.9-340

¹⁰⁶ Валишевский К. Указ. соч. С. 479–480; Семилетняя я война... С. 240–241

В августе 1758 года, когда Фермор осадил крепость Кюстрин в Померании, перед ним появился сам Фридрих. Произошла «резня насмерть» у Цорндорфа, которая не принесла решающего успеха ни одной из сторон, хотя русские оставили на поле боя половину своего состава.

Кампанию 1759 года Фридрих начал, имея, вместе с союзниками, 220 тысяч человек под ружьем против 350 тысяч у противников. Основная угроза ему исходила от армии фельдмаршала П. С. Салтыкова, двинувшейся в апреле к Одеру. Главнокомандующий осадил и взял приступом Франкфурт и создал реальную опасность захвата Берлина. Король прекратил операции против австрийцев и двинулся навстречу русским, а к тем присоединился вспомогательный корпус наиболее способного из генералов Марии Терезии Г. Э. Лаудона.

1 (12) августа у деревни Кунерсдорф на берегу Одера разыгралось самое кровавое сражение Семилетней войны. В 9 часов утра Фридрих начал атаку, потеснил первую линию русских, захватил пленных и пушки и поспешил отправить гонца в Берлин с вестью о победе. Но развить наметившийся успех не удалось, вызванная для преследования отступающей пехоты Салтыкова кавалерия задержалась, обходя пруды и болота. Страшного натиска вымуштрованных конников генерала Ф. В. Зейдлица, который выдерживал лишь опытный и отважный противник, удалось избежать. Зейдлиц начинал атаку строго по уставу, за 1800 шагов от неприятеля, подняв над головой дымящую трубку, кони двигались шагом, переходили на рысь, а затем срывались в бешеный галоп. Топот тысяч копыт, крики всадников, сверкающие палаши и сабли – все это наводило ужас на врага¹⁰⁷. Под Кунерсдорфом же конница Румянцева и Лаудона ударила во фланг замешкавшимся прусским гусарам и кирасирам, а шуваловские гаубицы, самые совершенные орудия того времени, перемалывали атакующую пехоту. Провалилась попытка Фридриха овладеть господствующей над местностью высотой Шпицберг, картечь сметала карабкавшихся на нее пруссаков рядами. «В начале шестого (вечера. – *Авт*), – докладывал Салтыков царице, – руководством Всевышнего и счастием в.и.в. гордый неприятель уступать стал и сильным с нашей стороны наступлением погнан и совершенно разбит»; кавалерия преследовала его 15 верст. Фридрих потерял 17 тысяч своих солдат и офицеров убитыми, 5 тысяч пленными, 26 знамен, 172 орудия и обоз с боеприпасами, русские – 13 тысяч, австрийцы – 2 тысячи своих людей¹⁰⁸.

На ночь король расположился в деревушке Риттвейн в лачуге, на охалке соломы. При свете свечи он дрожащей рукой набрасывал записку министру К. Финкенштейну: «Мой мундир – в дырах от пуль, подо мной убиты две лошади, мое несчастье в том, что я еще жив. От армии в 48 тысяч у меня не осталось и 3000. Сейчас все вокруг бегут, и я больше не господин своего народа... Я не выдержу этого жестокого испытания... Прощай навсегда»¹⁰⁹.

Придя в себя, Фридрих собрал 18 тысяч разбежавшихся солдат. Неприятель его не преследовал, Салтыков, пространствовал 6 недель в поисках места, где можно перезимовать, отошел в Польшу. Кампанию 1760 года король провел в обороне, опираясь на цепь крепостей и укрепленных лагерей, которые союзники не могли миновать, не подвергаясь риску удара в спину. Самая значительная операция года – занятие Берлина – объяснялась желанием выманить пруссаков из-за стен, рвов и палисадов в чистое поле, где и разгромить их. Первую часть замысла удалось осуществить, вторую – нет. Поход на Берлин проводил корпус З. Г. Чернышева и вспомогательный австрийский отряд Ф. Ласси (между прочим, сына русского фельдмаршала П. П. Ласси). После пятидневной осады комендант сдал город 28 сентября (9 октября). Бургомистр согласился выплатить 2 миллиона талеров контрибу-

¹⁰⁷ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. II. М., 1993. С. 81, 190; Тверитинова А. С. Русско-турецкие отношения в елизаветинское время // Советское востоковедение. М.; Л., 1949. Вып. 6. С. 324; Mihneva R. La Russie... P. 99–106

¹⁰⁸ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. II. С. 104; Mihneva R. La Russie... P. 107

¹⁰⁹ Valloton H. Op. cit. S. 94

ции, были разрушены пороховые, литейные и оружейные предприятия. Узнав о приближении крупных прусских сил, отряд покинул город, моральный эффект был достигнут: прославленный полководец Фридрих оказался не в состоянии защитить свою столицу, значит, дела его плохи. Австрийцев король все же одолел в битве при Торгау, но ценой таких потерь (17 тысяч человек), что запретил их оглашать. Зимой он предавался меланхолии: «Мы начинаем походить на странствующих комедиантов, у которых нет ни отчизны, ни родного очага. Мы кочуем по свету и разыгрываем наши кровавые трагедии там, где неприятель позволяет устроить наш театр»¹¹⁰. Но бедные артисты ничего, кроме удовольствия, не доставляли – король же повсюду сеял смерть.

Для кампании 1761 года Фридрих едва наскреб 100 тысяч человек, на 3/4 непруссаков, цвет командного состава лежал в земле сырой или ковылял на костылях. Спасали его разногласия среди противников. Российскую армию рвали на части: французы хотели, чтобы она взяла Штетин (Щецин), курфюрст Август просил освободить Саксонию, Мария Терезия настаивала на переброске русских сил в Силезию. Ее мнение возобладало. Но сменивший Салтыкова А. Б. Бутурлин утратил интерес к победам. «Матушка Елизавета» доживала последние месяцы, и тогда на престоле – Карл Петер Ульрих Голштинский, перелицованный в Петра Федоровича. Следовало и царицыных повелений не слушаться, и гнева наследника избежать. Александр Борисович оставил поэтому австрийскому военачальнику Г. Э. Лаудону отряд в 25 тысяч штыков и сабель, а сам с основными силами удалился на зимние квартиры. Фридрих писал тогда, что русским оставалось нанести ему удар милосердия (*coup de grace*). Они этого не сделали. Последняя удачная операция – капитуляция крепости Кольберг, открывшая побережье Померании для наступления. Пруссия, по словам короля, «агонизировала и ждала соборования»¹¹¹.

Но...

25 декабря 1761 (5 января 1762 года) скончалась Елизавета Петровна, Фридрих был спасен и предавался торжеству: «Бestia умерла, исчез ее яд». Министр К. Финкенштейн поддакивал ему: новый царь «рожден для счастья Пруссии»¹¹². На исходе войны только воля Петровой дочери спасала разлезавшуюся по всем швам союзную коалицию. Людовик XV, потеряв Канаду и часть Луизианы в Америке, Пондишери в Индии, утратил интерес к Ганноверу, злоклучения войны сделали Марию Терезию склонной к компромиссу, одна Елизавета сохраняла твердость.

Дочь Петра оставалась загадкой для современников и ставит в тупик историков. Ее царствование – «блестящее и убогое, легкомысленное и мудрое, милосердное и жестокое, восхваляемое и обруганное», – пишут Г. А. Некрасов и А. И. Шашкина. Беспорядочная жизнь, чревоугодие, пристрастие к вину, главным образом токайскому, рано подорвали здоровье царицы, и еще страсть к балам и маскарадам, неумное франтовство (15 тысяч платьев, на примерку которых она тратила больше времени, чем на государственные дела). Министры приходили в отчаяние, неделями дожидаясь ее подписи под важной бумагой. В последние годы она не проводила двух ночей подряд в одной комнате, говорили, что ее терзают мысли о заточенном Иоанне Антоновиче. Бессонница мучила царицу, и, случалось, она приказывала накрывать на стол в такой час, что поднятые с постелей придворные не знали, садятся ли они за поздний ужин или уже за ранний завтрак. Некоторые ее распоряжения выглядели в просвещенном XVIII веке диковатыми. Так, за разговоры в церкви болтуна сажали на цепь, причем табель о рангах соблюдалась: знатным полагались оковы бронзовые, а то и позолоченные.

¹¹⁰ Кони Ф. Указ. соч. С. 386; Valloton H. Op. cit. S. 96

¹¹¹ История внешней политики России... С. 105

¹¹² Павленко Н. И. Екатерина Великая. М., 1999. С. 178; Bain R.N. Op. cit. P. 286–287

Но надвигался час испытаний и решений – и она выступала государственным деятелем с большой буквы. По словам американского историка Р. Бейна, с конца 1759 года лишь «непоколебимая твердость российской императрицы являлась той сплачивающей политической силой, которая удерживала от распада разнородные, непрерывно ссорившиеся между собой элементы антипрусской коалиции и предотвращала ее распад под грузом сваливавшихся несчастий». Бейн отметал тезис официальной немецкой пропаганды, утверждавшей, будто объединенная Европа не смогла вырвать Силезию из железной хватки Фридриха, – на самом деле тот с трудом удерживал клочок этой провинции. Нелестно характеризует он позицию российских союзников: «И Франция, и Австрия готовы были в полной мере использовать военные ресурсы России ради достижения собственных целей и крайне сдержанно относились к возможной награде для своего лояльного и усердного союзника». «Никогда в истории французская дипломатия не была столь поверхностной, капризной и колеблющейся»¹¹³. О Людовике современники говорили, что он только и делал, что ставил палки в колеса другим участникам альянса. Австрийцы занимали более реалистичную позицию и держались более лояльно в отношении России, отсюда – скрываемое от галлов признание ими права Петербурга на присоединение Восточной Пруссии. Россия из вспомогательной силы, в качестве которой ее приняли в союз, превратилась в его становой хребет.

Всё и вся переменилось в Европе с кончиной Елизаветы Петровны.

¹¹³ Bain R.N. *Op. cit.* P. 289, 292

Глава III

Век Екатерины Великой. Прорыв за Дунай

Елизавета Петровна навсегда смежила веки 25 декабря 1761 года (5 января 1762). И начался кошмар. Петр, нареченный Третьим, в тот же день был провозглашен императором. Он не считал нужным хотя бы внешне изобразить скорбь, при отпевании в церкви болтал и гримасничал. Екатерина, напротив, представлялась воплощением печали и в глубоком трауре часами простаивала у гроба¹¹⁴. Перенос тела в Петропавловский собор новоявленный самодержец превратил в фарс: когда процессия вышла на лед Невы, он отпустил катафалк далеко вперед, а затем бросился его догонять, свита не поспевала за быстроногим монархом, надетая не него длиннополая мантия болталась на ветру. Траурное шествие обернулось шутловством, присутствующим было стыдно.

Царь спешно передел гвардию в форму гольштинского образца, узкую и неудобную, сменившую традиционную петровскую. Его энергия устремилась на плац-парад. Изнеженные вельможи, пожилые и нередко толстобрюхие, часами месили снег и грязь, а впереди суетился ледащий император. Он выписал из Гольштинии двух дядьев, произвел их сразу в фельдмаршалы, одного поставил во главе конногвардейцев, другого назначил губернатором в Эстляндию. Преображенский, Семеновский и Измайловский полки лишились своих славных и любимых названий, кавалергардов распустили. Ходили слухи, что та же участь уготована всей гвардии, которую царек в открытую именовал янычарами. Придворный ювелир Позье записывал в дневнике: «Гвардейские полки не ставили совершенно ни во что в сравнении с горстью гольштинцев»¹¹⁵. Гнетущее впечатление на окружающих производило пьянство императора: с утра он накачивался английским пивом, до которого был большой охотник, вечерние оргии часто заканчивались тем, что его величество уносили на руках в спальню. Духовенство и верующие были оскорблены царским распоряжением оставить в церквях лишь образы Спасителя и Богородицы.

И в довершение всего – скандал во внешней политике. Армия получила приказ прекратить военные действия, к королю Фридриху прибыл царский гонец с пальмовой ветвью. Фридрих встретил его в трауре, со скорбной миной на лице: для прошлой кампании он с трудом наскреб 96 тысяч солдат против 230 тысяч у неприятеля¹¹⁶. Петр вытаскивал его из неминуемой пропасти поражения. В инструкциях, подготовленных Фридрихом для дипломата Б. В. Гольца, собиравшегося в Петербург, говорилось об уступке России Восточной Пруссии, как о чем-то само собой разумеющемся. Ни скорби, ни уступок не понадобилось. Петр предлагал мир и союз, не требуя даже компенсации за понесенные военные расходы. Фридрих в своем послании высоко оценил уже усмотренную им государственную мудрость своего нового друга. Он взял на себя труд по составлению текста мирного договора, присвоил тому чин генерал-майора своей армии и наградил его орденом Черного орла. Петр III прилюдно лобзал бюст обожаемого Фридриха и бросался на колени перед его портретом. Саксонский посланник в недоумении сообщал своему правительству: «Король здесь – подлинный император». Все это походило на театр абсурда.

Сам Фридрих был смущен и даже перепуган пылкостью чувств самодержца, и не по причине скромности, а из-за опасения, как бы изъявления дружбы к нему, вчерашнему врагу, и нескрываемое пренебрежение ко всему национально-русскому не обошлись дорого оби-

¹¹⁴ Записки императрицы Екатерины II, М., 1989. С. 58

¹¹⁵ Записки императрицы Екатерины II, М., 1989. С. 58

¹¹⁶ Любавский М.К. История царствования Екатерины II, М., 1911. С. 23

тателю Зимнего дворца. Он советовал тому поспешить с коронацией, чтобы обрести в глазах подданных ореол легитимного монарха. Но Петр был занят подготовкой похода против коварной Дании, отторгшей у родной Гольштинии провинцию Шлезвиг, и отмахивался от советов: он держит этих «русских» в повиновении. Он не подозревал, что надругательства над верой, обычаями страны, ее традициями в России терпеть не привыкли и что он играет со смертью.

Настроение общественности выразил в стихах Михаил Васильевич Ломоносов:

Слышал ли кто из в свет рожденных,
Чтоб торжествующий народ
Предался в руки побежденных?
О стыд, о странный оборот!

И взоры, и мысли подданных стали все чаще обращаться к Екатерине Алексеевне, в манифесте о восшествии императора на престол обойденной вниманием. Она – полная противоположность мужу в образе жизни. Семнадцать лет она уже пребывала в России, со дня приезда прилежно изучала русский язык. Однажды серьезно заболела, к ней пригласили духовника, естественно – пастора: София – еще лютеранка. Она потребовала, чтобы пришел православный священник. Наступил день принятия православия. Она звонким голосом, без запинки прочитала Символ веры. Присутствующие умилились, Елизавета Петровна растрогалась до слез. Но в повседневности императрица была сурова, следила за каждым шагом молодой четы, а муж, Петр Федорович, проявлял к ней полное равнодушие. Лишь в 1754 году на свет появился наследник Павел. Развлечения – балы, маскарады, театр, езда верхом, преимущественно в мужском седле; зимой – катанье со снежных гор, охота. И приобщение к книгам, все более и более серьезное. На ее столе появляются письма мадам де Севиньи, «Опыты» Монтеня, практически все выходявшие тогда русские книги, «Анналы» Тацита, сочинения Плутарха. Далеко не все модные тогда авторы заслужили ее одобрения; Лесаж, Мольер, Расин, Рабле и Скаррон, хотя и были прочитаны, впечатления не произвели. Иное дело – Сервантес и Шекспир. Современников-немцев – Лессинга, Гете и Шиллера – она не жаловала. Десять томов «Словаря» П. Беля, своего рода предтечи «Энциклопедии», приучали Екатерину к сомнению и критике, она изучала их пять лет. «Дух законов» Ш. Монтескье она уподобляла молитвеннику для разумных государей: он обучал, как совмещать абсолютизм с просвещением. У Вольтера она ценила критику католицизма и милитаризма. Предметом ее особого внимания являлись русские летописи, историей России она увлекалась всю жизнь¹¹⁷. С юности Екатерина приобщила к идеям века Просвещения, в ее записках встречаются строки, осуждающие крепостное право: «Свобода – душа всего, без тебя все мертво. Я хочу, чтобы повиновались законам, но не рабов». Бумаге она поверяла сокровенные мысли: «Противно христианской религии и справедливости делать рабов из людей, которые получают свободу при рождении»¹¹⁸. В. О. Ключевский суров по отношению к великой княгине: были у нее мечты и даже идеалы, но не убеждения¹¹⁹. Ее заметки он сравнивал с тетрадами мечтательной институтки. Действительно, она не предприняла никаких шагов для отмены крепостного права, достигшего в ее царствование апогея. Не в оправдание, а в объяснение ее позиции следует сказать, что системного кризиса этого строя не наблюдалось, в стране не существовало ничего, напоминающего оппозицию ему. Созванная Екатериной в 1767 году комиссия по составлению нового государственного Уложения законов (взамен

¹¹⁷ Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С. 7–25

¹¹⁸ Gooch G. P. Catherine the Great. L., etc., 1954. P. 8; Записки императрицы... С. 62

¹¹⁹ Ключевский В. О. Русская история. Кн. 3. М., 1993. С. 181

датированного 1649 годом) выглядела по тогдашним понятиям импозантно: 208 представителей от городов, 28 – от государственных учреждений, 165 – от дворянства, 42 – от однодворцев, 29 – от государственных крестьян, 45 – от казаков, 54 – от нерусского населения Сибири, Поволжья и Севера. В. О. Ключевский назвал ее всероссийской этнографической выставкой. Присутствовали все, кроме крепостных крестьян. Правительство явно желало выслушать «глас народа», происходило нечто невиданное и неслыханное. Члены комиссии освобождались от телесных наказаний и не подлежали смертной казни, и за всем этим виделось что-то вроде депутатской неприкосновенности. Ревнителю старины были как громом поражены, узнав, что дворянин М. Глазов принес извинение каргопольским крестьянам за оскорбление их словом и даже был оштрафован на немалую по тем временам сумму – 5 рублей¹²⁰. Происходил обмен мнениями по делам державы, обнаруживший, что светлые умы обитали не только в столицах, но и в углах, считавшихся медвежьими. Раздавались голоса в пользу облегчения участи крепостных, сокращения числа барщинных дней, смягчения оброчных платежей, наделения их землей.

Но ни одного голоса за отмену крепостного права не прозвучало. Драматизм ситуации СМ. Соловьев выразил в одной фразе: «...от дворянства, купечества и духовенства послышался этот дружный и страшно печальный крик: рабов»¹²¹. Императрица подготовила к работе комиссии наказ, обильно позаимствовав идеи из трудов корифеев эпохи Просвещения. Текст она дала на просмотр сперва церковным иерархам, потом – вельможам и избранным умам. Те поработали с усердием, царица вняла их гласу: «Я зачеркнула, разорвала и сожгла больше половины, и Бог знает, что станется с остальным». Более всего пострадали высказывания по крестьянскому вопросу, вычеркнутым оказалось даже осторожно сформулированное замечание: «Не может земледельчество процветать тут, где никто не имеет ничего собственного», или туманная ссылка на времена античности: «У афинян строго наказывали того, кто с рабом поступал свирепо»¹²². Уже на закате жизни царица вспоминала: «Я думаю, не было и двадцати человек, которые по этому предмету мыслили бы гуманно и как люди»¹²³. Выпрыгивать из эпохи не дано никому, ни монарху, ни революционеру, и заниматься этим делом, идти против воли дворянства Екатерина не собиралась, венец мученичества ей не подходил. Она безропотно приняла суждение окружающих. К реформам на просветительский лад а la France страна не была готова. Впрочем, и насчет Франции нужна оговорка: наказ Екатерины туда запретили ввозить, сочтя крамольным. Комиссия тихо умерла. Обращение Екатерины к иностранному опыту, пусть самому передовому, но без всякой связи с традициями и прошлым законоположением страны, закончилось неудачей. Императрица «исправилась» и больше никогда не впадала в философские мечтания на государственном уровне, иноземный камзол не мог заменить русского кафтана. По словам А. Б. Каменского, «на смену периоду политической романтики пришел период политического реализма, опаленный пожаром пугачевщины»¹²⁴.

Эпоха Просвещения ознаменовалась известной легкостью нравов, свобода коснулась и поведения в интимной сфере, возникло понятие наслаждения натурального. Екатерина не скрывала – она без любви жить не может, супружество в счет не шло. В первую брачную ночь муж, в сильном опьянении, в поздний час вломился в комнату и завалился спать. Сцена повторялась много раз. Появились связи на стороне, причем Екатерина ввела своего рода

¹²⁰ Каменский А. Б. «Под сенью Екатерины». СПб., 1993. С. 181

¹²¹ Цит. по: Чечулин Н. Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II: 1762–1774. СПб., 1890. С. 205–206

¹²² Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 13. М., 1994. С. 256; Чечулин К. Л. Указ. соч. С. 96

¹²³ Цит. по: Дружинина Е. И. Ключик-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. С. 72

¹²⁴ Каменский А. Б. Указ. соч. С. 239

систему в отношении с фаворитами: они являлись ее помощниками, чаще всего техническими, в государственных делах, своего рода секретарями, она даже ввела для них звание флигель-адъютанта. Случалось, поклонники влюблялись в юную великую княгиню и изъяснялись в страстных посланиях. Екатерина очаровала английского представителя сэра Чарлза Хэнсбери-Вильямса (не фаворита), и он изливал свои восторги: «Вы рождены повелевать и царствовать. Я лобзаю Ваши ноги, я Ваш всецело, Ваш приказ – закон для меня. Я Ваш сердцем и умом, я считаю Вас существом, во всем меня превосходящим»¹²⁵. Граф Станислав Понятовский, посланник Польши, любящим оком запечатлел портрет Екатерины Алексеевны: «Волосы у нее были черные при ослепительной белизне кожи и самом ярком румянце, большие голубые глаза, очень выразительные, ресницы черные и очень длинные, рот, который, как казалось, просил поцелуя, руки и плечи – верх совершенства, стан гибкий...»¹²⁶. Для него связь с великой княгиней явилась не мимолетным увлечением, а чувством, пронизавшим всю жизнь. Особый случай – близость с Григорием Александровичем Потемкиным, он не помогал ей, а разделял с нею бремя правления. К счастью, история сохранила драгоценный источник – личные письма Екатерины любимому (хотя они договорились корреспондентку сжигать, но у Потемкина на то не поднялась рука). И в письмах пред нами предстает любящая женщина с государственными заботами, личными переживаниями и стремлением общаться с милым. Неоднократно она обращалась к нему как к супругу, что дает основание относиться с доверием к версии о том, что связь между ними была оформлена церковным браком. Не страсть, а власть разлучила двух честолюбцев: Потемкин занялся обустройством Новороссии; теплые отношения с «матушкой» продолжались до конца его дней. Вторым октября 1791 года помечено его последнее письмо Екатерине из Ясс, где он хлопотал о мире с Турцией: «Матушка всемилостивейшая государыня! В теперешнем изнуренном состоянии молю Всевышнего да сохранит здравие твое... Матушка, ох как болен». Четвертого числа он уже не писал, а диктовал: «Нет больше сил переносить мои мучения». На следующий день Потемкин тронулся в путь в Николаев. Проехали 40 верст, он занемог и попросил остановиться, его вынесли из кареты и усадили в кресло под деревом. Здесь его застигла смерть. Конвойный казак закрыл очи фельдмаршала, светлейшего князя двух империй, Российской и Австрийской, положил ему на веки по медяку¹²⁷.

Получив скорбную весть о кончине, Екатерина слегла. Забылись размолвки, осталось главное: ушел человек, служивший ей опорой в лучшие годы, деливший с ней бремя правления, преданный ей и отечеству, бывший, вероятно, ее единственной глубокой любовью. «Все будет не то», – жаловалась она секретарю А. В. Храповицкому¹²⁸. Личность Потемкина величественна и трагична. Виднейший государственный деятель, великий администратор, видный реформатор армии. Он освободил войско от остатков пруссачества и одел его в удобную и отвечающую климату форму. Солдат избавили от ненавистных париков, служивших рассадниками вшей. В то жестокое время Потемкин был одним из немногих гуманистов в армии: он заботился о довольствии солдат, осуждал побои, высокомерие он проявлял по отношению к знатым и влиятельным, но не к сирым и убогим. «Настоящий дворянин», – говорила о нем Екатерина, в ее устах то была высшая похвала человеку. Но вернемся к году 1762. Екатерина в тревоге. В манифесте о восшествии на престол нового императора ни она, его супруга, ни сын Павел не упомянуты, муж ее открыто третирует. Царица, доносил в Париж посол Л. О. Бретейль, «находится в отчаянном положении, ей оказывают величай-

¹²⁵ Cronin V. Catherine the Great, Empress of all the Russias. L., 1978. P. 105; Gooch G. P. Op. cit. P. 10–11

¹²⁶ Понятовский С. А. Великая княжна Екатерина Алексеевна//Екатерина II и ее окружение. М., 1996. С. 42; Valloton H. Catherine II. P., 1955. P. 149

¹²⁷ Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С. 241

¹²⁸ См. Там же.

шее презрение». В Зимнем дворце ее поместили в отдаленных покоях, а рядом с собою Петр поселил фаворитку Елизавету Воронцову. «Странный вкус!» – заметил Бретейль, французу не приглянулась пышная девица с рыхлым лицом¹²⁹.

Петр же, казалось, делал все возможное, чтобы возбудить в церкви, свете и гвардии недовольство, перераставшее порою в ненависть. Historики, обратившись к его деяниям, с некоторым удивлением отмечают, что полгода его пребывания на престоле не прошли бесплодно для законодательства: он подписал 196 указов, манифестов, рескриптов государственного значения. Был издан манифест о дворянской вольности, давно ожидаемый – освобождавший это сословие от обязательной службы и заодно разрешавший свободный выезд за границу; за ним последовал Указ о защите раскольников от чинимых им обид и притеснений и равноправии всех конфессий. У церкви отобрали земли и прочее принадлежавшее ей имущество, два миллиона душ мужеска и женска пола, проживавших в монастырских поместьях, получили запашку и были обложены единообразным, сравнительно невысоким налогом в пользу государства¹³⁰. Закрыли страшную Тайную канцелярию, пыточное ведомство, куда волокли людей по малейшему подозрению в измене. Петр распустил ставшую притчей во языцех лейб-компанию, роту Преображенских гренадер, посадивших в 1741 году Елизавету Петровну на трон и до того разложившихся, что даже на караул солдаты являлись в сопровождении слуг, тащивших их винтовки.

Все эти меры как-то не вяжутся с вошедшим в обиход образом взбалмошного царька. Но отдельные назревшие узаконения впечатления на современников не производили, ибо затмевались повседневностью, походившей не то на дурной сон, не то на маскарад. В обществе ходили упорные слухи, что царь собирается отправить Екатерину в монастырь, сына Павла объявить незаконнорожденным и сочетаться браком с Елизаветой Воронцовой. 8 июня 1762 года на обеде в честь заключения мира с Пруссией разыгралась безобразная сцена, казалось бы подтверждавшая самые худшие опасения. Петр провозгласил тост за императорскую фамилию, все встали, кроме Екатерины, сидевшей далеко от мужа. На гневный вопрос супруга она ответила, что императорская семья состоит из него, нее и Павла. «А гольштинские принцы?» – воскликнул Петр. Он подозвал к себе адъютанта В. Гудовича – передать супруге выговор. Решив, видимо, что тот смягчит выражения, царь вскочил и крикнул на весь зал: «Дура!» Произошло всеобщее замешательство, Екатерина глотала слезы, стоявший за ее стулом придворный, чтобы разрядить обстановку, принялся рассказывать анекдот из жизни французских пейзажистов¹³¹.

Петр не успокоился и распорядился об аресте императрицы. Дежурный офицер И.С. Барятинский в испуге отправился к принцу Георгу Фридриху, и тот отговорил племянника от безумного шага. Много позднее Екатерина утверждала в своих записках: «Я должна была или погибнуть с ним, или от него, либо спасти самое себя, моих детей и, может быть, все государство от тех гибельных опасностей, в которые, несомненно, ввергли бы их и меня нравственные и физические качества этого государя»¹³².

Зрел заговор, все нити которого сходились в покоях императрицы; в духовенстве и при дворе зрело недовольство, гвардия клекотала, даже сестра петровской фаворитки, 18-летняя княгиня Екатерина Романовна Дашкова примкнула к оппозиции. Если Екатерина являлась душой и мозгом конспирации, то организаторами и исполнителями выступали пять удачных и отчаянно храбрых братьев Орловых, служивших в гвардейских полках, а Григорий был

¹²⁹ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 182

¹³⁰ Сборник Русского императорского исторического общества (Сб. РИО). Вып. 10. СПб., 1884. С. 330; Записки императрицы... С. 537–545, 583–584

¹³¹ Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С. 19

¹³² Записки императрицы... С. 218

и фаворитом императрицы. К тайному лагерю заговорщиков примкнула часть вельмож, в том числе гетман Украины К. Г. Разумовский и воспитатель Павла Н. И. Панин. Последний был сторонником провозглашения Екатерины Алексеевны регентшей при малолетнем сыне. Государыня об этом знала, но отмалчивалась. Переворот предполагалось произвести после отъезда Петра на войну с Данией во имя гольштинских интересов. События заставили изменить сроки: один из заговорщиков подвергся аресту, возникла угроза провала¹³³.

Рано утром 28 июня в Царском Селе появился Алексей Орлов. Войдя в спальню императрицы, он сообщил ей тревожную весть. Та поспешно оделась и в сопровождении камер-фрау бросилась к карете. Алексей поместился на облучке рядом с кучером, лошади пустились вскачь. На окраине столицы их поджидал Григорий, оттуда – в слободу, где квартировал Измайловский полк. Послышалась барабанная дробь, гвардейцы стали сбегаться на плац, принесли тюки с мундирами петровского образца, солдаты сбрасывали с себя гольштинскую форму. Прискакал командир полка граф К. Г. Разумовский. Привели старенького батюшку и под восторженные крики гвардейцы целовали крест и руки Екатерины. Из слободы строем и с винтовками отправились в Семеновский полк, где сцена повторилась. Преображенцы позднее пришли сами – замешкались, ибо несколько офицеров призывали их сохранить верность присяге и Петру. В Казанском соборе и Зимнем дворце высшие чины присягнули Екатерине как правящей монархине. Сторонникам провозглашения ее регентшей не дали опомниться. Н. И. Панин привел 8-летнего Павла на церемонию в ночном колпаке. Сомневающимся не то что посовещаться, поразмыслить было некогда. Внука Петра Великого устранили с престола без единого выстрела.

Вечером торжествующая Екатерина отправилась во главе 14-тысячного войска в Петергоф против собственного мужа. Она гарцевала на коне в мундире, заимствованном у поручика Талызина. Рядом скакала молоденькая княгиня Дашкова. На ночь расположились в Красном кабаке. Императрица разделила постель со своей юной подружкой, обе не спали от волнения, да и клопы лютовали.

Петр узнал о перевороте в самый день 28 июня и заметался в растерянности. Его посланцы, отправляемые к супруге с ветвью мира, переходили на ее сторону, и он без сопротивления подписал акт отречения, в котором свидетельствовал, что, будучи императором, «знал тягость и бремя, его силам несогласные»¹³⁴. Петра, явно намеренно, переодели в гольштинский мундир и под конвоем отправили в деревню Ропшу, где компанию ему составляли Алексей Орлов, князь Ф. Барятинский и еще несколько офицеров; бесконечные попойки подрывали здоровье хилого экс-монарха. Он попросил разрешить ему выезд в Германию; не получив ответа, обратился совсем смиренно с просьбой – прислать ему Елизавету Воронцову, скрипку и собачку. Екатерина не отвечала. Она распорядилась приготовить приличное рангу заключенного помещение в Шлиссельбургской крепости, где уже двадцать третий год томился другой бывший император Иоанн Антонович.

Известны три записки Алексея Орлова из Ропши, последняя – сочиненная в состоянии сильного опьянения и полуграмотная, сохранившаяся только в копии, сообщала о смерти Петра. Тот будто бы схватился с «князь Федором», и не успели собутыльники опомниться, как «его не стало». Екатерина получила записку за обедом. Прочтя ее, она продолжила трапезу¹³⁵.

Супруг оказался единственной жертвой ее воцарения. Она не поддалась чувству мести, никто из заведомых противников не подвергся преследованию, не свистел кнут палача, как

¹³³ Век Екатерины П... С. 20

¹³⁴ Брикнер А. Г. Указ. соч. С. 124

¹³⁵ О. А. Иванов, изучавший корреспонденцию А. Орлова, сомневается в подлинности последней записки (см.: Иванов О. А. Загадки писем А. Орлова из Ропши // Московский журнал. 1995. № 9, 11, 12; 1996. № 1–3)

бывало, не тянулись дроги с высланными под заунывный звон колокольчика в места отдаленные. Изменился общественный климат. Кое-кому из оппонентов посоветовали отдохнуть в деревне или развлечься в Москве, иным – попутешествовать за рубежом. И все. Екатерина спохватилась – как бы «Лизка» Воронцова не вздумала явиться в Зимний. Секретарю И. П. Елагину полетела записка: «Перфильевич! Сказывал ли ты кому из Лизветиных родственников, чтобы она во дворец не размахнулась, а то, боюсь, к общему соблазну, завтра прилетит»¹³⁶. Обошлось.

Два манифеста о воцарении были составлены быстро и продуманно. Ни слова о перевороте, ни намек на оправдание! Она «по явному и нелицеприятному желанию» россиян взяла на себя бразды правления, встала на защиту исконной церкви, державной славы и внутреннего порядка, совсем было ниспровергнутых внуком великого Петра. Вняв просьбам «присланных от народа избранных верноподданных» (видимо, в лице Алексея Орлова), монархиня принесла себя в жертву отечеству. Бумага содержала и важное программное положение: «самовластие, не обузданное добрыми и человеколюбивыми качествами в государе, владеющим самодержавно, есть такое зло, которое многим пагубным следствиям бывает причиною». В честь коронации, проведенной уже осенью 1762 года, была выбита медаль с надписью: «За спасение веры и отечества»¹³⁷.

Вельможная фронда не посмела выступить с открытым забралом, но она сохранилась в дворцовых закоулках. Просвещеннейший Никита Иванович Панин мечтал об аристократическом правлении. Но не кучке высокочинных недовольных было бросать вызов умной, волевой, целеустремленной Екатерине, за все 34 года своего правления не знавшей крупных неудач.

* * *

Трудности окружили государыню со всех сторон. Дела после безалаберного правления Елизаветы Петровны и тяжелой войны находились в плачевном состоянии. По словам самой Екатерины, «флот в упущении, армия в расстройстве, крепости разваливались», войска, находившиеся за рубежом, восьмой месяц не получали жалования, в пустой казне накопилось распоряжений на выдачу 17 миллионов рублей. 150 тысяч монастырских крестьян «отложились от послушания», приписанные к заводам крепостные волновались, жестокие пытки и наказания за безделицу озлобили умы¹³⁸. «Матушка Елизавета», случалось, неделями не прикасалась к бумагам, все недосуг, и Екатерине предложили, для облегчения ее монаршей участи, знакомиться лишь с резюме дипломатической переписки. Она пожелала читать всё. Ей, узурпаторше, нельзя было совершать ошибок. Свою немецкую аккуратность она поставила на службу российским интересам.

По привычкам она принадлежала к жаворонкам, вставала в 5–6 часов утра, зимой сама растапливала камин, дрова заготавливались с вечера. Однажды произошел конфуз: в дымоходе раздались отчаянные вопли, она спешно загасила огонь, и к ногам ее свалился трубочист. Он никак не ожидал, что повелительница империи в половине шестого уже на ногах. В одиночестве – занятия обширной перепиской, знакомство с бумагами. Чашка крепчайшего кофе с сухариком. Затем – прием секретаря, за которым следовали министры. От такой деловитости сановники отвыкли почти за 40 лет, прошедших со дня смерти Петра I.

Во весь рост встал вопрос: война или мир? Войска, отправленные в Данию, были отозваны: нечего портить отношения с Копенгагеном ради гольштинских интересов. Но и мир

¹³⁶ Брикнер А. Г. Указ. соч. С. 126; Сб. РИО. Вып. 7. СПб., 1876. С. 609

¹³⁷ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 90, 92–93

¹³⁸ Сб. РИО. Вып. 10. С. 330; Записки императрицы... С. 537–545, 582–584

с Пруссией не был нарушен, несмотря на настойчивые обхаживания с австрийской стороны. Екатерина выразилась со свойственной ей определенностью: «Мир нужен этой обширной стране. Мы нуждаемся в населении, а не в опустошениях»¹³⁹. Необходимо по крайней мере пять лет для приведения дел в порядок. Наболевший вопрос о монастырских владениях был решен радикально: 8,5 миллионов десятин земли и 1 миллион душ перешли в ведение казны. Таможенные сборы отдавались на откуп за 2 миллиона рублей, Екатерина вернула их сбор государству, и одна Петербургская таможня стала приносить доход в 3 миллиона. Наступление мира позволило залатать финансовые дыры. Сенат определял доходы государства в 16 миллионов рублей, после обследования оказалось, что они достигают 28 миллионов¹⁴⁰.

Все мыслимые факторы, внутренние и внешние, требовали от Екатерины сохранения мира. В стране – сумятица, беспорядок, безденежье, вовне – настойчивые австрийские призывы вернуться на поле боя. Во имя чего? Союз с Веной изжил себя. Между тем вопрос о Причерноморье не то что созрел, а перезрел. Торговля через Балтику не удовлетворяла хозяйственных нужд России. Один из членов Вольного экономического общества проводил на карте черту от Смоленска к Костроме и Воронежу, весь гигантский регион к югу от нее с плодороднейшими почвами он определял как кровно заинтересованный в сбыте продукции через Черное море, сухопутные перевозки обходились тогда в 50 раз дороже морских¹⁴¹. А путь к морю преграждало Крымское ханство, вассал Османской империи. Переход от обороны к наступлению на нее становился неизбежен, то была предпосылка прогрессивного развития стремительно осваиваемой Новороссии, в будущем – экспортной житницы России. На юге – или примитивно-натуральное хозяйство поселявшихся там крестьян, которых никакие опасности налетов степняков и установленные договором 1739 года «барьеры» не могли остановить, или высокопродуктивное по понятиям того времени товарное производство. Но пока что Россия застряла у мелководного Азовского моря. Предстояло прорваться к Черному и нанести тяжелые удары Высокой Порте, чтобы обеспечить свободный вывоз зерна на европейские рынки. И тут пути России и Австрии разошлись. Альянс двух стран действовал в оборонительном варианте, обе были заинтересованы в отпоре турецкой агрессии. В «постоянном обеспечении от турок», как то было прежде, Россия больше не нуждалась и переходила в наступление на южном направлении, и тут Вена из союзника превращалась в соперника, считая Балканы зоной своего влияния и не желая допускать Россию к устьям Дуная или, упаси боже, позволить ее армии прорваться за великую реку. Петербург болезненно ощущал стремление Габсбургов поставить себе на службу дружбу с Романовыми. Они, по словам Н. Н. Панина, «еще привыкнуть не могут к «нашей инфлюенции в общих делах» и «ищут только пользоваться нами».

Эти факторы следует учитывать, обращаясь к российско-прусским отношениям. Было ли благоразумно после переворота внять австрийским призывам и вернуться на поле боя? В создавшихся условиях, вероятно, нет. «Мы затверделому в делах австрийскому самовластию и воле следовать не хотим и во взаимных интересах наших с оным двором ведаем определять истинное равновесие», – полагал Панин¹⁴². Екатерина выражалась еще энергичнее, прибегая к крылатой фразе: «Время всем покажет, что мы ни за кем хвостом не тащимся». Возобладал тезис: «Россия независимо от других держав собою весьма действовать может». Крепко убеждение в том, что Европа больше нуждается в России, чем последняя в Европе, да и сами австрийцы в глубине души это сознавали, их посол в Петербурге свидетельствовал:

¹³⁹ Там же. С. 621

¹⁴⁰ Записки императрицы... С. 627; Ключевский В. О. Указ. соч. С. 252; Екатерина Великая – эпоха российской истории. СПб., 1996. С. 181; Madariaga I. Russia in the Age of Catherine the Great. L., 1981. P. 113, 118

¹⁴¹ Дружинина Е. И. Указ. соч. С. 55–56

¹⁴² Чечулин И. Д. Указ. соч. С. 45

Россия столь крепкое государство, что вполне может обойтись без иноземной помощи. Вена со своими домогательствами получила от ворот поворот, военные действия продолжались еще год, затем истощенные противники заключили мир на условиях *status quo ante bellum* (то есть положения, существовавшего до войны). Фридрих II начисто утратил военный задор, и больше не пускался в рискованные предприятия. СМ. Соловьев писал даже о его «войно-боязни».

Первые шаги екатерининской дипломатии отличались осторожностью и сдержанностью. Н. Панин принялся сооружать так называемую Северную систему (или Северный аккорд) – нечто аморфное, трудно поддающееся определению, не коалицию и не союз, а некое согласие жить в мире, – в противовес французскому Восточному барьеру, чреватому конфликтами и войной. Сам ее создатель мечтал с помощью своего детища «на севере тишину и покой ненарушимо сохранять»: Россия была удовлетворена сложившимся на Балтике положением. К системе удалось привлечь Англию, Пруссию, Данию, Швецию и Польшу. Сам этот перечень держав с перекрещивавшимися и сталкивавшимися интересами позволяет определить ее как временную и зыбкую комбинацию, пока кто либо из ее участников не попытается изменить к выгоде для себя баланс сил в Европе. В. О. Ключевский именовал творение Никиты Ивановича «дипломатической телегой, запряженной лебедем, раком и щукой», СМ. Соловьев считал ее создание неоправданным, британец А. Грей полагал продуктом панинского идеализма, а В. С. Лопатин характеризовал как пропрусскую¹⁴³. Мы не разделяем столь суровых оценок. Система для XVIII столетия являлась чем-то из ряда вон выходящим. Сотрудничество ряда стран тогда осуществлялось для изменения статус-кво, а не ради его поддержки, и обычно имело целью в близком или далеком будущем развязывание войны. А тут своего рода лига мира. Ее творец усматривал в своем детище «вернейшее ручательство в общем спокойствии» и «залог обеспечения независимости этой части Европы»¹⁴⁴.

Налет идеализма в замысле Никиты Ивановича присутствовал, но он явился провозвестником будущих международных и даже всемирных организаций, и за то Панина должно хвалить, а не попрекать, хотя замечание насчет «знатной части руководства» России в системе подрывало ее привлекательность для прочих участников и не сулило ей долгой жизни.

Ни ссор, ни столкновений между державами она не прекратила. В условиях, когда российское продвижение на юг с высокой степенью вероятности натолкнулось бы на стену австрийского сопротивления, самодержавие нуждалось в партнере покладистее. Таковым представлялась Пруссия. Фридрих II, пребывавший в полнейшей изоляции, был готов броситься к Екатерине на шею. У двух держав существовали определенные точки соприкосновения интересов, и прежде всего в Польше, где их православные и лютеранские соотечественники (или, по терминологии того времени, диссиденты) были лишены политических прав, а их шляхта – участия во власти. Так что и у Петербурга, и у Берлина имелся вполне благовидный повод для вмешательства в польские дела – защита единоверцев от наступления католической реакции.

Польские дела были тесно связаны с балканскими сюжетами, Речь Посполитая являлась центральным звеном сооруженного французским королем Людовиком XV Восточного барьера (Швеция – Польша – Османская империя). Луи с упрямством параноика пытался изгнать Россию из Европы. Он инструктировал посла в Петербурге Л. О. Бретейля: «Вы знаете, и я повторяю совершенно четко, что целью моей политики в отношении России является

¹⁴³ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 230–231

¹⁴⁴ Сб. РИО. Вып. 13. СПб., 1873. С. 373

устранение ее, насколько возможно, от дел в Европе». Он мечтал «ввергнуть этот народ в состояние хаоса и погрузить его во мрак»¹⁴⁵.

Король Польши Август III дышал на ладан и в 1773 году скончался. Водворение в Варшаве ставленника католических держав, Франции и Австрии, означало бы серьезное дипломатическое поражение России: в случае войны с Турцией пришлось бы сражаться и с ее польским союзником. Как это ни странно звучит, но путь на юг лежал через Варшаву, следовало озаботиться избранием здесь на трон лояльной кандидатуры, в союзном договоре с Пруссией (1764 год), в его секретнейшей статье, было названо и имя: Станислав Понятовский, бывший фаворит Екатерины. Аргументы в его пользу – природный поляк, родословная восходит к первой династии Пястов, сам не богат, но в родстве с могущественным и богатым кланом Чарторыйских, образован, поклонник идей Просвещения. Дополнительным и весомым аргументом послужило золото, щедро рассыпанное перед сеймовыми послами. Станислав, нарекший себя дополнительно именем Август был избран на престол с соблюдением всей полагающейся процедуры.

Екатерина торжествовала. Она призвала к себе истопника Федора Михайловича, родоначальника современной правительственной спецсвязи в России, и сунула ему в карман, между прочими бумагами, записку Панину: «Никита Иванович! Поздравляю Вас с королем, которого мы делали. Настоящий случай наивяще умножает к Вам мою доверенность, понеже я вижу, сколь безошибочны были все Вами взятые меры» Она поспешила погасить немалые долги, числившиеся за королем Станиславом Августом, и определила ему ежегодный пенсioen в 3 тысячи червонных (9 тысяч рублей).

Плохо знала царица поляков. Вроде бы благое дело, отстаивание прав диссидентов, обернулось вооруженным вмешательством во внутриваршавские дела, национальным протестом и тяжелейшими международными последствиями, завершившимися разделами Речи Посполитой. А все начиналось с конвенции, приложенной к оборонительному трактату 1764 года между Петербургом и Берлином. Стороны выступали в нем за возвращение диссидентам «привилегий, вольности и преимуществ, которыми они ранее владели как в делах религиозных, так и гражданских». Екатерина, как иноземка, обязана была доказать подданным, что проявляет на деле заботу о православных за рубежом. Поляки, как бы нарочно, делали все, чтобы накалить обстановку до предела. Епископ Георгий Конисский жаловался на невыносимое положение православной церкви – за последние годы разорено 200 храмов. Коронационный сейм 1764 года отказался рассматривать демарш двух дворов в пользу диссидентов. Позднее Н. В. Репнину удалось добиться некоторых уступок. С началом войны с Турцией (1768 год) они были взяты обратно, русских лишили права использовать Каменец-Подольск и проходивший через него тракт как операционную линию для снабжения своих войск. Старошляхетская группировка, т. н. Барская конфедерация, войдя в контакт с Высокой Портой, выразила согласие на присоединение к Османской империи, после ее победы над Россией, Подолии и Киевского воеводства вместе с Киевом, и выговорив в пользу Речи Посполитой Чернигов и Стародуб.

Открыто вмешаться в польские дела Луи XV не посмел. Франция, истощенная войной, вся в долгах, находилась в «изнуренном состоянии» и лишь для вида поспорила, да и провальный опыт 1730-х годов из памяти не выветрился. Но идея разжечь тлеющие угли российско-турецких противоречий вокруг Причерноморья в Париже не проходила. В апреле 1766 года послу в Константинополе Ш. Г. Вержену была направлена инструкция, кривотолков не допускавшая: самым надежным средством похоронить Северную систему, а может быть, и свалить с захваченного престола узурпаторшу Екатерину, говорилось в ней, явилось

¹⁴⁵ Грюнвальд К. Франко-русские союзы. М., 1968. С. 54; Valloton H. Op. cit. P. 191–192; Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 13. М., 1994. С. 256

бы вовлечение России в войну. Лишь турки могут оказать Парижу эту услугу. «Нас не интересует конечный успех, но само объявление ее и ход позволят нам приступить к разрушению зловещих замыслов Екатерины»¹⁴⁶.

Галльские подстрекательства увенчались полным успехом, нужно было только поднести огниво к костру, чтобы вспыхнул огонь, так что особых уговоров не потребовалось. Турки с растущей подозрительностью следили за начавшимся развалом Речи Посполитой. Восточный барьер давал трещину, утрата союзника грозила выходом из строя всей системы сдерживания России. Резидент в Стамбуле А. М. Обресков уверял великого везира, что войска будут выведены из Польши «по окончании диссидентского дела», которому конца и краю не виделось. Посол в Варшаве Н. В. Репнин недоумевал – зачем давать пустые обещания? Обресков перепугался и пришел в состояние «трепетания» – как бы императрице не доложили о его самоуправстве¹⁴⁷.

Н. И. Панин тревожился: «Не время еще сходитьсь нам с Портою до разрыва». Следует, «освободясь единожды польских хлопот», «взять на несколько времени покой и, пользуясь оным, распорядить меры наши на будущий случай». Чтобы не раздражать турок, прекратили строительство крепости Святого Дмитрия (Ростова-на-Дону), Обрескову отправили 70 тысяч рублей для придания его миролюбивым демаршам большей убедительности «лестным блеском золота»¹⁴⁸.

Екатерина надеялась: «С помощью Божьей на сей раз мимо пройдет». В инструкции «любезноверному» генерал-поручику Ивану Чернышеву, назначенному послом в Лондон, говорилось, явно для передачи британцам: «Приняв скипетр Российския державы, положили мы себе непоколебимым правилом, чтоб со всеми, а особливо с соседними областями, пребывать в дружбе и добром согласии, к чему простираются все наши старания». И уже в строках, предназначенных для него лично, выражалась надежда на то, что Высокая Порта, будучи «в таких затруднительных обстоятельствах», «весьма довольною может себя почитать, что останется от соседей своих в покое»¹⁴⁹.

Не обошлось. Война надвигалась с фатальной неизбежностью. Позиции Обрескова пошатнулись. Великий везир был грозен: «Отвечай, изменник, в двух словах, обязываешься ли, что войска из Польши выведутся, или хочешь видеть войну?» Из дворцовых покоев дипломата препроводили в Семибашенный замок в заключение. 9 ноября 1768 года царица циркулярной нотой известила державы о «варварском поступке» Порты – «о нарушении с нами мира» и «арестовании резидента нашего Обрескова». Поэтому императрица, «противу истинной склонности своей», намерена употребить дарованные ей «от Бога силы в отмщение» и в «доставление себе и короне нашей полного и публичного удовлетворения»¹⁵⁰. Война началась.

Ситуация для России сложилась тревожная. На севере затаилась, с границей всего в 30 верстах от Петербурга, дважды разгромленная и жаждавшая реванша Швеция. Австрия считала Балканы сферой своего влияния, а продвижение российских войск к устью Дуная – занятием господствующих позиций на подступах к ним. В Польше интересы Габсбургов и Романовых сталкивались, возведение Станислава Августа на престол вызвало в Вене крайнее раздражение. Так что со стороны Вены можно было ожидать всяких каверз.

¹⁴⁶ Стегний П. В. Первый раздел Польши и русская дипломатия // ННИ. 2001. № 1. С. 166, 165, 167, 170; Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С. 132, Valloton H. Op. cit. P. 192

¹⁴⁷ Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 14. М., 1994. С. 30

¹⁴⁸ Чечулин И. Д. Указ. соч. С. 265–266

¹⁴⁹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Сношения с Англией. 1768. Д. 201. Л. 4

¹⁵⁰ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 256; АВПРИ. Ф. Сношения с Англией. 1768. Д. 201. Л. 17

Казалось, противовес можно было обрести в союзе с Англией, старым антагонистом Франции. Лондонский кабинет был ярким врагом галльских поползновений на гегемонию в Европе и на стезе колониальных предприятий. XVIII век едва перевалил на вторую половину, Лондон и Париж уже дважды схватились друг с другом, и до его окончания предстояли еще две войны. Состояние англо-российских отношений ободряло, торговля процветала, ежегодно 600–700 британских кораблей посещали порты северной державы.

Однако основой британской имперской мощи являлось господство на морских путях, связывавших воедино владения короны. По Утрехтскому миру 1713 года Англия приобрела ключи к Средиземному морю – скалу Гибралтар, запиравшую выход на просторы Атлантики. Турецкий султан считался чем-то вроде сторожа Черноморских проливов и исправно исполнял эту должность. Османская империя была уже слишком слаба, чтобы угрожать английским интересам. Иное дело – быстро наращивавшая мускулы Россия. Казалось бы, сидит она у азовского мелководья, какая уж тут угроза? Но британская дипломатия недаром считалась зоркой и дальнзоркой. Ей чудилась смена караула у Проливов, а это уже внушало глубокую тревогу. Англичане всей душой хотели бы заручиться российской поддержкой на случай новой схватки с Францией, но избегали обязательств в отношении турецких дел. В качестве крайней уступки предлагалась запутанная комбинация: лишь в том случае, если Екатерине не удастся заключить мир на условиях уступки турками Азова, области «кубанских татар» и свободы судоходства по Черному морю, Британия отправит в помощь России 14 линейных кораблей, и то под честное слово короля, не включая сей пункт в текст договора, дабы не мешать усилиям короны в достижении российско-турецкого примирения. Петербург же должен был дать заверение, что любое нападение европейской державы на британские владения в Ост-Индии и Америке будет рассматривать как *casus foederis* (то есть случай, при котором вступают в силу обязательства по союзному договору)¹⁵¹.

Сент-Джеймский кабинет хотел и дружбу с самодержавием сохранить, и в то же время не допустить ощутимого ущемления турецких интересов. Добиться заключения союза на этих односторонне выгодных условиях Лондону очень хотелось, посол Ч. Кэткерт ранее получил полномочия на подписание договора. Екатерина заявила, что вступать еще в одну войну не желает.

Оставался Фридрих II. Противодействовать России обескровленная и опустошенная в ходе Семилетней войны Пруссия не могла, оставалось дружить с ней и, заключив Екатерину в объятия, постараться, насколько это возможно, умерить притязания союзника в отношении Турции и под сенью альянса приступить к разделу Польши. Первый зондаж король произвел, можно сказать, инкогнито. В 1764 году он послал в Петербург графа Динара, и тот, якобы от собственного имени, выступил с «инициативой». На его демарш не обратили внимания, вместо раздела Польши Н. И. Панин предложил совместными усилиями выгнать турок из Европы. Это ни в коей степени не отвечало прусским планам, но Фридрих по договору 1764 года все же обязался предоставлять России в случае ее войны с Турцией ежегодную субсидию в 400 тысяч рублей. Он был поэтому кровно заинтересован в скорейшем прекращении подобной войны, буде она вспыхнет. Брату Генриху король писал: «Россия – это страшное могущество, от которого через полвека будет трепетать вся Европа». Способствовать ее усилению Берлин не собирался, заманивать пруссаков в войну с турками выходило за пределы возможного: «Я заключил союз с Россией... не для того, чтобы под русскими знаменами вести пагубную войну, от которой мне ни тепло, ни холодно». «Боюсь, чтобы меня не стали доить как корову» в обмен «на изящный комплимент и соболью шубу». Но альянс был нужен ему позарез, «никто тогда не осмелится тронуть меня», писал король¹⁵².

¹⁵¹ Сб. РИО. Вып. 19. СПб., 1876. С. 58–60

¹⁵² Соловьев С. М. Указ. соч. С. 373, 374, 377, 390; Кн. 15. М., 1995. С. 8; НИИ. 2001. № 1. С. 166

Турки, по мнению тогдашних экспертов, могли выставить на поле боя 400 тысяч человек и 100-тысячную крымскую конницу, на море они господствовали. Русские— 180-тысячную армию. Современники прочили османам успех, в войне 1735–1739 годов они отразили натиск «москвитов» и нанесли чувствительное поражение «цесарцам», так что условий для полета фантазии при составлении наметок по мирному договору у Совета при высочайшем дворе не существовало. Замахиваться на Балканы при открытом или скрытом противодействии почти всей Европы было опасно. Совет приступил к дискуссии: «...к какому концу вести войну и в случае наших авантажей какие выгоды за полезные положить?» Выработанные пожелания выглядели скромно: настоять на свободе плавания по Черному морю и для того добиться учреждения порта и крепости; не вполне определенно говорилось о границе с Польшей — установить ее так, чтобы «навсегда спокойствие не нарушалось»¹⁵³.

Начало военных действий затягивалось из-за неготовности обеих сторон. Султан Мустафа III поспешно вызвал из ссылки Кырым Гирея, оказавшегося в немилости из-за излишней самостоятельности. Дорогу в сераль украсили шестью с отрубленными головами вечно бунтовавших черногорцев, как намек на участь, ожидающую непокорных.

Гирей не мешкал, и в январе 1769 года его конница вторглась на Украину. Целью набега, сообщал французский агент П. де Рюффен, было «разорить колонии, цветущее состояние которых возбуждало зависть соседей», и «заинтересовать добычей татарскую нацию, не получавшую от Порты никакой платы». Военный совет предписал войскам жечь по пути деревни, жатву, уводить стада, захватывать в плен жителей. Добычу предписывалось делить «по-братски», оставшиеся дома получали свою долю. И вновь потянулись обозы с рабами, всего — 16 тысяч человек¹⁵⁴. Произошло, по словам СМ. Соловьева, «последнее татарское нашествие». Лишь фактор внезапности позволил свершить злое дело — степная конница испарилась с просторов Украины так же внезапно, как и появилась там. По приказу генерала П. А. Румянцева армия заняла «барьерные земли» и приступила к восстановлению крепостей Азов и Таганрог.

Начало войны продемонстрировало стратегические преимущества турецкой стороны: обладая Крымом и военно-морским флотом, она могла наносить удары в любом пункте побережья. Поэтому российское командование стремилось прежде всего овладеть выходом из Азовского моря, Керчью и Таманью, «дабы зунд Черного моря чрез то получить в свои руки, и тогда нашим судам способно будет крейсировать до самого цареградского канала и до устья Дуная»¹⁵⁵. Поскольку турецкий удар ожидался и через Польшу, одна из армий направилась на север Бессарабии, к крепости Хотин. Взять ее приступом генерал-аншеф А. М. Голицын не решился. Осенью турки сами покинули город по причине нехватки продовольствия. Голицына сместили за бездеятельность, пост занял ПА. Румянцев. До конца 1769 года он оккупировал Дунайские княжества. Войска, от командующего до последнего солдата, убедились, что население считает их освободителями. Молдавский митрополит поспешил привести жителей Ясс к присяге на верность Екатерине, что и было осуществлено в соборе под ликующие клики и звон колоколов.

Родилась дерзкая мысль: нанести удар по Османской империи силами флота в Средиземном море (где корабль под российским флагом впервые появился в 1764 году). Первая эскадра под командованием адмирала Г. А. Спиридова покинула Кронштадт в июле 1769 года. Многое зависело от позиции англичан, без их содействия суда вообще не добрались бы до Гибралтара. Сент-Джеймский кабинет разрешил вербовку офицеров, предоставил в распоряжение эскадры свои порты, снабдил ее вспомогательными судами и, что не менее

¹⁵³ Архив Государственного совета (АГС). Т. 1. СПб., 1869. Стб. 7;

¹⁵⁴ АВПРИ. Ф. Сношения с Турцией. 1769. Д. 8. Л. 123; Дружинина Е. И. Указ. соч. С. 131

¹⁵⁵ Там же. С. 102

важно, предостерег французов и испанцев от попытки вмешательства. Статс-секретарь лорд Рошфор поведал российскому послу о мечтах кабинета: «Как я бы желал, чтобы мы были в войне с Францией! Два соединенных флота наделали бы прекрасных вещей!»¹⁵⁶.

Французы не дерзнули бросить вызов двум державам и закрыли глаза на проплывавший вдоль их берегов флот. Они воображали, что занимают позицию третьего радующегося. Ведавший иностранными делами герцог Э. Ф. Шуазель инструктировал посла в Петербурге: «Е.в. желает, чтобы война России и Турции продолжалась до тех пор, пока петербургский двор, униженный или по крайней мере истощенный, не будет думать об угнетении соседей и о вмешательстве в общеевропейские дела»¹⁵⁷. Одним словом, марш в свой медвежий угол и сидите там смиренно!

Пока в Париже предавались сладким грезам, эскадра Спиридова миновала Гибралтар и в Италии взяла на борт Алексея Орлова, назначенного командующим всеми войсками в Средиземноморском бассейне. В феврале 1770 года она достигла полуострова Морея в Греции. Десант с кораблей, поддержанный восставшими эллинами, взял местечко Мизидра (некогда знаменитую Спарту); в апреле пала крепость и порт Наварин, превращенный в операционную базу российского флота (20 линейных кораблей, 24 фрегата, 8 тысяч штыков десанта на борту). Правда, турки подтянули крупные силы, рассеяли отряды повстанцев, и город пришлось оставить. А.Г Орлов и Г. А. Спиридов взяли реванш в Чесменском морском сражении (между островом Хиос и материком). Турецкий флот из 16 линейных кораблей и 6 фрегатов был уничтожен, людские потери неприятеля достигали 10 тысяч. По словам Спиридова, вражескую эскадру «атаковали, разбили, разломали, сожгли, на небо пустили и в пепел обратили, и оставили на том месте престрашное позорище»¹⁵⁸.

Не менее громкие победы были одержаны на сухопутном театре. Возшла полководческая звезда Петра Александровича Румянцева. Он разбил неприятеля в трех сражениях: у Рябой могилы (июнь), у Ларги (июль); 21 июля (1 августа), имея 17 тысяч солдат и офицеров, он разгромил главные турецкие силы (150 тысяч) на реке Кагул, притоке Дуная. Противостоять умелому маневру и штыковому удару обученной по-европейски пехоты турки не смогли, личная отвага янычар не помогла. Обозначился основной тактический прием в противоборстве с османской армией – выманивать ее из крепостных стен в чистое поле и там громить. Румянец занял южную часть Бессарабии, Буджак, с крепостями Измаил, Килия, Аккерман и Бендеры, овладел дунайским портом Браиловом (Брэилой). Успехи представлялись значительными и позволяли надеяться на скорое заключение мира.

Еще 15 марта 1770 года Совет при высочайшем дворе занялся крымскими делами и «обще согласился», что подвластные хану татары «по их свойству и положению никогда не будут полезными подданными». В поисках наиболее рационального решения вопроса совет учитывал международную ситуацию: «...беспосредственным к себе подданством Россия возбудит противу себя общую и небезосновательную зависть о беспредельном намерении умножения своих областей; что от сего, однако ж, благоразумие научает». Трудно удержаться от похвалы этой мудрой мысли. Далее следовало ее логическое продолжение: «Велико и знатно быть может приращение силам и могуществу российским, если они отторгнутся от власти турецкой и оставлены будут навсегда собою в независимости». Видимо, вельможи рассуждали не без подсказки Екатерины, которая еще раньше задавалась вопросом: «не можно ли будет Крым и все татарские народы поколебать в верности Порте внушением им мыслей к составлению у себя независимого правительства?»¹⁵⁹.

¹⁵⁶ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 14. С. 230

¹⁵⁷ ННИ. 1996. № 1. С. 56; Черкасов П. П. Франция и Русско-турецкая война, 1768–1774 гг.

¹⁵⁸ Тарле Е. В. Чесменский бой // Сочинения. Т. 10. М., 1959; Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 14. С. 364

¹⁵⁹ АГС. Т. 1. Стб. 43–44; Соловьев С. М. История России... Кн. 14. С. 299

Существовало, однако, большое «но» на пути осуществления этих планов – сами татары отлагаться от Османской империи не собирались. Каплан Гирей, будучи информирован Румянцевым о вынашиваемых в Зимнем дворце замыслах, ответил обескураживающе: «Мы Портою совершенно довольны и благоденствием наслаждаемся. В этом твоём намерении, кроме пустословия и безрассудства, ничего не заключается»¹⁶⁰. И все же после Кагула три орды отложились от турецкого подданства.

Военные успехи, явное тяготение балканцев к России порождали тревогу у европейской дипломатии. Пришло время уточнения условий намечаемого мира, дабы возникшие опасения рассеять и толки о чрезмерном усилении могущества России пресечь. От посла в Вене Д. М. Голицына поступала информация о концентрации австрийских войск поблизости от фланга Дунайской армии, а Фридрих II проявлял повышенный и явно небескорыстный интерес к вынашиваемым в Петербурге замыслам относительно мира. Царица набросала краткую записку с изложением своих планов. Н. И. Панин доложил их совету 16 сентября 1770 года. Они предусматривали удержание Азова и Таганрога, предоставление независимости Крыму. Дунайские княжества предоставлялись России на 25 лет с тем, чтобы она возместила убытки войны. Но тут же следовало важное разъяснение, из которого вытекало, что указанный пункт – служебного характера и не исключал выдвижения иного требования: «Понеже Е.и.в. с самого своего восшествия на престол доказала своею политическою системою, что она не ищет распространения своей империи приобретением себе земель», и она готова пожертвовать убытками, «если Молдавия и Валахия оставлены будут в независимости и Дунай будет поставлен турецкою границею»¹⁶¹.

19 января 1771 года царица отправила письмо королю Фридриху с изложением российских притязаний: Кабарда и Азов переходят к России, обеспечивается свободное плавание по Черному морю. «Я могла б быть вознаграждена уступкою Молдавии и Валахии, но я откажусь от этого вознаграждения, если предпочтут сделать два княжества независимыми». Тем самым она продемонстрирует свое бескорыстие, а Вена должна быть довольна «соседством маленького молдовалашского государства, несравненно более слабого и независимого равно от трех империй» (Османской, Австрийской и Российской)¹⁶². «Я не подвигаю своих границ ни на пядь», – заключала государыня свое послание.

Зондаж в Берлине успехом не увенчался, правда, Фридрих прислал отказ не от своего имени, а спрятался за спину австрийцев: условия насчет Крыма и Дунайских княжеств «встретят непреодолимое сопротивление» со стороны Стамбула и Вены. Россия может рассчитывать на Кабарду, Азов и свободу плавания по Черному морю. Екатерина обиделась: после двух лет кровопролитной войны ей предлагают то, чем Россия уже располагает, за исключением пункта насчет судоходства¹⁶³.

В Вене с российским послом князем Д. М. Голицыным обходились с подчеркнутой холодностью: «Их императорские величества почтили меня благосклонным об индифферентных материях разговором». Похоже было, что двор откладывал беседы по существу неспроста: Голицын с тревожной регулярностью сообщал о концентрации войск в Трансильвании, поблизости от фланга Дунайской армии Румянцева. Всего к переброске намечалось 60 тысяч человек, 9 венгерских пехотных полков, 10 австрийских, 7 хорватских, 16 кавалерийских, включая 3 гусарских. Такими силами Румянцев не располагал, имея всего 45 тысяч

¹⁶⁰ Там же. С. 355

¹⁶¹ АГС. Т. 1. Стб. 68

¹⁶² Соловьев С. М. Указ. соч. С. 455

¹⁶³ Сб. РИО. Вып. 20. СПб., 1877. С. 291–292, 296–300

штыков и сабель¹⁶⁴. Кайзер Иосиф II зачастил на «гульбище» в Пратер – наблюдать за проходившими там учениями войск. Ему уже приготовили походную церковь.

11 мая 1771 года Екатерина начертала «Быть по сему» на документе, озаглавленном «Конфиденциальное изложение намерений», содержащем условия мирного урегулирования. Она свидетельствовала в нем, что «не желает распространять свои владения путем завоеваний, постоянным правилом, на коем она основывает свою славу, является счастье и спокойствие подданных». Ее цель – добиться возмещения убытков, обеспечения границ империи, укрепления мира, снятия преград с черноморской торговли; она желает сделать соседство с Крымом «менее беспокойным», ханство должно не «под одиозным игом» находиться, а пользоваться «всеми правами и прерогативами свободного и независимого государства и народа»¹⁶⁵. Из Вены поступил запрет на все, «мир на таком основании даст Российской империи громадное могущество, а империи Оттоманской – падение в перспективе, более или менее отдаленное, но неизбежное», сопровождаемый угрозой: венский двор «не может долго оставаться спокойным зрителем»¹⁶⁶.

На деле позиция одного двора нимало не напоминала созерцательную. В Трансильвании сконцентрировался ударный кулак, в Стамбуле интернунций (посол) И. А. Тутут вступил в переговоры о союзе с Портой. Султан был в восторге, обещал не скупиться и выделить цесарцам 3–4 миллиона гульденов на военные нужды.

Дальше – больше. К глубокому огорчению императрицы-матери Марии Терезии, всю жизнь ненавидевшей прусского монарха, ее сын и соправитель Иосиф дважды встречался с Фридрихом. Особенно знаменательная беседа состоялась во время свидания в Нойштадте (ныне – Нове-Место в Чехии) в сентябре 1771 года. Иосиф не считал нужным скрывать перед пруссаком свои планы: надо воспрепятствовать «скорому и постыдному миру». Брату Леопольду он писал: «Если русские прорвутся и подойдут к Адрианополю, для нас наступит время двинуть войска на Дунай для отрезания им обратного перехода, во время которого армия их может быть уничтожена».

К удовлетворению собеседников, в Нойштадт прибыли турецкие уполномоченные, предложившие им взять на себя посреднические функции при заключении мира. Фридрих предложил присоединить к процедуре и носителя английской короны.

Игра была шита белыми нитками, посредничество предполагает участие, а стало быть, и воздействие на них, и понятно, кому на пользу. Все это уловила Екатерина, как и то, что старый Фриц прикрывается австрийской ширмой. В его переписке она усмотрела «мелкую зависть и угрозы», но «не прямо от него, все это положено на счет венского двора», и именовала «потсдамского философа» «адвокатом турок». Услуги были вежливо, но твердо отклонены, тем более, что и французская дипломатия собиралась вмешаться в процесс. Трудность для последней заключалась в том, что Екатерина тогда вообще не допускала посла Бурбонов пред свои очи. В Париже решили воспользоваться пребыванием в Петербурге Дени Дидро. Знаменитый философ по вечерам беседовал с императрицей. Однажды он, явно смущаясь, протянул ей конверт, заметив, что не хочет угодить в Бастилию в случае отказа выполнить данное ему поручение. Екатерина засвидетельствовала, что не собирается доставлять ему подобную неприятность, взяла письмо и швырнула его в камин, в котором пылал огонь¹⁶⁷. На сем французские попытки вторгнуться в российско-турецкий конфликт прекратились.

Отделаться столь же легко от австрийцев не представлялось возможным. В декабре 1771 года до Коллегии иностранных дел дошли сведения о тревожном и уже совершившемся

¹⁶⁴ АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1770. Д. 507 Л. 50; 1771. Д. 513. Л. 21

¹⁶⁵ Там же. Д. 293. Л. 1–2, 5–19

¹⁶⁶ Соловьев С. М. Сочинения. Т. 14. С. 459–461

¹⁶⁷ Там же. С. 382–384; Туполев Б. М. Фридрих II. Россия и первый раздел Польши // ННИ. 1997. № 6

факте – об австро-турецком договоре от 7 июля, названном субсидным. Пронырливости осведомителей посла Д. М. Голицына не хватило на то, чтобы вовремя проведать о беседах интернунция с везирами, увенчавшихся подписанием документа, по которому Вена обязалась добиться от России «путем переговоров или силою оружия» (!) заключения мира на условиях возвращения Турции занятых неприятелем «крепостей, провинций и территорий». Собираясь лишить Россию земель, занятых ценой большой крови, Габсбурги выговаривали себе в обмен на услугу лакомый кусок – Олтению (Западную или Малую Валахию) и субсидию в 20 тысяч кошельков (4 миллиона пиастров)¹⁶⁸.

Подобного коварства Панин не ожидал даже от венцев и счел поступившие сведения «едва ли подлинными», хотя тут же заметил: «здравая политика велит готовиться на все случаи жизни»¹⁶⁹. В марте следующего года англичане услужливо предоставили в его распоряжение копию субсидного договора. Информации не хотелось верить, и ее подлинность решили еще раз проверить, чтобы подтвердить или опровергнуть, и Д. М. Голицын, подкупив кого нужно, заимел наконец бумагу – «какую надежным каналом получился. Ежли истину сказать, так за деньги»¹⁷⁰.

Ситуация сложилась мрачная, почти угрожающая. Панин шифром и по-русски излагал свою досаду, кляня Габсбургов и приписывая их интриги «высокомерному желанию дать России восчувствовать потерю австрийского союза»; но гласно, открытым текстом, по-французски и по почте, для прочтения в соответствующем австрийском ведомстве, он просил заверить канцлера В. А. Кауница, что он, Панин, всегда высоко ценил его «честность, верность и добрую волю»¹⁷¹.

Екатерина не менее своего министра была возмущена пакостями «цесарцев»: «Венский двор не всегда почитал за верх своего благополучия соседство турков и для того прежде не столь много имел попечения о сохранности и целостности всей их области; но, как бы то ни было, я чаю, что наши кондиции не им на суд отданы. Их устраивает диктовать мир». Заканчивала царица свои рассуждения с обычной бодростью: «Но не диктаторам осуществлять власть над Россией». У габсбургских дипломатов не хватит ни силы, ни воли, ни нервов, ни гибкости, чтобы воплотить задуманное в жизнь. Она пришла к выводу, что рычаг для достижения поворота в австрийской политике лежит в Дунайских княжествах и что с мыслью об их отторжении от Османской империи придется расстаться. Оставалось поманить Вену перспективой территориального расширения «до самого Белграда, как о сем разговоры уже были со стороны князя Кауница»¹⁷². Предстояло еще озаботиться сохранением за Молдавией и Валахией привилегий, которыми они традиционно пользовались. Панин выдвинул также идею амнистии по мирному договору, всем, кто поднял оружие против Порты.

Бремя войны тяжело ощущалось в России. Иностранные дипломаты, строя свои умо- заключения исключительно на расчетах и подсчетах, не вторгаясь в область национальной психологии, пренебрегая чувством православной солидарности, приходили к выводу, что дела у страны плохи. Британец Ч. Кэткарт в доверительном письме делился своими наблюдениями: «Армии раздражены. Офицеры всех чинов выходят в отставку, люди измучены болезнями, усталостью и дурным управлением, более разрушительным, чем неприятельское оружие», корабли в состоянии, близком к аварийному. «Дарданеллы неприступны, блокада Константинополя бессмысленна». Деревня обескровлена рекрутскими наборами. «Казна еще совершенно не истощена, но весьма обеднела». Ощущается недостаток людей

¹⁶⁸ Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 15. М., 1995. С. 63

¹⁶⁹ АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1772. Д. 532. Л. 3–6; 1771. Д. 520. Л. 34–36

¹⁷⁰ Сб. РИО. Вып. 19. С. 259; АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1772. Д. 532. Л. 1

¹⁷¹ АВПРИ. Ф. Венская миссия. 1771. Д. 39. Л. 107; 1772. Д. 42. Л. 61

¹⁷² Письма и записки Екатерины II к графу Н. И. Панину. М., 1863. С. 118–119

способных, сведущих и честных. «Зависть и ненависть к иностранцам». В общем, все плохо. Сменивший Кэткарта Р. Гэннинг выражал уверенность (июль 1772 года), что Россия еще одну кампанию не выдержит, а уж если «шведы осмелятся действовать наступательно, ничто не помешает им овладеть Кронштадтом и этой столицей» (Петербургом).

Набор шел за набором, и в 1772 году Румянцев отзывался о рекрутах: «слабая неучь»¹⁷³.

«Старый Фриц» воспрянул духом: теперь уж Россия будет цепляться за союз с ним – и удвоил хлопоты по примирению Вены и Петербурга в ущерб интересам последнего. Он информировал Иосифа, что царица склоняется к оставлению Дунайских княжеств в составе Османской империи. В инструкциях Г. Г. Орлову, на которого возложили миссию миротворца, выражалась надежда на полное согласие венского двора «на положенные нами основания мирных переговоров». «Про себя», судя по всему, в Коллегии иностранных дел не были уверены, что подобной уступкой удастся отделаться, и Панин, в качестве запасного, предусматривал совсем уж варварский вариант, предложив на заседании совета, в случае удара австрийской армии по Валахии, отступить из княжеств, разоряя местность, дабы «цесарцы» не могли двигаться вперед¹⁷⁴.

Молодой шведский король Густав III, двоюродный брат Екатерины по матери, совсем от рук отбил, учинил государственный переворот (август 1772 года) и восстановил в стране абсолютную власть монарха. Государыня тревожилась: «Есть ли французская партия власть возьмет, то сомнения нет о возобновлении комедии 1741 года» (войны Швеции с Россией).

Худшего – войны на двух фронтах – удалось избежать, но общий фон оставался мрачным для Петербурга и благоприятным для Берлина. С учетом этого фактора следует рассматривать события, связанные с разделом Польши, которого добивался Фридрих. Эмиссаром к Екатерине он отправил брата, принца Генриха, коего императрица считала воплощением негибкости и спеси, сама внешность августейшего посланца навевала на нее мысль о крещенском морозе. Правда, дипломатического искусства от него на сей раз не требовалось, в Петербурге пришли к выводу, что отвлечь венский двор от антирусской диверсии на Балканах и занять его по-крупному в другом месте можно одним способом – дав добро на раздел Речи Посполитой, поманив его «пристойным приобретением»: «... не лутче ли будет и для двора сделать приобретение и вместо того, чтоб заводить оной в неизвестную и опасную войну, увеличить без всяких дальностей часть свою на счет Польши», – излагались заманчивые доводы в депеше Д. М. Голицыну, явно предназначенной для ознакомления Иосифу II и Кауницу. От такой добычи Вена отказаться была не в силах, хотя и причитала по поводу бедности предназначенных ей по разделу земель, которые-де «не столько прибыли, сколько хлопот, замешательств и тягости причислить должны», это не то что лакомый кусок, предназначенный для Пруссии¹⁷⁵.

В июне 1772 года Кауниц пригласил себе Голицына и с цинизмом, редким даже в истории дипломатии, поведал ему о том, что посол давно знал – о подкопе под «дружественную Россию» в виде субсидного договора. Теперь же, заверял канцлер, поскольку Зимний дворец, из уважения к Вене, согласился «не удерживать двух княжеств, молдавского и волоцкого», и учитывая, что за сим последовали и «иные ласкательные... обстоятельства», выразившиеся «в отделении некоторых провинций от Польши», Австрия решила изменить курс¹⁷⁶.

Но не одни «ласкательства» имели вес. Далекое не все разделяли воинственный азарт кайзера Иосифа. Военные авторитеты боялись заблудиться в просторах России, сознавая,

¹⁷³ Сб. РИО. Вып. 19. С. 165–167, 286–287, 305; АВПРИ. Ф. Сношения с Турцией. 1772. Д. 1679. Л. 58

¹⁷⁴ Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 14. С. 473, 521; АГС. Т. 1. С. 197

¹⁷⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1771. Д. 39. Л. 110–111; Ф. Сношения с Австрией. 1772. Д. 532. Л. 58

¹⁷⁶ Там же. Л. 12–15

что с соседкой легко развязать войну, но трудно завершить ее успехом. Пугало и другое – ринувшись на восток, австрийцы неизбежно оголили бы свои позиции в Центральной Европе и предоставили в ней свободу действия Фридриху II, которому будет достаточно двинуть корпус в 20 тысяч человек для захвата Богемии, кроме того, он сможет обрушиться на Австрийские Нидерланды (Бельгию). И что тогда? Подписав субсидный договор, венские стратеги предались запоздалым размышлениям, испугались содеянного и не стали его ратифицировать.

Недовольных возглавила императрица-мать Мария Терезия. Две войны – за Австрийское наследство (1740–1748 годов) и Семилетняя (1756–1763 годов) – истожили монархию, и она не желала испытывать судьбу в третьей: «Я прихожу в ужас при мысли, сколько крови было пролито в мое царствование». Своего первенца она упрекала в том, что тот действует «по-прусски» (что в ее устах означало «по-разбойничьи»), стремясь при этом соблюсти видимость приличия. Дипломаты сообщали чуть ли не о ежедневных стычках старой дамы с сыном. Ее замучили угрызения совести, и она изливала свои чувства в письмах: «Мы в союзе с Портою, мы взяли у нее деньги; никогда не решусь ее обобрать» (намек на планы отторжения Малой Валахии). Окружающие прибегли даже к услугам духовника, чтобы утешить ее душевные раны и успокоить, по выражению СМ. Соловьева, ее «боязливую совесть»¹⁷⁷.

Ее молодой соправитель, похоже, тоже испытывал сомнения – Д. М. Голицын разузнал о его разговорах в узком кругу: от раздела Польши выиграет прежде всего Пруссия, Речь Посполитую надо было бы оставить в покое, а притязания удовлетворить за счет Турции¹⁷⁸. Видимо, он приходил к мысли, что Екатерину на балканском направлении остановить все равно не удастся, а раз так, следует войти с нею в долю. Но к столь крутому виражу он еще не был готов.

Пустив в ход польскую карту, сняв прежние возражения против ее раздела, российский кабинет убивал сразу трех зайцев: Пруссия по уши влезала в польские дела и, по меткому выражению Ф. Энгельса, «садилась на русскую цепь»; ее резвый не по возрасту король терял интерес к сотрудничеству с Австрией и вступал с ней в соперничество; внимание Вены переключалось на север, она переставала бряцать оружием в опасной близости от театра военных действий. В итоге Порты лишалась поддержки прежних конфиденентов, приступивших к растерзанию Речи Посполитой.

Обижать короля Станислава Августа Екатерине и ее окружению не хотелось, поэтому императорский совет принялся обдумывать, как бы компенсировать ему потери, наносимые российской стороной. И тут мы вступаем в область балканских дел. Выдвинутое ранее предложение – объявить независимость Дунайских княжеств – объяснялось чувством долга в отношении христиан, обуревавшей императрицу гуманностью и ее незаинтересованностью в территориальных приобретениях. А не столь гуманный Н. И. Панин (явно с ее ведома) на заседании совета предложил передать Молдавию и Валахию Речи Посполитой в возмещение понесенных ею потерь¹⁷⁹. Предусматривалась бесцеремонная сделка без согласия и ведома даже высшего боярства и духовенства, не говоря уже о жителях. Видимо, сама идея могла возникнуть потому, что приоритетным направлением политики продолжало оставаться крымское («сие требование наше есть узел гордианский»). А балканское занимало еще подчиненное положение¹⁸⁰. Осуществись этот замысел, путь на Балканы был бы перекрыт Речью Посполитой и пришлось бы отказаться даже от плана установить свое влияние

¹⁷⁷ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 14. С. 380, 532; Madariagal. Op. cit. P. 225

¹⁷⁸ АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1772. Д. 532. Л. 12–15

¹⁷⁹ Дружинина Е. И. Указ. соч. С. 139; АГС. Т. 1. Стб. 83–84

¹⁸⁰ Дружинина Е. И. Указ. соч. С. 161

в регионе. Оставление Дунайских княжеств в составе Османской империи сняло вопрос с повестки дня.

Первый раздел Речи Посполитой привел к пертурбации в расстановке сил в Юго-Восточной Европе. Мария Терезия выразила твердое намерение не ссориться с Россией, рассыпав тем самым карточный домик затеянных ее сыном интриг. Иосиф, пожаловавшись на властную мать, стал перестраивать свои дипломатические батареи: раз не удалось заставить Россию выйти из войны с пустыми руками – пусть она длится возможно дольше. Субсидный договор остался нератифицированным. В Петербурге поздравили себя с «переменной мыслью венского двора», которому пришлось выбираться из паутины сотканной им козней. Мария Терезия сокрушалась по поводу того, что припозднились с расчисткой грязных углов внешнеполитической кухни, и сожалела о провокационной военной демонстрации в Трансильвании и «несчастной конвенции с турками»¹⁸¹.

Интернунцию И. А. Тугуту пришлось сокрушать им же содеянное – отказаться от подписанного субсидного документа (при этом австрийцы об уже полученных миллионах пиастров благоразумно «забыли»). Пойти на разрыв с Веной возмущенные турки не решились. Тугут обещал им содействие в сохранении Крыма и Дунайских княжеств, так что скрытое недоброжелательство в отношении Петербурга продолжалось, но свобода маневра была утрачена. Намечавшийся антироссийский фронт держав остался в проекте. Очутившийся в одиночестве Людовик XV стал искать если не сближения, то, во всяком случае, установления сносных отношений с Екатериной. Кольцо окружавшей Россию вражды удалось разорвать. И главное, в 1771 году сравнительно легко был занят Крым, многие мурзы перешли под высокую руку императрицы.

Стратегическое и политическое значение акции было трудно переоценить. Османская держава лишилась «алмаза» своих владений, Черное море перестало быть турецким озером. Все это подвигало Высокую Порту к серьезным переговорам. Сперва рязались об их месте. Предложение избрать местом переговоров Стамбул российская сторона отвергла с порога, все помнили, что в петровские времена царские «миротворцы» оказывались за решеткой по причине своей несговорчивости. Бухарест тоже сочли неподходящим – уж очень удобно было наблюдать за прорехами в российском военном хозяйстве. Остановились на маленьком городке Фокшаны.

Понадобились три победоносные кампании, пришлось разобрать многочисленные дипломатические завалы, чтобы усадить турок за стол переговоров. Демонстрируя добрую волю, османы освободили А. М. Обрескова из заточения. Отдыху и поправлению здоровья после перенесенных испытаний он предпочел участие в завязавшихся сношениях. На роль первого уполномоченного скромный дворянин, далекий от света, прошедший полжизни в Турции, не мог претендовать. На его долю выпала черновая работа – подготовка и редактирование артикулов. Главным императрица назначила, не по знанию дела, а по близости к трону, графа Григория Григорьевича Орлова, хотя ни у кого и мысли не возникало о наличии у него дипломатических талантов. Султан поставил во главе своей делегации Османа эфенди, хранителя государственной печати. Великий везир лестно отозвался о его способностях: «Собрание всех знаний и добродетелей, источник красноречия, сокровище правописания» (даже!). В маленький валашский городок отправились для надзора (официально – для оказания добрых услуг) посланники Австрии и Пруссии И. А. Тугут и А. Цегелин, сопровождаемые свитой в 500 человек, и каждый потребовал, помимо помещения и пищи, по 40 лошадей, и все это – за российский счет. Орлов привез с собой еще более многочисленную толпу¹⁸².

¹⁸¹ Arneth A. Joseph II und Katarina fon Russland. Ihre Briefwechsel. Wien, 1869. Bd. 1. S. 362

¹⁸² Дружинина Е. И. Указ. соч. С. 175

В 6 верстах от Фокшан спешно выстроили резиденции для делегаций. После неизбежного препирательства, в чьем шатре начинать заседания, конференция открылась в конце июля 1772 года. Ту гут попытался было участвовать в ней на равных правах, Орлову пришлось «разъяснять», что приняты лишь добрые услуги двух немецких дворов и что он намерен вести дело «беспосредственно с Портою Оттоманскою без всяких затруднений и околичностей»¹⁸³.

Орлов сразу же обнаружил отсутствие такого драгоценного на Востоке качества, как терпение. Он пренебрег инструкцией – сперва выдвинуть принцип *uti possidetis* (чем владеешь), чтобы иметь резерв для отступления, и начал с требования признания независимости Крыма, самого неприемлемого для турецкой стороны: «Понеже история и испытания всех времен доказательствуют ясно, что главнейшею притчиною раздоров и кровопролития между обеими империями были татары, то для истребления сей притчины для переду надлежит признать сии народы независимыми». Турки были шокированы и ответили, что «нынешний султан содержал их в тишине». Далее в протоколе сказано: «Граф Григорий Григорьевич прервал тут несходное толкование...»¹⁸⁴.

А. М. Обресков, как мог, латал прорехи в тонкой ткани переговоров, причиненные его знатным и порывистым коллегой. 8 октября состоялась «особливая конференция» меж тремя – Орловым, Обресковым и Османом эфенди. Обресков завел речь издалека: «Сей народ был волен до султана Селима II». Осман «от себя лично» согласился «на свободу татарскую». Но тут вмешался Орлов и тоже «от себя лично» предложил, чтобы «Порта оставила или уступила свои права на татар, а императрица обещает со своей стороны им даровать свободу в пристойное время»¹⁸⁵.

Переговоры забуксовали, а потом зашли в тупик. Обсуждать другие вопросы Орлов отказался, до него дошли сведения, что его «случай миновался», и скоро к приятному положению фаворита придется добавить досадную приставку «экс». Екатерина устала от взбалмошного и капризного не по способностям возлюбленного. Орлов, загоня лошадей и обгоняя фельдъегерей, поскакал в Петербург. Он разминулся с гонцом, везшим инструкцию, а она была составлена в необычайно резких для царицы тонах и кривотолков не допускала: дела империи – в «самом важнейшем кризисе», Станислав Август противится разделу Польши, донские и яицкие казаки в волнении (что предвещало крестьянскую войну Емельяна Пугачева). Государыня выражала крайнее сожаление по поводу срыва переговоров: «В самое сие время озабочивается наше серьезнейшее примечание на аспекты, происходящие из перемены шведского правления. Тем паче мы принуждаемы находимся изыскать все удобь возможнейшие средства к скорейшему поправлению есть ли только возможно разорванной с вами негоциации». Орлову советовали (что было равнозначно приказу) не покидать берегов Дуная, выступая то ли в роли уполномоченного на переговорах, то ли генерала в армии Румянцева. Последнему велели «оседлать Дунай» и «разогнать» неприятельские войска, правда, неясно, какими средствами, потому что предназначавшиеся для пополнения сил фельдмаршала войска отправились к шведской границе¹⁸⁶: король Густав III, двоюродный брат Екатерины по материнской линии, произвел в 1772 году государственный переворот, восстановил в стране абсолютистское правление и, как она опасалась, собирался напасть на Россию.

Григория Григорьевича перехватили недалеко от столицы и рекомендовали ему отдохнуть от ратных дел, пожить в Москве, а еще лучше – съездить за границу, поправить подо-

¹⁸³ АВПРИ. Ф. Сношения с Турцией. 1772. Д. 1678. Л. 81–82

¹⁸⁴ Там же. Д. 1685. Л. 49–50, 53, 55

¹⁸⁵ Там же. Д. 1678. Л. 103, 113–114

¹⁸⁶ Там же. Д. 1688. Л. 5, 8

рванное здоровье. Императрица избегала встречи со своим экс-возлюбленным и на всякий случай распорядилась сменить замки на дверях, ведущих в ее личные покои.

Н. И. Панин начертал своего рода эпитафию по поводу околодипломатических упражнений Г.Г. Орлова: «Новозародившееся бешенство и колобродство первого товарища вашего, – писал он Обрескову, – испортили все дело»¹⁸⁷. Доля яда и напраслины в его рассуждениях имелась, так как и искусному в переговорах мужу вряд ли было под силу преодолеть турецкое упрямство. Но поскольку в Османской империи дела находились в состоянии несравненно худшем, чем в Российской, ее сановники не стали хлопать дверью.

Нового знатного дилетанта в Фокшаны не послали. На плечи действительного статского советника Обрескова легла задача невероятной сложности. Екатерина предавалась мрачным размышлениям (записка от 9 октября 1772 года): «Есть ли при мирном договоре не будет одержана независимость татар, не кораблестроение на Черном море, не крепости в заливе из Азовского в Черное море, то за верно сказать можно, что мы за всеми победами над турками не выиграли ни гроша, и я первая скажу, что таковой мир столь же как Прутской и Белградской в рассуждении обстоятельства»¹⁸⁸.

Делегации перебрались в Бухарест, стояла глубокая осень, и в наскоро сколоченных и продуваемых ветром шатрах было несподручно вести неторопливые беседы. А. М. Обрескова, оставшегося за главного, встретили в валашской столице «непрестанным колокольным звоном и игранием на разных музыкальных инструментах». Переговоры, возобновленные 29 октября, он вел во всеоружии опыта и знаний, накопленных многолетним пребыванием на Востоке, а также тремя годами заточения в Семибашенном замке и следования в обозе османского войска. Он не спешил с обсуждением болезненно воспринимавшихся турками крымских дел и лишь 12 ноября заговорил о независимости ханства и свободе судоходства по Черному морю. Возглавивший к тому времени османскую делегацию реис-эфенди Абдул Резак не отверг предложений с ходу, а попытался, под видом поправок, выхолостить их содержание: ханы из династии Чингизидов должны по-прежнему утверждаться султаном, Порта удержит в Крыму крепости и право назначать в ханство судей.

Столь же круто Абдул Резак повел себя в отношении судоходства: торговые суда под российским флагом не должны были иметь пушек на борту и права выходить в Средиземное море (то есть проливы для них оставались закрытыми). Ни один порт на побережье русским не предоставлялся. Реис-эфенди предложил перегружать в Стамбуле товары с черноморских судов на средиземноморские. Возмущенная Екатерина направила записку в совет: «Я ни под каким видом не хочу, чтобы мне турки предписали, какой род кораблей иметь или не иметь на Черном море, не им России предписать законы, в противном случае еще могут отведать счастье...»¹⁸⁹.

Обресков явно по тактическим соображениям предложил оппонентам вернуться к принципу *uti possidetis*: «Княжества Молдавское и Волоское с крепостями Хотинскою, Ибраиловскою и Журжевскою, российским оружием приобретенные, по силе военного права должны принадлежать России». От них, однако, можно отказаться, буде Порта «предоставит во взаимство размерное удовлетворение». А тут подоспела весть о подписании 1 ноября 1772 г. договора с Крымом «о вольности и независимости татарской», включавшего пункт, по которому крымцы «противу России никому ни в чем и ни под каким претекстом вспомоществовать не имеют»¹⁹⁰. Россия оставляла за собой крепости Керчь и Еникале, что обес-

¹⁸⁷ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 14. С. 14, 23

¹⁸⁸ АВПРИ. Ф. Сношения с Турцией. 1772. Д. 1685. Л. 128

¹⁸⁹ Дружинина Е. И. Указ. соч. С. 215

¹⁹⁰ Там же. С. 209, 221, 245

печивало свободный выход из Азовского моря в Черное. У Обрескова на руках оказались козырные карты, туркам нечего было и помышлять о выдворении россиян с полуострова.

В ожидании инструкций из Стамбула делегации продолжали неторопливые беседы. В отношении балканских дел особый интерес представляют предложения, которые Обресков выдвинул без указаний от императрицы и которые свидетельствуют о его прозорливости и способности мыслить стратегически. Они включали пункт о размене пленных – поляков, молдаван, валахов, греков и грузин – и являлись своего рода заверением, что и в будущем Россия не оставит своих сторонников в беде (по словам самого Обрескова, «ревность и преданность» не должны приводить к жертвам)¹⁹¹. Но самыми существенными явились пункты о покровительстве православным: «Чтоб позволено было в Константинополе в части, называемой Пера или Бей – Углу, для духовных, Греко-российский закон исповедующих, воздвигнуть церкви; сия была <б> под протекциею российских министров и защищаема от всяких притеснений»; «чтоб христианский закон и церкви были с большим тщанием от Порты защищаемы и чтоб умеренные российских министров в пользу христианских церквей представления принимаемы благосклонно были». Эти предложения заключали в себе зародыш будущей балканской политики России.

То, что мысль о международно-правовом оформлении покровительства турецким христианам принадлежала не Н. И. Панину и не совету при высочайшем дворе, а дипломату-исполнителю, говорит не в пользу их геостратегической прозорливости. Правда, и Обресков действовал под влиянием злобы дня: жители ему «беспрерывно докучали об исходатайствовании им сего Богу угодного благодеяния; многажды же представляли готовность их и потребные на воздвижение храма издержки на себя перенять». Поверенный в делах в Стамбуле П. С. Левашов добавлял к соображениям Обрескова нечто очень полезное и для Петербурга соблазнительное: «окромя набожности, высочайший двор приобрести может в народах сих усердие и преданность, столь полезную для всегдашних его в здешних делах интересов»¹⁹².

Особого внимания заслуживали Дунайские княжества. После решения вернуть их Порте следовало озаботиться об юридическом ограждении их от произвола турецких властей. Информации к размышлению накопилось предостаточно. Одновременно с большой конференцией в Бухаресте происходила своего рода малая конференция, на которой элита молдавско-валашского общества, великие бояре и высшее духовенство, излагали российским властям свои пожелания. С их подачи была найдена формула, в какой-то степени удовлетворявшая обе стороны. Ее изыскали в прошлом: княжества вошли в состав Османской империи в XV–XVI веках, сохранив, хотя и в урезанном виде, свою государственность. На первых порах их зависимость от Стамбула ограничивалась выплатой дани. Но обязанности нарастали, и в XVIII веке султан своею властью назначал на престолы в Яссах и Бухаресте господарей (князей), причем не из местных уроженцев, а из числа влиятельных греческих аристократов, традиционно проживавших в стамбульском квартале Фанар (фанариотов). Княжеский титул покупался в буквальном смысле этого слова, кандидаты на должность не жалели золота на пути к престолу, задаривая сановников и даже обитательниц сераля. Поскольку его носитель в любое время мог быть смещен (средний срок правления составлял 3 года), то он спешил обогатиться сам и удовлетворить алчность своих приспешников. Суть исходивших от местной элиты пожеланий сводилась к возврату к прежнему состоянию: невмешательству Порты в дела внутреннего самоуправления, избранию православного господаря высшим духовенством и боярством, фиксированной дани. В полном соответствии с этими пожеланиями двор предписал Г. Г. Орлову и А. М. Обрескову «при уступке Молдавии

¹⁹¹ Там же. С. 221, 245

¹⁹² Там же. С. 348, 222

и Валахии... выговорить в пользу сих двух княжеств и всех в них без изъятия жителей... совершенную и полную амнистию, с содержанием их впредь от Порты неотменно при всех тех правах и преимуществах, с коими каждое из них пришло под власть турецкую»¹⁹³.

А. М. Обресков, оставшись в одиночестве после поспешного отъезда графа Григория Григорьевича, сознавал, что круг вопросов, связанных с положением турецких христиан, требует особого искусства и осторожности в подходе к ним и в трактовке. Османская империя прочно занимала место среди великих держав, война длилась три года, и конца-краю ей не виделось, правовых основ для включения указанных положений в мирный договор не существовало: «Точное требование одного дозволения не можно утверждать на каком-либо праве». Обресков полагал, что искомого покровительства над турецкими христианами можно добиться, придав ему религиозную форму. Султан являлся халифом, верховным духовным главой всех мусульман, следовало добиться того же самого для российских императоров в отношении православных. Вопреки грустной поговорке «Всякая инициатива наказуема», царица одобрила самодеятельность своего дипломата: «А пробуя придуманные вами самими и реис-эфенди предложенные артикулы сверх инструкции, признали мы в оных плод персонального вашего усердия»¹⁹⁴.

Абдул Резак оказался твердым орешком, даже в невинном на первый взгляд пункте об амнистии он усмотрел подвох: «Сие есть то же самое, что и сказать им (то есть поднявшим оружие христианам. – *Авт.*): вы и в другой раз так поступите и вместо наказания награждаемы будете».

А тут замаячила «шведская диверсия» (угроза войны со Стокгольмом), и турки заупрямились пуще прежнего. Переговоры оборвались. 9 марта 1773 г. встречи прекратились, поступило повеление султана на территориальные уступки не соглашаться, а за возвращение Порте завоеванных российским оружием земель (включая Крым) предложить 30 тысяч кошельков пиастров (более 20 миллионов рублей)¹⁹⁵.

И все же нельзя сказать, что переговорная одиссея прошла бесплодно. В ее ходе уточнялись, «обкатывались», если так можно сказать, российские требования, постепенно, шаг за шагом, вырисовывалась программа дальнего прицела в восточном вопросе. С чем-то из нее турки смирились, что-то продолжали оспаривать, но они уже твердо знали, с чего им придется начать новый тур переговоров; надежда избежать крупных потерь маячила лишь в случае внутренних и внешних осложнений для России. Грянул пугачевский бунт. Кампания 1773 года успеха не принесла. Ощущался некомплект в составе, вооружении и снаряжении войск. Фельдмаршал П. А. Румянцев полагал, что его армии «едва станет... на защиту себя и удерживаемого края против стремлений неприятельских». В Петербурге его предупреждениями пренебрегли – велено было переправиться на правый берег Дуная. Прибывший на театр военных действий А. В. Суворов разбил неприятеля под Туртукаем (Тутраканом). Сам Румянцев с «корпусом небольшим в 13 000 пехоты» приступил к осаде крепости Силистрия, гарнизон которой насчитывал 30 тысяч человек. Удалось занять один редут. Засуха выжгла поля и луга, лошадей кормили камышом из речных плавней, и фельдмаршал вынужден был отвести войска с правого берега Дуная. Полководец пал духом: нужно вдвое, втрое больше людей под ружьем. В трудный час выползли из нор недоброжелатели, посыпались наветы. В письме императрице Румянцев намекнул на отставку. И тут Екатерина проявила себя с лучшей стороны: о клеветниках она слышать не желала, «ибо я слух свой закрываю от всех партикулярных ссор, ушинадувателей не имею, переносчиков не люблю и сплетен складчиков, как людей с вестьми, ими же часто выдуманнами, приводясь в несогласие, терпеть не

¹⁹³ Семенова Л. Е. Отношения Дунайских княжеств с Османской империей // НИИ. 1986. № 5. С. 70–73

¹⁹⁴ Дружинина Е. И. Русский дипломат А. М. Обресков // Исторические записки. Т. 40. М., 1952. С. 274

¹⁹⁵ Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир... С. 245, 227, 246

могу...». Она надеялась добиться мира в «нынешней кампании». Не вышло: «все наши мирные переговоры, как рак на мели, недвижны». Но ее доверие к полководцу не поколеблено: «Я вам рук не связываю... Более доверенности вы от меня уже желать не можете». И далее шли соображения насчет подкреплений и «магазинных» для армии¹⁹⁶.

Добрые советы императрицы не могли заменить недостававших войск, их просто неоткуда было взять. В сентябре 1773 года вспыхнуло пугачевское восстание. Под знамена мнимого Петра III стекались казаки, крестьяне, рабочие уральских заводов, башкиры, татары, казахи. Движение ширилось, перекачиваясь по Поволжью и Уралу. Россия переживала потрясение, невиданное со Смутного времени. Оппозиционная группировка знати, возглавляемая Н. Н. Паниным, приписывала все напасти самовластью. Чтобы стать могущественной и прочной державой, полагал Никита Иванович, надо обзавестись конституцией, сенату – обрести законодательные полномочия, дворянству возглавить местное самоуправление¹⁹⁷. Вся власть аристократии! А его брат Петр жестоко подавлял «мятежников».

Объявили шестой с начала войны набор рекрутов, всего «забрали» 700 тысяч человек.

Весной 1774 года Совет при высочайшем дворе в наметках по мирному урегулированию дошел до предела уступок. Панин предложил отказаться от крепостей Керчь и Еникале, вернув их татарам, а самим удовлетвориться Кинбурном. В то же время зрело убеждение, что лишь на поле боя, а не за столом переговоров можно добиться успеха. Румянцев получил предписание «в будущую кампанию по взятии Варны и разбитии визиря в Шумле» не полагать «Балканы пределом военных действий». «Даруй Боже, – напутствовала Екатерина фельдмаршала, – чтобы руки ваши, лаврами увенчанные, равномерно увенчались и ветвями мира». Панин добавил и свое пожелание: «с алчностью желать и добиваться» мира¹⁹⁸.

Полководец принял судьбу войны на себя.

Весной 1774 года тучи на международном горизонте рассеялись. Стокгольм не дерзнул бросить вызов Петербургу. «Швеция спокойно остается и лутчего не желает», – делился своими мыслями с А. М. Обресковым Денис Иванович Фонвизин, служивший тогда по ведомству иностранных дел. Дания, довольная передачей ей гольштинских владений великого князя Павла Петровича, «в тесной с нами дружбе»; Англия «пребывает в той же диспозиции», Австрия и Пруссия поглощены разделом Речи Посполитой. Лондон домогался сближения с Россией. Посланник А. С. Мусин-Пушкин сообщал: «об уповании скорого случая к постановлению с Е.и.в. двором того прочного союза, которого здешние министры толь усердно желают». Британский кабинет подстегивали тревожные события в Северной Америке, предвещавшие восстание тринадцати колоний. Правда, в тронной речи короля Георга III при открытии осенней 1773 года сессии парламента мелькнула фраза, показавшаяся подозрительной: «Продолжение войны России с Портой, с коими обеими я нахожусь в интимной дружбе, хотя и не имею обязательств ни к той, ни к другой, причиняет мне много боли». Последовал российский демарш относительно «столь непристойных и неместных выражений», поставивших дружбу с Россией на одну доску с будто бы «ничего не значащим» для Англии «с Оттоманскою Портою сопряжением». Из Форин-офис поступили объяснения, смахивавшие на извинения: Великобритания озабочена сохранением «тишины» в Европе, турки начали подозревать «о здешнем к России пристрастии», и монарх, дабы не портить с ними отношения, прибег к маневру. Объяснения поступили на фоне потоком приходивших вестей о нараставшем «американском неповиновении»¹⁹⁹. Лондону было не до ссор с Петербургом.

¹⁹⁶ Там же. С. 248; АВПРИ. Ф. Сношения с Турцией. 1773. Д. 1760. Л. 115

¹⁹⁷ Дружинина Е. И. Указ. соч. С. 253, 257

¹⁹⁸ АГС Т. 1. Стб. 270, 271; Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 15. С. 74

¹⁹⁹ АВПРИ. Ф. Сношения с Англией. 1773. Д. 254. Л. 120; Д. 255. Л. 17, 29, 31, 74; 1774. Д. 261. Л. 15, 16–18, 22, 41, 50

Франция исчерпала лимит своих козней. Людовик XV доживал последние месяцы, а злокачественная опухоль кризиса уже расползлась по стране. Неприязненность в российско-французских отношениях сохранялась: «Общая система Франции против нас состоит в том, чтобы стараться возвратить Россию в прежнее состояние державы, действующей не самостоятельно, а в угоду чужим интересам», – доносил из Парижа посол И.С. Барятинский. Но ни сил, ни средств на крупные интриги в далеком юго-восточном углу Европы у Парижа не доставало.

В мае 1774 года от оспы скончался самый лютей враг России, король Людовик XV. Ему наследовал внук, тоже Луи, уже шестнадцатый по счету, слабый, нерешительный, находившийся под сильным влиянием (многие считали – под каблуком) супруги, австрийской принцессы Марии Антонии, превратившейся в Париже в Антуанетту²⁰⁰. В дипломатической среде ожидали обострения отношений с Англией в связи с американскими делами, и не ошиблись.

В начале 1774 года скончался султан Мустафа III. Покойный хотел передать престол сыну Селиму и загодя расправился с тремя братьями, но до четвертого, Абдул Хамида, не добрался. Принц более 40 лет прожил в серале в окружении женщин и евнухов. Верный раб приносил ему пищу и тем самым избавил его от отравы. Он научился читать и писать, и на том его образование кончилось. Ездить верхом потомок завоевателей не умел, на коня его подсаживали. «По тихому и спокойному нраву нового султана заключается, что он не оставит оказать отличную склонность к миру, тем более что и весь константинопольский народ не малое к тому имеет желание», – полагал Д. М. Голицын²⁰¹.

Дело, конечно, заключалось не столько в тихом нраве нового властителя, сколько в том, что страна дошла до крайней степени истощения. С 1771 года то тут, то там вспыхивали мятежи. В мае этого года британские дипломаты докладывали: «Беспорядки в Константинополе столь велики, что лавки закрыты. Лавочникам разрешили убивать всех нападающих... Небольшие деревни покинуты из-за страха перед войсками». В декабре 1773 года тайный осведомитель сообщал из Стамбула: «Янычары постоянно отправляются отсюда сушей и морем...» Платят им плохо, и «они творят все виды безумств, грабя людей прямо на улицах». Порта выдохлась до того, что, по словам прусского посланника А. Цегелина, «не может поднять головы»²⁰².

«Партия мира» в Стамбуле одерживала верх, и П. А. Румянцев поощрял ее усилия самым надежным способом – наращивая военное давление. Переправив на правый берег Дуная два корпуса, он пренебрег подаваемым петербургскими стратегами советом – приступить к осаде крепостей, полагая, что под ними можно всерьез и надолго застрять, а двинул войска к Балканскому хребту. 9 (20) июня Суворов, имея 15 тысяч солдат и офицеров под ружьем, в битве при Козлудже обратил в бегство 40-тысячный отряд Абдул-Резака: противостоять русским в поле оказалось гораздо сложнее, чем за столом переговоров. Великий везир засел в Шумле (Шумене), куда и устремился П. А. Румянцев.

5 (16) июля в его временную ставку у деревни Кючук-Кайнарджи прискакал турецкий гонец с просьбой об открытии переговоров. Поскольку Высокая Порта поручила вести их второму лицу в государстве, российская сторона возложила эту миссию на Румянцева, А. М. Обрескову оставалось удовлетвориться ролью второго уполномоченного. Фельдмаршал, как мог, утешал товарища: «Язык и сердце мое не знают против Вас двоякости, и я чужой труд, тем меньше особы, которую привык я почитать, ни мало не удобен обращать единство в славу себе собственную»²⁰³.

²⁰⁰ Там же. Л. 58, 72

²⁰¹ Там же. Д. 553. Л. 40, 67, 77

²⁰² Там же. 1771. Д. 580. Л. 99-100; Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 15. М., 1995. С. 78

²⁰³ Чтения ОИДР М., 1865. Кн. 2. С. 300

Сосредоточение в одних руках функций главнокомандующего и миротворца оказалось удачным. Фельдмаршал наотрез отказался возобновлять бесконечную негоциацию, заявив великому везиру: «О конгрессе и еще менее о перемирии я не могу и не хочу слышать». Российские условия противной стороне известны, и «доколе сии главнейшие артикулы не утверждены будут, действия оружия нашего никак не перестанут»²⁰⁴. Полководец дал туркам пять дней. Жесткий срок был определен не случайно – на 10 июля падала печальная годовщина прутской трагедии 1711 года, и Румянцев хотел вычеркнуть подписанные тогда тяжелые условия мечом. Обресков застрял на переправе через Дунай, и вторую роль в российской делегации взял на себя генерал-поручик Н. В. Репнин, послуживший уже посланником в Варшаве и не новичок в дипломатии. Все, согласованное в Фокшанах и Бухаресте, было подтверждено, так что труды Обрескова не пропали даром. Еще против 28 артикулов, уверял Румянцев великого везира, «нет причины прекословить». Чтобы отбить всякое желание заниматься этим делом, командующий обещал «удержать оружие и отойти от настоящего положения» в случае благоприятного ответа из турецкой квартиры²⁰⁵. Османской сговорчивости способствовали успехи на фронте: крепости Шумла, Силистрия, Рущук были блокированы, в окрестностях первой, где засел великий везир, хозяйничали казаки, выжигавшие окрестные поля.

Договор был подписан Н. В. Репниным и Ресми-Ахмедом 10 июля, в обусловленный Румянцевым срок, и утвержден им и великим везиром. Из-за спешки и отсутствия в турецкой делегации, насчитывавшей 200 человек, хотя бы одного, знающего принятый тогда в дипломатии французский язык, обошлись без него. Договор существует в русском, турецком и итальянском вариантах. Поспешностью можно объяснить и известную хаотичность в расположении статей. Румянцев объяснял, что подписание акта произошло «без всяких обрядов министеральных, а единственно скорою хваткою военною, соответствуя положению оружия, с одной стороны, превосмогающего, а с другой – до крайности угнетенного»²⁰⁶. Здесь следовало бы все же упомянуть о большой подготовительной работе, проделанной А. М. Обресковым.

Стремительный натиск фельдмаршала породил легенду, будто договор был подписан на барабане в палатке полководца. На самом деле к решающему дню успели выстроить легкий павильон, и в нем на столе, покрытом красным сукном, и была учинена акция.

Содержание трактата сводилось к следующему: признавалась независимость Крыма под властью «хана Чингизского поколения» на обширной территории (сам полуостров, причерноморские степи, Таманский полуостров и земли на Кубани). Султан терял право инвеституры Гиреев, но как «верховный правитель магометанского закона», продолжал пользоваться влиянием «в духовных обрядах» (в каких – не уточнялось). К России отошли крепости Керчь и Еникале, контролировавшие проход из Азовского моря в Черное; они же вместе с Кинбурном в устье Бугского лимана позволяли России установить стратегическое господство над ханством. К ней отошли Азовский уезд и обе Кабарды, Большая и Малая²⁰⁷. Статья 11 трактата предусматривала свободу плавания российских торговых кораблей в Черном море и проливах Босфор и Дарданеллы. О плавании военных кораблей (на чем настаивала Екатерина) не говорилось ничего. Высокая Порта не допускала в них ни одного иноземного парусника под военным флагом. Но для торгового судоходства ворота Средиземного моря были распахнуты, чему способствовало и приобретенное право наибольшего благоприят-

²⁰⁴ Петров А. М. Война России с Турцией и польскими конфедератами. Т. 5. СПб., 1874. С. 189

²⁰⁵ Там же. Приложения. С. 191–192

²⁰⁶ Румянцев П. А. Документы. Т. 3. М., 1955. С. 24–41

²⁰⁷ Текст Кючук-Кайнарджийского договора опубликован: Юзефович Т. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869. С. 24–41; и в виде приложения в книге Е. И. Дружининой о данном мире

ствования, распространившее на Россию ранее полученные Францией, Англией, Голландией и Венецией по так называемым капитуляциям привилегии в коммерции.

Правда, для получения ожидаемых выгод предстояло построить порты и обзавестись коммерческим флотом, который почти отсутствовал. Некий насмешник из дипломатического корпуса сострил, что российские торговые суда – самые защищенные в мире, потому что на каждых двух «купцов» приходится по одному военному паруснику. Но пока что пункт о свободе прохода через Проливы торговых судов под любым флагом позволял вывозить свои товары на заморских кораблях.

В договоре положению христиан посвящено шесть статей (1, 7, 14, 16, 17 и 25). В них говорилось об амнистии всем поднявшим оружие против Порты и вообще проявил к ней нелояльность. Артикул 14 предоставил России право построить в Константинополе церковь с пребыванием ее «под протекциею оной империи министров» (посланников), которая «никакому притеснению или оскорблению подвержена не будет».

Статья 7 заслуживает того, чтобы привести ее полностью: «Блистательная Порта обещает твердую защиту христианскому закону и церквам оного; равным образом дозволяет министрам Российского императорского двора делать по всем обстоятельствам в пользу как воздвигнутой в Константинополе упомянутой в четырнадцатом артикуле церкви, так и служащих в оной разные представления и обещает принимать оные во уважение, яко чинимые доверенною особою соседственной и искренне дружественной державы». В отношении Молдавии и Валахии российские права трактовались шире: султан соглашался, «чтоб по обстоятельствам обоих сих княжеств министры Российского императорского двора, при Блистательной Порте находящиеся, могли говорить в пользу сих двух княжеств, и обещает внимать оные со сродственным к дружеским и почтительным державам уважением»²⁰⁸. На этой юридической основе, облеченной в религиозную форму покровительства православного монарха над православными подданными султана, базировалась балканская политика России вплоть до Крымской войны 1853–1856 годов.

По логике вещей следовало повысить статус той особы, которой поручалось претворять в жизнь заботу о турецких христианах. Замахнуться на ранг посла не решились, ограничились званием министра (посланника). И он по иерархии шел вслед за «цесарским» (австрийским). Российские самодержцы в турецких документах стали именоваться падишахами. Иной подход к проблемам, касавшимся христиан, кроме религиозного, Высокая Порта сочла бы недопустимым вмешательством в ее внутренние дела.

В дальнейшем этот принцип толковался расширительно, российская дипломатия использовала специфическую роль религии в Османской державе. Болгарин или грек дискриминировался здесь не как таковой, а как «неверный», а любой человек, принявший ислам, считался турком. Конфессия, а не этническая принадлежность разделяла угнетателей и угнетенных. Коран определял жизненный уклад одних, Евангелие – других. В монастырях составлялись летописи, повествовавшие о славном прошлом, о самостоятельном государственном существовании, о величии Византийской империи, о двух Болгарских царствах, о Сербском королевстве, о правлении Штефана Великого в Молдавии и Михая Витязя в Валахии, и звали к его возрождению. Вера помогала сохранять язык и письменность, драгоценное достояние народа, формировала его культуру, утверждала его самобытность. Православие являлось его знаменем в борьбе за освобождение.

Османская империя являлась родоначальником апартеида, мусульмане и христиане жили в ней порознь, одни – по законам Корана и шариата, другие – по Евангелию и обычному праву. Существовало местное самоуправление в лице сельских старост, занимавшихся сбором налогов, поставками продовольствия в Стамбул, поддержанием в порядке дорог

²⁰⁸ Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир... С. 295, 301, 352, 355

и мостов и многим другим. Имперские власти признавали существование православной общины (миллета) во главе с патриархом Константинопольским, отвечавшим перед султаном за своих единоверцев. Патриарх имел звание везира и чин трехбунчужного паши (полного генерала на европейский лад) и входил в иерархию власти. Расчленив духовное и светское в обществе, вся жизнь которого основывалась на православной культуре, было невозможно; вера, право и мораль в нем тесно переплетались, и российская дипломатия, надо отдать ей справедливость, не предпринимала ни малейшей попытки ограничить свое покровительство вопросами веры. Конечной целью всех усилий покровительствующей державы являлось обретение православными равноправия. А сие означало крах всей системы турецкого управления и господства, жидившейся на религиозной розни. А за спиной посланника «дружеской и почтительной» державы виднелся лес штыков, которые можно было пустить в ход, если бы его советами пренебрегали, что заставляло к оним советам прислушиваться.

Вероятно, сами творцы Кючук-Кайнарджийского мира, прорубая окно на Балканы, не сознавали всех далекоидущих последствий 14-го артикула трактата насчет права посланников «говорить» в пользу единоверцев. А уж турецкие уполномоченные, ставя подписи под договором, ведать не ведали, что закладывают мину замедленного действия под здание своей державы.

* * *

Увы, договор не внес успокоения в отношения его участников. Понадобилась особая «изъяснительная конвенция» (март 1779 года) для подтверждения условий Кючук-Кайнарджийского мира. Яблоком раздора оставался Крым, утвердилась мысль о затаенном желании самодержавия приобщить ханство к своим владениям. Подобный взгляд несет на себе отпечаток представления о Крыме как о райском уголке, благословенном месте, созданном для отдохновения от житейских забот:

Запах розы, говор струй.
Всей природы обаянье,
И невольное слиянье
Уст в нежданный поцелуй

(Я.П. Полонский)

В XVIII столетии Крым представлялся в ином свете, мрачном и зловещем. Вспоминался провал двух походов князя В. В. Голицына во время правления царевны Софьи. Во время Русско-турецкой войны 1735–1739 годов российские войска дважды вторгались на полуостров и дважды его покидали, преследуемые не врагом, а нестерпимой жарой, оставляя по пути отступления тела мертвых солдат и трупы павших лошадей. О первоклассной крымской пшенице не думали. Место отдохновения? Так туда же надо тащиться тысячи верст на повозке, под заунывные песни ямщика. Уже после присоединения ханства к державе князь М. М. Щербатов, автор знаменитого памфлета «О повреждении нравов в России», перечисляя злые дела Екатерины, писал: «зря приобрели, или лутче сказать, похитили Крым, страну, по разности своего климата служащую гробницею россиянам»²⁰⁹. Совет при высочайшем дворе предельно четко обозначил свою позицию: крымские татары «по их свойству и положению, никогда не будут полезными подданными е.и.в.»; присоединять их – значит возбудить в Европе «зависть о беспредельном намерении умножения своих обла-

²⁰⁹ Цит. по: Хрестоматия по русской литературе XVIII века. М., 1952. С. 275

стей», предостерегаться от чего «благоразумие научает». И вывод: «...Велико и знатно может быть приращение силе и могуществу российским, если они отторгнутся от власти турецкой» и станут независимыми²¹⁰, то есть нужен был не захват Крыма, а стратегический контроль над ним, для чего следовало добиться установления в ханстве лояльного Петербургу режима. Преследуя эту цель, российская дипломатия погрузилась в омут таких противоречий и интриг, из которого выбраться не сумела.

У Высокой Порты и после подписания мира оставались рычаги влияния на ситуацию на полуострове. Султан, в качестве «верховного калифа закона мусульманского», сохранил право назначать в Крыму судей-кадиев, считавшихся духовными лицами, но осуществлявшими правосудие и по мирским делам. К «порогу счастья», в Стамбул, прибывали делегации от «почетных крымцев» с предложением отказаться от независимости. Идти на открытое нарушение Кючук-Кайнарджийского трактата султан не смел, но обходить его положения пытался, и не без успеха. Он сохранил право утверждения нового хана, на бумаге – чисто формальное, он был обязан выдать требуемую инвеституру; но он мог воспользоваться услугами своих сторонников для избрания удобного кандидата, который обретал ореол легитимности, только получив согласие Стамбула. Ханом стал ярый противник России Девлет Гирей. В апреле 1777 года ему пришлось скрыться в Стамбуле, чтобы избежать более неприятных последствий. В условиях присутствия в Крыму российских войск пост хана с соблюдением должной процедуры занял Шагин Гирей. Два года ушло на то, чтобы добиться его утверждения султаном.

²¹⁰ Виноградов В. И. Дипломатия Екатерины Великой. Крымская эпопея. ПНИ. 2001. № 4. С. 129

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.